А. РЕННИКОВ

КАВКАЗСКАЯ РАПСОДІЯ



А. РЕННИКОВ

КАВКАЗСКАЯ РАПСОДІЯ

РОМАН



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЗРОЖДЕНІЕ — LA RENAISSANCE
73, Avenue des Champs Elysées
Парижъ

1.

Поѣзд шел медленно, неувѣренно, будто нащупывая тревожно стучащими колесами свой ненадежный желѣзный путь.

Как всюду в Россіи в эти мѣсяцы начала 1918 года, так и здѣсь, на закавказских желѣзных дорогах, царил полный развал. Расписанія не соблюдались; стекла во многих вагонах — выбиты; на полу в купэ и в проходах — грязь, шелуха сѣмячек; мѣста в поѣздах брались с боя; пассажиры, обладавшіе достаточным здоровьем и ловкостью, забирались внутрь непосредственно через окна, презирая буржуазныя двери. На станціях от Баку до Тифлиса — живое мѣсиво из мѣстных народностей и соціальных слоев: татары, армяне, грузины, персы; русскіе солдаты, во славу революціи покинувшіе турецкій фронт; чиновники, купцы, землевладѣльцы, нарочито бѣдно одѣтые, испуганно бѣгущіе — одни на восток, другіе на запад.

И в вагонах всѣх классов пассажиры — на скамьях, на диванах, на поднятых спальных мѣстах, на полках для вещей, в проходах...

Студент четвертаго курса Петроградскаго университета Николай Тверцов пробирался из столицы к своим родителям в Батум. Во время этого нелегкаго путешествія пришлось нѣсколько раз пересаживаться в другіе поѣзда; в послѣдній раз пересадка была возлѣ Баку в Баладжарах, и здѣсь Тверцову удалось втиснуться в вагон одним из первых и даже занять мѣсто возлѣ окна: на его счастье из одного отдѣленія вывалилась цѣлая банда матросов, направлявшихся по своим буйным дѣлам на сѣвер, в Петровск.

Поѣзд вышел из Баку наканунѣ вечером; теперь было около двух часов пополудни слѣдующаго дня, а доѣхали только до Караязской степи. По пути можно было видѣть не мало разрушенiй, произведенных подонками мѣстнаго населенія, радостно воспріявшими смысл наступившей свободы: обугленныя послѣ пожара зданія нѣкоторых станцій; разбитые желѣзнодорожные амбары и склады; поваленные телеграфные столбы, наскоро замѣненные новыми.

Тверцов разстегнул свою студенческую шинель, снял фуражку и провел рукой по коротко стриженным волосам. Несмотря на зимнее время и на отсутствіе топки, в вагонѣ было жарко. Южное солнце сильно грѣло сквозь оконное стекло, ярко освѣщая сидѣвших в купэ: добродушнаго стараго грузина с небольшой сѣдой бородкой, с живыми черными глазами, одѣтаго в страннаго вида теплый кафтан, с темно-синим картузом на головѣ; угрюмаго пожилого армянина в плоской шапочкѣ, в безформенном длинном пальто, подпоясанном серебрянным поясом с крупной застежкой; сидѣвшую против него молчаливую жену с глазами, в которых как будто застыло выраженіе испуга; двух русских женщин в цвѣтных платках и темных шалях; семью бритаго перса на одном из спальных мѣст наверху; какую то женщину с малолѣтними дѣтьми и двух татар напротив.

Поѣзд постепенно замедлил ход, на нѣкоторое время остановился; затѣм сдѣлал легкую попытку рвануться вперед; но снова, точно обезсиленный, стал.

— Господин студент, — почтительно обратился к Тверцову старый грузин, — вам видно... Это что? Станція Дзегам?

Старик говорил по-русски довольно свободно, но с сильным кавказским акцентом.

— Не знаю, право, — нерѣшительно отвѣтил Николай, посмотрѣв в окно. — Как будто никакой станціи не видно. Может быть, с той стороны?

— Здѣсь тоже нѣт, — вытянувшись во весь свой рост и глядя поверх стоявших в проходѣ пассажиров, проговорил грузин.

— Теперь кажный машинист сам себѣ станція, — угрюмо замѣтил армянин. — Восемь часов работал, значит отдыхать надо. Должно быть на паровозѣ суп кушает.

— А может — шашлык, — с лукавой улыбкой добавил грузин.

— Оганез, молчи, — сказала армянину жена, тревожно косясь на русских сосѣдок. — Спи лучше.

— Зачѣм спать? Я уже спал. От того, что я буду спать, люди не сдѣлаются умными.

— Ого, смотрите, пожалуйста! — насмѣшливо воскликнул грузин, взглянув на окно и почувствовав, что поѣзд тронулся с мѣста. — Поѣхал!

Поѣзд, однако, через минуту опять стал. В вагонѣ раздался смѣх. А в проходѣ послышался дребезжащій звук опускавшагося окна, и кто-то громко крикнул по направленію к локомотиву:

— Крути, Гаврила! Чего дурака валяешь?

— Ох, ох, — вздохнул армянин, подняв глаза кверху и уставившись презрительным взглядом на облупленную доску спальнаго мѣста, гдѣ помѣщалась женщина с малолѣтними дѣтьми. — Я думаю, это путейскій министр кричит. Сейчас всѣ стали министры. Раньше один министр давал приказ, и сто тысяч народа его слушали. А теперь — сто тысяч министров кричат, а один только человѣк слушает и тот обижается.

— Оганез! — снова произнесла жена.

— Сам знаю, что Оганез. А что это еще кругом — большевики, меньшевики, кадеты? Говорят, всѣ должны быть равные. А вот, выходит, одни — больше, другіе — меньше. А есть еще и совсѣм маленькіе: кадеты. Раньше в Тифлисѣ были кадеты — военные мальчики, а сейчас — идет старик с сѣдой бородой, и про него говорят: кадет. Вот как все перепутали!

Тверцов улыбнулся при послѣдних словах армянина и отвернулся к окну. Таких откровенных разсужденій, о критикой новых властей и руководителей масс, он наслышался не мало в дорогѣ от самаго Петрограда. Больше-

вицкая слѣжка за населеніем еще не была достаточно организована.

Поѣзд снова двинулся в путь, направляясь к Тифлису вдоль южной стороны долины Іоры. Хотя был январь, в степи зеленѣла трава, мелькали вдали какія-то бѣлыя точки — возможно, цвѣты. С одной стороны, к сѣверу, в туманном горизонтѣ неясно очерчивался горный дагестанскій массив; с другой стороны, к югу, шли холмистыя предгорія армянской возвышенности, откуда в долину стекали многочисленныя рѣки. Уже проѣхали станціи Акстафу и Пойли, гдѣ вплотную к желѣзной дорогѣ подошли мутно-желтыя воды Куры. В купэ стало тихо. Армянин задремал, грузин тоже.

Прислонив голову к стѣнкѣ вагона, Тверцов разсѣянно смотрѣл на Куру, перешедшую теперь на южную сторону, и обсуждал план дѣйствій на ближайшее время. Так как из-за пересадок пришлось задержаться в пути, остановку в Тифлисѣ можно сдѣлать только дня на два; иначе родители будут в Батумѣ очень тревожиться. Кромѣ того, жить эти дни он будет у Павловых, дальних родственников матери; и, хотя Павловы очен гостепріимны и сами часто гостили у Тверцовых, однако люди они не богатые, стѣснять их неудобно, особенно теперь, когда все стало так дорого.

Но побывать в Тифлисѣ обязательно нужно. Уже только для одного того, чтобы повидаться с друзьями — гимназическими товарищами, Женей Хачатуровым и Шалвой Микеладзе. Гдѣ сейчас находится Шалва, неизвѣстно; но Хачатуров — в Тифлисѣ. Не так давно Тверцов получил от него в Петроградѣ письмо, в котором тот сообщает, что осенью не поѣхал в Харьков продолжать ученіе, а поступил на службу в одно тифлисское страховое общество, чтобы помочь своей больной матери.

Нѣт, нельзя проѣхать мимо и не навѣстить друзей. Тѣм болѣе, что со времени окончанія гимназіи он ни разу не видѣл их, так как на каникулы ѣздил обычно в Батум через Новороссійск.

Тверцов смотрѣл в окно на деревья, кусты, скалы,

проходившіе мимо в плавном танцѣ под аккомпанемент стучащих колес; и постепенно мысли перекинулись из тревожнаго настоящаго в беззаботное прошлое. Вспомнился гимназическій пансіон, товарищи, преподаватели, выпускные экзамены...

Шалва Микеладзе и Хачатуров тоже были пансіонерами. Всѣ трое подружились уже в младших классах; сидѣли за партами рядом, вмѣстѣ устраивали по воскресеніям с разрѣшенія начальства экскурсіи в окрестности города. Он, Тверцов, и Хачатуров учились хорошо, шли одними из первых; что же касается Микеладзе, то наука давалась ему не легко — хромал он по всѣм предметам кромѣ гимнастики. На уроках оба пріятеля всегда усиленно подсказывали своему другу, оберегая его от двоек и единиц; а особенно опекали они Шалву на переходных экзаменах, подкидывая ему рѣшенія задач или сочиненія по русскому языку: они искренно страшились того, что Шалва останется в классѣ на второй год и этим разрушит их прочный тріумвират.

И как ясно помнит он, Тверцов, торжественный товарищескій ужин в ресторанѣ на «Верѣ» послѣ окончанія выпускных экзаменов! На ужин были приглашены преподаватели, даже сам директор. Директор, правда, ужинать не остался: выпил стакан вина, сказал нѣсколько слов о высоком предназначеніи молодежи во всем мірѣ, в частности в Россіи, и уѣхал. А батюшка был. И француз тоже. И латинист, и математик, и учитель русскаго языка.

В началѣ вечера Тверцов, Шалва и Хачатуров сидѣли возлѣ преподавателя математики — Артемія Сергѣевича, почтительно обсуждая с ним вопрос о выборѣ факультета. Сам Тверцов твердо рѣшил итти на физико-математическій, так как по математикѣ был в классѣ первым учеником и, кромѣ того, уже с шестого класса увлекался астрономіей. У него дома, в Батумѣ, была даже своя подзорная труба, купленнная за 25 рублей, при помощи которой, во время каникул, он недурно изучил звѣздное небо. Артемій Сергѣевич вполнѣ одобрял намѣреніе Тверцова сдѣлаться в будущем астрономом; однако, когда

послѣ нѣскольких рюмок водки и стаканов вина молодой астроном откровенно заявил, что сдѣлается впослѣдствіи директором Пулковской обсерваторіи, учитель испуганно крякнул и заговорил с Хачатуровым. Но Хачатуров тоже оказался весьма требовательным к своему будущему. Так как в своем классѣ он лучше всѣх знал древніе языки, то он поступит на историко-филологическій и сдѣлается профессором классической филологіи. Но не таким, какими бывают десятки и сотни, а, разумѣется, знаменитым, лучшим знатоком греческих и римских древностей.

— Ну, а ты, Шалва, что? — разочаровавшись в скромности Хачатурова, обратился Артемій Сергѣевич к Микеладзе. — Надѣюсь, профессором математики не сдѣлаешься?

Будучи старым преподавателем, он к ученикам всѣх классов обращался на «ты».

— Нѣт, — твердо заявил Шалва.

— А куда поѣдешь?

— Может быть, в Сельско-хозяйственный Институт. Артемій Сергѣевич. А, может быть, в Кавалерійское училище.

— Тогда иди, брат, лучше в ветеринары, — усмѣхнувшись, посовѣтовал преподаватель. — Это сразу и к сельскому хозяйству имѣет отношеніе и к кавалеріи. А между прочим, дорогой мой, — лукаво добавил он, — теперь дѣло прошлое, аттестат ты уже получил... Скажи: вѣдь ты на экзаменѣ рѣшеніе задачи списал? Вѣрно?

— Списал, Артемій Сергѣевич, — со вздохом согласился Шалва.

— Сомнѣній у меня никаких не было, — добавил учитель. — Но как удалось? Я все время ходил вокруг тебя, слѣдил, но ничего замѣтить не мог.

— Это меня в Елизаветполѣ один фокусник из цирка научил. Резиновая тесемка внутри рукава прикрѣпляется... Вы уж простите, Артемій Сергѣевич, честное слово, больше не буду! Выпейте со мной вина, если не сердитесь.

— Ах ты, разбойник! Мало того, что обманул, еще смѣется над стариком! Ну хорошо, наливай.

Вторую половину ужина Тверцов не так ясно помнит, как первую: товарищи, особенно кавказцы, все время заставляли пить. Но, все-таки, вспоминается, что в ресторанѣ становилось шумнѣе и шумнѣе, воздух был синим от папирос. Хачатуров ни с того, ни с сего встал и начал декламировать оды Горація. Сам Тверцов, вдохновляемый примѣром Хачатурова, тоже встал, громко заявил всѣм присутствовавшим, что Земля несется вокруг солнца со скоростью 27 верст в секунду, но что это еще ничего, так как скорость, с которой вся солнечная система мчится к созвѣздію Геркулеса, значительно больше. Что же касается Шалвы, то охваченный чрезвычайной жизнерадостностью послѣ выпитаго вина и не зная, куда израсходовать накопившуюся за эти часы энергію, он схватил со стола нѣсколько ножей и, держа их в руках, изступленно начал танцовать лезгинку с кинжалами, принудив к бѣгству из зала послѣдніе остатки преподавательскаго персонала. И что было потом — Тверцов уже совершенно не помнит. Кажется, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то кого-то бил.

Да, хорошее было время!

Николай блаженно улыбался, глядя в окно. А там тоже — точно тѣни чьих-то чужих воспоминаній — проходили полосы вспаханных полей, сѣти оголенных вѣтвей гигантских чинаров, каменныя морщины обрывистых гор. По мѣрѣ приближенія к Тифлису, вид мѣстности становился болѣе жизнерадостным. Встрѣчались любовно расчерченные ряды виноградников, дома окруженные фруктовыми садами. Здѣсь совсѣм не то, что там, раньше, вблизи Каспійскаго моря, гдѣ все вокруг такое унылое, пустынно-желтое, едва скрашенное рѣдкой растительностью.

А какую чудесную прогулку совершили пріятели втроем послѣ выпускных экзаменов, перед тѣм как разъѣхаться по домам!

Это было даже интереснѣе товарищескаго ужина. Он, Тверцов, помнит всѣ детали этой экскурсіи.

Николай и Хачатуров были одѣты в новенькія сту-

денческія тужурки. Что же касается Шалвы, то он нарядился в штатское платье — отчасти из либерализма, отчасти оттого, что не знал, какую форму будет носить. Перекинув через плечи мѣшки с провизіей и кое-какими вещами, пріятели дошли пѣшком до станціи Авчалы и там стали взбираться на высокую лѣсистую гору, у вершины которой находился заброшенный монастырь Іоанна Зедазенскаго. Приходилось преодолѣвать цѣпкія заросли ежевики, взбираться на скалы, хвататься за стволы и вѣтви деревьев, продвигаться по каменистым руслам бывших зимних потоков.

В монастырѣ не оказалось никого — даже сторожа. Старая церковь, покрытая плѣсенью, обвитая в нѣкоторых мѣстах ліанами, была заперта. Но тут же, на площадкѣ, всторонѣ находилось низкое длинное зданіе, в которое можно было свободно войти. Внутри не было ничего кромѣ старых, изъѣденных червями скамеек и покрытых пылью нар вдоль сѣрых каменных стѣн. Очевидно, это строеніе служило когда-то гостиницей для богомольных паломников.

Сложив тут свои вещи, пріятели отправились осматривать вершину горы.

— Отсюда навѣрно будет хорошій вид на Тифлис, — авторитетно сказал Шалва, подходя к одному из обрывов. Он раздвинул кусты прошел нѣсколько шагов и удивленно воскликнул:

—Вот так штука! Ничего нѣт!

Над той котловиной, в которой находился Тифлис, клубились густыя грозовыя тучи. Точно стадо фантастических чудищ, сжатых тѣсниною гор, в нѣмом безпорядкѣ толпились онѣ в глубоком воздушном провалѣ. Изгибались темно-синія мохнатыя спины, вздымались безформенныя волосатыя головы, сверкая золотой сѣдиной в лучах заходившаго солнца.

— Какая красота! — сказал со вздохом Тверцов.

— Да, но жалко, Тифлиса не видно, — тоже со вздохом добавил Шалва.

Ничего, не пропадет, завтра увидим, — весело за

вѣтил положительный Хачатуров. — Идем назад, соберем сухих вѣток, пока не темно.

До поздняго вечера друзья просидѣли возлѣ костра. Ночь здѣсь, на высотѣ, наступила холодная. Чтобы согрѣться, приходилось все время подбрасывать новые сучья. При каждой вспышкѣ огня погруженныя во мрак деревья будто бы придвигались к костру, протягивая со всѣх сторон озябшія вѣтви. Сѣрым призраком вырастала из тьмы заброшенная старая церковь. А сверху сквозь листву время от времени прорывалась зарница, и гдѣ-то ей в отвѣт неясно рокотал гром.

Бесѣда у костра велась главным образом о планах на будущее. Всѣ трое, конечно, хотѣли бы поѣхать в один и тот же университетскій город; но, к сожалѣнію, осуществить это было нельзя. Хачатуров, получив золотую медаль, имѣл право на кавказскую стипендію; а стипендія эта обязывала к поступленію только в провинціальные университеты. Тверцов, получившій серебряную медаль и не претендовавшій на стипендію, мог ѣхать куда угодно; но в Петроградѣ у него были дальніе родственники, соглашавшіеся взять Николая к себѣ за скромную плату, и мать настоятельно просила его учиться там: ей так будет спокойнѣе. А что касается Шалвы, то отец обязательно хотѣл, чтобы сын не шел в кавалерійское училище, а поступил в Сельско-хозяйственный Институт в Москвѣ.

К ночи на Тифлис обрушилась гроза. Нѣжныя зарницы превратились в неистовую огненную бурю; тихій рокот грома — в яростный грохот и треск. Подойдя осторожно к обрыву, пріятели с любопытством смотрѣли в сторону невидимаго города. Там, сшивая тучи раскаленными нитями, вспыхивали голубыя и розовыя молніи; падали в пропасть извивы огней, обрушивались стремительныя стрѣлы, ведущія за собой оглушительные короткіе взрывы. В волнах свѣта внезапно озаренныя тучи строили причудливые замки, дворцы, создавали волшебные сады с пламенными цвѣтами, с горящими водопадами. И мгновенно все проваливалось в черную пустоту ночи до новой игры.

С наслажденіем выспавшись на голых нарах заброшенной монастырской постройки, молодые люди позавтракали, полюбовались видом на город, над которым теперь не было ни одного облачка, и стали осматривать склоны горы, намѣреваясь найти отсюда спуск в сторону Мцхета.

Однако, с запада, куда было бы итти ближе всего, площадка монастыря обрывалась почти вертикально. Деревья, в перемѣшку с кустами, висѣли над пропастью, цѣпляясь корнями за выступы скал. В глубоком мглистом ущельѣ бѣлой царапиной по каменистому дну тянулся горный поток. В синих тѣнях ранняго утра поднимались над ним зубчатые утесы сосѣдней горы; зеленой стѣной шла вверх громада густого лиственнаго лѣса; и у самой вершины, в лучах восходящаго солнца, сверкали высокіе скалистые выступы, точно развалины крѣпости, с горделивыми башнями, с бойницами в углубленіях камня.

— Это не Арагва, — глядя вниз, сказал Тверцов. — Она, навѣрно, за этой горой.

— Должно быть, — согласился Шалва. — Да здѣсь и спускаться нельзя. Никаких жилищ и дорог нигдѣ не видно.

Он посмотрѣл на тянувшійся возлѣ него выступ площадки, увидѣл обломок скалы, лежавшій над самым обрывом, и по лицу его пробѣжала радостная улыбка.

— А знаете, господа? — весело произнес он. — Это было бы очень интересно: спихнуть такую штуку вниз!

— Какую штуку? — с тревогой спросил Хачатуров.

— А этот камень. Чего он торчит тут? Подождите-ка!...

Не успѣли Тверцов и Хачатуров возразить, что это дико, что можно случайно убить в ущельѣ какого-нибудь пастуха или охотника, как Шалва быстро лег на землю, протянул вперед ноги и напрягши мускулы, столкнул обломок скалы в пропасть. Послышался один глухой удар, другой... Раздался жалобный треск ломающихся деревьев, гул увлеченной вниз лавины мелких камней.

— Сумасшедшій! — воскликнул Тверцов. — Ты сам чуть не соскользнул вслѣд за ним!

Он с возмущеніем отошел всторону и двинулся вдоль площадки к пологому спуску, поросшему высоким кустарником. Здѣсь оказались слѣды какой-то тропинки. Пробираясь по ней, Николай увидѣл среди деревьев небольшую часовню. Зеленая лужайка, усыпанная яркими цвѣтами, окружала ее.

— Пойдем, посмотрим, что внутри, — предложил Тверцов, когда Хачатуров и Шалва присоединились к нему.

Всѣ трое вошли в часовню, у которой уже не сохранилось ни двери, ни окон. В глубинѣ, на стѣнѣ, висѣла небольшая икона, почернѣвшая, пыльная, на которой нельзя было ничего разобрать. Перед нею на каменной глыбѣ, грубо отесаной в видѣ аналоя, лежала плита, тоже из камня, а на плитѣ покоился человѣческій череп.

— Хорошій вид отсюда, — сказал Женя, выглядывая в дыру, гдѣ раньше было окно. — Вот тут уже, должно быть, ущелье Арагвы.

— А чей это череп? — заинтересовался Тверцов, благоговѣйно остановившись на нѣкотором разстояніи от каменнаго аналоя. — Едва ли самого Іоанна Зедазенскаго.

— Ну разумѣется, — согласился Хачатуров. — Монахи не оставили бы его здѣсь.

Тверцов подошел поближе и перекрестился. Женя послѣдовал его примѣру. А Шалва, у котораго радостная удаль послѣ сброшеннаго в пропасть камня еще не прошла, пренебрежительно взглянул на череп и весело проговорил:

— Все равно. Даже если это и Іоанна Зедазенскаго, кому он теперь нужен? Если кто украдет, то только студент медик.

— Ну, ну, — укоризненно произнес Тверцов. — Оставь, пожалуйста, свой глупый тон.

— Чего оставь? Раньше, конечно, человѣк был. Мозги находились внутри. А теперь что? Пусто!

Он неожиданно протянул руку к черепу и громко щелкнул по лбу пальцем.

— Не смѣй! — Тверцов с испугом оттолкнул рук; пріятеля. — С ума сошел?

— Отчего с ума? — усмѣхнулся Шалва. — Ничут' не сошел. Я, просто, так...

Он качнулся на мѣстѣ, как-то странно протянул впе ред руки и растерянно добавил:

— С научной... точки... только... Поддержите меня Голова закружилась...

Встревоженные друзья взяли Микеладзе под руки усадили на землю и прислонили к стѣнѣ. Николай хотѣ. было сказать, что это Бог наказал за кощунство, но пр(молчал. Шалва должен был сам вывести подобное заклю ченіе. Он нѣсколько минут неподвижно сидѣл у стѣны закрыв глаза и судорожно опираясь в землю руками.

— Ну, что, лучше? — участливо спросил Хачатуро) когда Микеладзе со вздохом пріоткрыл, наконец, глаза.

— Да... Немножко...

— Перекрестись, — посовѣтовал Тверцов. — Ть. вѣдь, сам понимаешь в чем дѣло.

— Но я же не серьезно, — жалким голосом пробо] мотал Шалва. — Я просто... пошутил только....

— Ну и покайся.

— Хорошо... Если, дѣйствительно, грѣшно, я могу..

Он медленно поднял правую руку и неувѣренным дві женіем перекрестился.

— Вот и отлично. — Николай повеселѣл. — Увидишь скоро пройдет. Я помню, как-то батюшка на мой вопро о том, почему Бог очень часто оставляет негодных люде безнаказанными, отвѣтил: «на землѣ Господь наказывае за грѣхи только тѣх, кого считает своими дѣтьми. А вся кіе негодяи для него — уличные мальчишки, с которым не стоит возиться». Значит, ты для Бога — сын, если О тебя за твое хулигантство сразу наказал.

— Ну, пошел рассуждать! — Шалва устало улыб нулся. — Сейчас мнѣ, правда, значительно лучше. Толь ко маленькая слабость осталась... Но все это, навѣрно оттого, что слишком тяжелый камень столкнул.

Он приподнялся, постоял немного на мѣстѣ, точн(

провѣряя свою устойчивость, и направился к выходу. Чтобы дать возможность ему вполнѣ оправиться послѣ припадка головокруженія, пріятели рѣшили посидѣть немного на лужайкѣ, прежде чѣм отправиться в дальнѣйшій путь. Трава здѣсь росла необычайно яркая, с изумрудным отливом; огромныя пушистыя скабіозы, розовыя, голубыя и фіолетовыя, достигающія таких размѣров только на горных высотах, чередовались с ромашками, походившими на лучистыя бѣлыя звѣзды; вмѣстѣ с диким цикоріем, с гроздями синих и голубых колокольчиков все это сливалось в живую многоцвѣтную ткань. А в сторонѣ, под легким утренним вѣтром, плескались листья буков и грабов, и в зеленых нѣдрах листвы суетливыя птицы перекликались о заботах наступившаго дня.

Нѣкоторое время всѣ трое молчали. Микеладзе сидѣл, опустив голову, разсматривая стебли травы; Хачатуров разсѣянно срывал попадавшіеся под руку цвѣты и бросал их в разныя стороны; а Тверцов задумчиво смотрѣл на сверкавшую вершину сосѣдней скалистой горы.

— Хорошее мѣсто выбрали эти монахи для своего монастыря, — заговорил, наконец, он. — Вообще, основатели монастырей обращают вниманіе на красоту окружающей природы. Чтобы религіозное чувство подкрѣпить эстетическим.

— Да, конечно, — согласился Хачатуров.

— В этом отношеніи монастыри имѣют нѣчто общее с астрономическими обсерваторіями, — продолжал Тверцов. — И тѣм и другим нужно быть ближе к Богу. Сами-то астрономы этого иногда не сознают, но все равно так выходит. А матеріалисты думают, что наука уничтожает религію.

— Глупости они думают, — пренебрежительно сказал Хачатуров. — Наша наука много столѣтій уже существует, а развѣ от этого вѣрующих стало меньше? Вот, возьмите: сколько человѣк на землѣ вѣруют в то, что для распространенія свѣта необходимъ гипотетическій эфир? Только тѣ, которые окончили гимназіи, реальныя училища, корпуса и вообще среднія заведенія... Сколько может

быть таких? Ну, десять милліонов, ну, двадцать. А сколько людей вѣруют в Бога и в разных богов? Полтора милліарда! Да и многіе ли из проходивших физику помнят долго об эфирѣ? Между прочим... Шалва, ты еще не забыл, что такое эфир? — обратился Хачатуров к Микеладзе, который без особаго интереса слушал бесѣду своих товарищей.

— Конечно, не забыл.

Шалва как будто немного обидѣлся.

— А что же это такое?

— Ну, что... То, которое кладется в валеріяновыя капли.

Чтобы не конфузить Микеладзе, оба пріятеля даже не улыбнулись и, внимательно поглядѣв друг на друга, продолжали бесѣдовать. Сначала о религіи, затѣм о морали, о любви к ближним и, наконец, о любви вообще.

— Любовь мужчины и женщины вообще мало стоит, — пренебрежительно сказал Шалва, приняв наконец участіе в общем разговорѣ. — Сегодня муж жену любит, завтра бьет, послѣзавтра опять любит, а через недѣлю, вдруг, убивает. Развѣ это любовь? Чепуха!

— Ну, а любовь друзей друг к другу ты признаешь? — с ласковой внимательностью спросил Тверцов, который из вмѣшательства Шалвы в бесѣду вывел заключеніе, что тот чувствует себя уже совсѣм хорошо.

— Дружба — дѣло другое, — серьезно, даже с каким-то благоговѣніем, отвѣтил Микеладзе. — Настоящій друг — всегда друг. В простой любви люди легко могут обманывать, а в дружбѣ — нѣт. Иначе уже и дружбы не будет.

— Это вѣрно, дружба — одно из самых высоких человѣческих чувств. Конечно, она тоже — особый вид любви, но самый чистый, можно сказать. А вот, кстати, наша дружба... Мнѣ пришла в голову мысль: давайте, обѣщаем друг другу каждое лѣто во время каникул встрѣчаться здѣсь, на Кавказѣ!

— Это вѣрно! — восторженно подхватил Микеладзе. — Очень хорошо! Пріѣзжайте, например, ко мнѣ оба в будущем году в Елизаветполь!

— Идея, дѣйствительно, прекрасная, — сочувственно произнес Хачатуров. — Только надо, чтобы не было никаких неожиданностей. А мало ли что может за это время произойти. Необходимо прежде всего списываться друг с другом, держать в курсѣ, знать адреса... Да и потом, Шалва, боюсь я, что ты совсѣм не будешь писать нам.

— Отчего не буду? Еще неизвѣстно, кто будет больше писать. Это не сочиненія по русскому языку! А если хотите, могу клятву дать. Пожалуйста!

Он помолчал и продолжал уже в болѣе миролюбивом тонѣ:

— Вот, помню я, один раз лѣтом, кажется перешел я тогда в пятый класс, отец мой ѣздил по дѣлам в Дагестан и взял меня с собой. Так там, в одной деревнѣ я видѣл, как два чеченца давали друг другу клятву быть вѣрными кунаками всю жизнь. Жаль, что мы из-за своего дурацкаго образованія не можем употребить для себя такой обычай.

— А отчего не можем? — возразил Тверцов. — Образованіе тут непричем. Тут уже область не науки, а мистики. Дѣйствительно, господа! — оживленно добавил он, — эта мысль мнѣ нравится. Давайте, мы тоже поклянемся!

— Ну что ты, Николай? — Хачатуров иронически улыбнулся. — Вѣдь мы же не пятиклассники, которым хочется бѣжать в Америку к индѣйцам.

— А при чем тут индѣйцы, когда у нас на Кавказѣ тоже свои обычаи? — недовольно произнес Шалва. — Мы же кавказцы!

— Конечно, — подтвердил Тверцов. — А нѣкоторый ритуал, так сказать, сами можем придумать. Вот что! Мы сдѣлаем это в часовнѣ!

— В часовнѣ? Там? — Шалва встревожился.

— Ну да. Развѣ не подходящее мѣсто? Наша клятва тогда примет до нѣкоторой степени религіозный характер.

— Боюсь, что все это немного по-дѣтски... — нерѣшительно проговорил Хачатуров. — Вѣдь, мы уже взрослые люди и к таким вещам должны все-таки относиться серьезно.

— А развѣ взрослые люди не приносят присяги?

— Приносят, конечно. Но там кладут руку на Евангеліе, на Коран... И в присутствіи своего священника. А мы? Впрочем, в принципѣ не возражаю. Как против символа...

— Вот и отлично. А мѣсто это, как-никак, тоже священное. Положим наши руки на каменный аналой, возлѣ черепа... И союз будет вполнѣ освящен. Шалва, ты, конечно, согласен?

— Я? — Шалва смутился. — Разумѣется. План мнѣ, это самое... очень нравится. Только...

— Что?

— Только, вы думаете, голова... не закружится?

— Ах, вот что! — Тверцов улыбнулся. — Нѣт, брат, можешь быть совершенно спокоен. Теперь, вѣдь, ты подойдешь с благоговѣйным чувством. Ну, идемте, господа, внутрь!

Они всѣ трое двинулись по направленію к часовнѣ.

2.

Неожиданный шум и крик в коридорѣ вагона оборвали нить воспоминаній. Тверцов отвернулся от окна и начал прислушиваться. Дремавшій армянин раскрыл глаза, недовольно посмотрѣл в сторону двери. Грузин встал, с любопытством выглянул в проход.

— Что там такое? — спросил армянин.

— Пьяный матрос кричит, — с пренебрежительной улыбкой отвѣтил грузин. — Подождите, пойду посмотрю.

Он медленно стал протискиваться сквозь толпу пассажиров в коридорѣ, отсутствовал довольно долго и вернулся только тогда, когда крики затихли.

— Ну как? — с презрительным равнодушіем обратился к нему армянин, — никого не зарѣзал?

Грузин с веселым видом сѣл на свое мѣсто.

— Слава Богу, только хотѣл убить, но не убил. Когда махал своим револьвером, кто-то сзади схватил его руку,

вытащил и выбросил револьвер за окно. Потому матрос и кричал. Драться начал, только не знал, с кѣм.

— И что им, этим матросам, надо на желѣзной дорогѣ?, — пробурчал армянин. — Сейчас их столько ѣздит, что нельзя сказать: поѣзд идет, или пароход. А что ему нужно было? Зачѣм махал?

— Мѣсто себѣ требовал. Говорил, что он — важный комиссар из Петербурга и имѣет право не только сидѣть на скамейкѣ, но лежать тоже. А вмѣсто этого стоит как обыкновенный человѣк. Он в Пойлы в наш вагон влѣз.

— Ну и что ж такого? — вмѣшалась в разговор старшая из двух русских женщин, сидѣвших против грузина возлѣ двери в коридор. — Ежели он дѣйствительно начальник, он имѣет полное право требовать мѣста. Довольно при царизмѣ буржуи, растянувшись, лежали, а простой народ, переминаясь, стоял. Можно наконец и пролетаріату полежать тоже.

— А что? Дали ему мѣсто? — пренебрежительно покосившись в сторону защитницы матроса, спросил армянин грузина.

— Да. Один господин встал и ушел. Матрос очень к нему приставал из-за шубы с мѣхом. Говорил, что в Тифлисѣ прикажет его разстрѣлять.

— Так. Эх, эх! Что дѣлается! Только — дурак этот господин. Почему ѣздить в шубѣ, когда царя нѣт?

— Ну, насчет царя, пожалуйста, вы здѣсь не говорите, — снова вмѣшалась в бесѣду русская женщина. — Мнѣ даже очень противно видѣть такую несознательность. Поучитесь, вот, у ученых студентов, — она кивнула на Тверцова, внимательно смотрѣвшаго на нее. — Они вам скажут, что сейчас вся наука начисто стоит за революцію и за свѣтлый соціализм, который нас приведет. Вѣрно, товарищ студент?

— Нѣт, не вѣрно, — покраснѣв, отвѣтил Тверцов. — Наука не имѣет никакого отношенія к революціи.

— Хе, хе! — радостно разсмѣялся грузин, торжествующе глядя на поборницу свѣтлаго соціализма. — Что скажете, а? Видите?

— Ничего не вижу. Мнѣ только очень странно, что студент может так говорить. У нас, в Нахаловкѣ, студенты всѣ стоят за свободу. Раньше на нашей фабрикѣ работники и работницы были люди насквозь темные, не понимали ни аннексій, ни контрибуцій... А вот, как стали ходить к нам студенты да разъяснять, что такое капитал, да что такое прибавка, так сразу у всѣх глаза и раскрылись. Машины мы поломали, работать бросили... И теперь нам страшно даже вспомнить, сколько этот подлец хозяин у нас крови выпил.

— Ох, мадам, мадам, — снисходительно глядя на работницу, произнес армянин. — Что вы говорите — кровь, кровь. Лицо у вас, слава Богу, толстое, руки жирныя. Большая бѣда, ежели хозяин иногда у вас стакан крови брал и пил. А может быть выпивал за ваше здоровье?

— Пожалуйста, будьте любезны, надо мною насмѣшек не строить! — Работница надменно подняла голову. — Лицо у меня совершенно не толстое, извиняюсь, а руки так совсѣм изнеможенныя от долгаго рабства. И притом прошу не называть меня мадам. Теперь ни мадамов, ни господ нѣт, а есть только товарищи.

— Го-го! Вѣрно! — разсмѣялся грузин. — Да. Только не надо много спорить, господа. Сейчас вся Россія спорит, а что выходит? И у меня дома тоже... Сын студент — соціалист. Тоже все время споры. Эх, давайте лучше покушаем что-нибудь. У меня вино есть, жареная курица, чурек. Бѣлаго хлѣба, правда, нѣт, но что дѣлать!

Он достал из-под сидѣнія цвѣтной мѣшок, начал вытаскивать бутылки, свертки с ѣдой. Затѣм, развернув бумагу, вынул курицу, разрѣзал на куски и разломал на нѣсколько частей плоскій кукурузный чурек.

— Пожалуйста! — с добродушной улыбкой обратился он к обѣим русским работницам, протягивая по куску чурека с курицей. — Кушайте!

— Спасибо, не хочу, — сухо отвѣтила старшая.

— Отчего не хочу? Ѣшьте, будьте любезны. Курицу сейчас трудно найти. Маленькій кусочек!

— Ну, хорошо. Только половину.

— Нѣт, нѣт, не безпокойтесь, всѣм хватит. Это — бѣлое мясо. А это вам, мадам. Виноват: товарищ.

— Спасибо, — благосклонно отвѣтила вторая работница, болѣе застѣнчивая и болѣе миролюбивая, чѣм ея сосѣдка. — Курицы я давно не ѣла. Это теперь как пирожное или бланманже.

Грузин роздал ѣду всѣм, находившимся и внизу и наверху, на спальных мѣстах. Затѣм раскупорил бутылки. Единственный стакан, наполняемый каждый раз вином, стал переходить из рук в руки. Завязался общій разговор.

— А вот, подождите, господа, — с хитрой улыбкой проговорил армянин, нагибаясь и вытаскивая из под сидѣнья корзину. — У меня на закуску есть немножко сладкаго. Это — я не скажу ананас, или шоколад, но все-таки...

Он осторожно покопался в корзинѣ, чтобы не обнаружить ея содержимаго; недовольно взглянул на жену, которая предостерегающе толкнула его ногой, и извлек из глубины длинную толстую чурчхелу.

— Эриванская! — с гордостью сказал он. — Сейчас каждая штука — двѣнадцать рублей пятьдесят копѣек. А сколько всѣх человѣк? Надо сломать на кусочки. Пожалуйста, передавайте... Вот сюда. Вот туда... Кушайте! Всѣ получили?

Х — Да, да... Спасибо, — раздались голоса.

— Очень хорошая, — любезно обратился к армянину грузин. — Да. А вот, знаете, мой сын, студент, который в Москвѣ учится, он говорит, что все на свѣтѣ — товар. И хлѣб, говорит, товар; и деньги, говорит, товар, и рабочіе тоже товар. Раньше, когда учился в гимназіи, был умный мальчик, как всѣ. Я думал, когда кончит учиться, агроном будет. Это — ученый, который знает, гдѣ какія растенія надо сажать, гдѣ пшеницу, гдѣ — кукурузу, и вообще. А вмѣсто этого — понимаете что? Меньшевик стал! В первый год, когда пріѣхал из Москвы, было еще ничего. Говорил только, что я буржуй, потому что купец, имѣю винные склады. В другое лѣто пріѣхал и сказал, что я нечестно зарабатываю деньги, что я, это

самое, как называется, — паразит. В родѣ как клоп или блоха. Что когда будет соціализм, тогда никто не будет имѣть склады или магазины, а все будет продавать правительство: и вино, и хлѣб, и хурму тоже. Я слушал все это, слушал и сказал, наконец: хорошо, кацо, пускай будет так. Только, ежели ты думаешь, что я нечестно зарабатываю, зачѣм ты берешь деньги от меня? Работай сам, пожалуйста! — Нѣт, — говорит, — ты должен мнѣ присылать, потому что я думаю не о себѣ, а о всѣх людях вмѣстѣ. Мнѣ, говорит, некогда самому зарабатывать. Потом, говорит, — я вовсе не просил тебя и мать родиться у вас. Вы мнѣ обязаны платить штраф за это дѣло. Ну, а третій год пріѣхал, когда революція, — что было! Такія слова говорит, никто понять не может.

— Ну да, они нарочно всякія слова выдумывают, чтобы уваженія больше было, — поддакнул армянин.

— Шалва, — говорю я, — продолжал грузин, — отдохни немножко от твоей головы. Пойди в Муштаид, погуляй. Я деньги тебѣ дам. — Какой Муштаид, — отвѣчает, — когда мы для всего Кавказа счастье устраиваем! Вот, ты думаешь, сын с ума сошел, а увидишь — я скоро помощником министра буду. Сейчас кто знает Шалву Микеладзе? А скоро узнают всѣ. Мы для нашей Грузіи такую республику сдѣлаем, что всѣм будет завидно. Французы будут пріѣзжать из Парижа, узнавать, как это мы так устроили. И англичане тоже.

Старик продолжал говорить. Перешел со своего сына на общее положеніе в Закавказьѣ, стал жаловаться на вздорожаніе продуктов. Армянин в свою очередь начал сравнивать цѣны этого года с прошлогодними, с тѣми, которыя были перед войной. Оба охали, изумлялись, качали головами. Прежнее, довоенное время казалось им какой-то сказкой, которая больше никогда не осуществится.

А Тверцов, вначалѣ разсѣянно слушавшій бесѣду сосѣдей, при упоминаніи о Шалвѣ Микеладзе насторожился. Какое странное совпаденіе! Конечно, фамилія, Микеладзе часто встрѣчается. Имя Шалва тоже распространенное. Но, все-таки — студент, учится в Москвѣ... Да и у ста-

рика есть что-то общее с Шалвой: высокій, широкоплечій; глаза — большіе, черные; нос прямой, без горбинки...

— Простите, мсье, — смущенно обратился Тверцов к грузину, когда тот вдоволь наговорился со своим собесѣдником о нынѣшнем положеніи вещей и, глубоко вздохнув, смолк. — Вы, кажется, говорили о вашем сынѣ Шалвѣ, московском студентѣ... Он учится в Сельско-хозяйственном Институтѣ?

Старик встрепенулся.

— Да, в этом самом... Сельско-хозяйственном, — радостно отвѣтил он.

— А учился в тифлисской первой гимназіи?

— Да, в первой. А вы его знаете?

— Может быть он — мой товарищ по классу? Ваш Шалва был пансіонером?

— Ну да! Пансіонером!

— Только... Насколько я понял, вы живете в Тифлисѣ, а родители моего товарища — в Елизаветполѣ.

— Так это как раз мы! — Старик от удовольствія заерзал на мѣстѣ. — До прошлаго года жили в Елизаветполѣ, а потом уѣхали в Тифлис. А, извините пожалуйста, можно узнать, как ваша фамилія?

— Тверцов.

— Тверцов? Так это вы — Тверцов? Как я рад! Шалва прежде столько о вас говорил! Помните, я один раз вам посылку с гузенаками прислал. Вы же его самый хорошій товарищ были!

— Да, мы с ним большіе друзья. Очень пріятно познакомиться с вами. Завтра я намѣревался как раз зайти к нему. Может быть, вы предупредите его, чтобы до обѣда был дома, а то послѣзавтра я уже ѣду дальше, в Батум.

— Как? Так скоро в Батум? Один только день в Тифлисѣ? О, это жалко! Шалва вас не пустит... А гдѣ вы будете жить в Тифлисѣ, если можно спросить?

— У родственников... На Кирочной улицѣ.

— Послушайте, господин Тверцов! — Микеладзе протянул руку. — Можно вам сказать одну просьбу? Сдѣ-

лайте нам с Шалвой одолженіе! Не ѣзжайте к родственникам! Ѣзжайте к нам! Честное слово!

— То-есть, как? — Тверцов растерялся.

— Живите у нас! Правда! Квартира моя — большая будет для вас своя комната, кушать есть что, я из деревни много получаю. А Шалва будет так рад, я — тоже. Пожалуйста: не надо родственников!

— Очень тронут, мсье Микеладзе... Но все-таки, я родственников уже извѣстил письмом. А, кромѣ того, мнѣ неудобно стѣснять вас...

— Стѣснять! Вы будете стѣснять? Так это для меня праздник! Товарищ сына! А потом — вы пользу нам сдѣлаете: Шалвѣ надо, чтобы с ним разговаривали не большевики и не меньшевики, а настоящіе люди... Ученые. Ну что? Хорошо? Пожалуйста! А я одно вино вам дам... Такое вы нигдѣ не достанете: как смола. Стакан выпьешь — и прямо на кровать падаешь! А гдѣ ваши вещи? Большой багаж? Ах, как я рад!

3.

Фаэтон остановился возлѣ скромнаго одноэтажнаго дома на набережной Куры, недалеко от Верійскаго моста. Дверь открыла старая служанка-грузинка с черной кружевной наколкой на головѣ.

— Шалва дома? — спросил по-грузински хозяин, втаскивая мѣшки и корзины в переднюю.

— Да, батено. БАТАНО

— Ну вот, хорошо. Идемте, дорогой, — обратился он к Тверцову. — А скажите, пожалуйста, как вас звать? Я забыл спросить.

— Николай Петрович.

— А меня... Арчил. Арчил Иванович. Маро, — снова обратился он к служанкѣ по-грузински, — приготовь нам чай, вино, сладкое. Извините, Николай Петрович, я не говорю с ней по-русски, она — из деревни. Необразованная, знаете.

— Ради Бога... Я сам тоже немного понимаю по-грузински.

— Да? Очень пріятно. А теперь подождите немножко здѣсь, я первый пойду к Шалвѣ. Интересно — догадается, кого я привез?

Микеладзе с хитрой улыбкой на радостном лицѣ осторожно прошел внутрь, слегка прикрыл за собой дверь и весело крикнул по-русски:

— Шалва! Иди сюда! Это я!

В глубинѣ коридора через нѣкоторое время послышались медленные шаги.

— Отец? — довольно равнодушно произнес по-грузински Шалва. — Уже пріѣхал? Здравствуй.

— Здравствуй, дорогой мой. Я только пріѣхал не один, а с господином, котораго ты очень любишь. Угадай — кто?

— С господином? Какой господин? Гогоберидзе?

— Нѣт, не Гогоберидзе. Русскій молодой человѣк.

— Степанов?

— А вот, пойди, посмотри, какой Степанов!

Шалва, что-то ворча под нос, направился к двери, распахнул ее и обомлѣл.

— Николай! Коля! — восторженно воскликнул он.

— Здравствуй, брат. Не ожидал?

— Вот сюрприз! Замѣчательно! Дай поцѣлую! А откуда? Подожди... Идем внутрь... Ну и подарок! Ты просто молодец, папа!

Расцѣловавшись с Тверцовым, растроганный Шалва обнял отца и тоже поцѣловал. Лицо старика засіяло от счастья при этой неожиданной нѣжности со стороны сына.

— Вот видишь... — надтреснутым от волненія голосом заговорил Арчил Иванович. — Я не напрасно уговаривал. На желѣзной дорогѣ познакомились. Понеси вещи Николая Петровича.

Шалва за эти три с половиной года значительно измѣнился. Возмужал, пополнѣл, стал носить усы; на головѣ, вмѣсто прежних коротко стриженных волос, красовалась мохнатая черная шевелюра. Одѣт был довольно странно:

сапоги, вдѣтые в них брюки военнаго покроя, а сверху — простая, наглухо застегнутая темно-синяя куртка. Рад он был прiѣзду прiятеля чрезвычайно: хлопал по плечу, любовно заглядывал в глаза, заботливо помогал устраиваться в комнатѣ, сам лил ему на руки воду, когда тот мылся. А в промежутках между этими хлопотами разспрашивал друга о жизни и занятiях его во Петроградѣ.

— Да, жаль, что этот год у тебя пропадает, — сочувственно сказал он. — Ну а что касается меня, то послѣ лѣта я в Москву вообще не возвращался. Здѣсь у нас очень интересная работа. Занимаюсь в комиссiи по организацiи Закавказскаго Сейма. А что ты будешь дѣлать в Батумѣ?

— Да что... Навѣрно — помогать отцу на его плантацiи. Кромѣ того, немного заниматься астрономiей. Взял с собой кое-какiя книги.

В столовой был приготовлен чай с многочисленными закусками и кавказскими сладостями. Арчил Иванович извинился перед гостем, что ѣды мало, но это он сдѣлал нарочно: скоро будет ужин, не слѣдует портить аппетита. Выпив чаю, деликатный старик удалился к себѣ в спальню, чтобы не мѣшать друзьям бесѣдовать наединѣ. И Тверцов с любопытством стал разспрашивать Шалву о судьбѣ нѣкоторых товарищей-одноклассников. Оказалось — одни стали добровольцами, ушли на фронт; другiе — бросили университет, поступили на службу; один убит на войнѣ, один умер в Кiевѣ.

— Ну, а как Хачатуров? — спросил Тверцов. — Он написал мнѣ недавно, что служит здѣсь. Вы, конечно, часто встрѣчаетесь?

Шалва смутился.

— Раньше, да. Встрѣчались часто. А теперь — не очень.

— Почему?

— Да как тебѣ сказать... Отношенiя немного испортились. Женя, оказывается, совсѣм не такой хорошiй товарищ, как мы с тобой думали.

— Ну что ты! Он такой благородный. Честный.

— Раньше и мнѣ тоже так казалось.

— Может быть — на политической почвѣ разошлись? Вѣдь ты, брат, меньшевиком стал? Вѣрно?

— Да, я — меньшевик. А откуда ты знаешь?

— Арчил Иванович в разговорѣ со мной как-то вскользь упомянул. Но причем в наших отношеніях политика? Вѣдь я, например, монархист, правый, а от этого тебя не меньше люблю.

— Ну, конечно. И я тоже. Развѣ мнѣ не все равно? Но Хачатуров — дѣло другое... Тут не политика. Впрочем, не стоит говорить, Бог с ним!

— Жаль... Очень жаль, — Тверцов задумался. — А я обязательно хочу с ним повидаться. У меня адрес есть. Может быть, все-таки, ты пойдешь к нему вмѣстѣ со мной?

— Нѣт, Коля, я очень занят сейчас. Для тебя, разумѣется, готов пропустить всякую работу. Это не в счет. Но вообще... У нас, в организаціонной комиссіи, не дай Бог, что дѣлается. Сейм нужно открыть в началѣ февраля, осталось двѣ, три недѣли, а мы даже помѣщеніе окончательно не нашли. Думали во дворцѣ бывшаго намѣстника устроить, но необходимы всякія передѣлки. Придется собраться сначала в зданіи театра. А сколько возни с распредѣленіем мандатов! Нужно все разсортировать, провѣрить полномочія. Вѣдь, десять партій — не шутка! Меньшевики, эсеры, кадеты, соціал-федералисты, дашнакцутюн, муссават, другіе еще...

— А, может быть, тебѣ сейчас нужно итти на работу? — встревожился Тверцов. — Ты, пожалуйста, не стѣсняйся. Мнѣ тоже слѣдовало бы зайти к родственникам, у которых я должен был остановиться.

— Ты думаешь? Ну, хорошо. Мнѣ — только на часочек, недалеко: на Михайловскую. А тебѣ — куда?

— Мнѣ тоже близко: на Кирочную.

— Отлично. В таком случаѣ выйдем вмѣстѣ. Только возвращайся не позже восьми. Отец заказал к этому времени ужин, хочет тебя, как слѣдует, угостить.

Они вышли на набережную. Кура глухо шумѣла внизу, под темным откосом. По ту сторону рѣки вырисовывался силуэт темной горы, кое-гдѣ оживленной огоньками

жилищ. Слѣва тянулась яркая нить фонарей Верійскаго моста, устремляясь вверх, вдоль крутого подъема. Далѣе, в сторону, во мглу наступившаго вечера уходил мерцавшій огнями нагорный берег. И наверху, далеко, яркой звѣздой свѣтилась станція фуникулера.

— Что? Вспоминаешь? — любовно глядя на Николая, остановившагося возлѣ спуска к Курѣ, спросил Шалва. — Уже три года здѣсь не был?

— Да... С гимназіи.

— Хорошо, а? Эх, нѣт в мірѣ города лучше Тифлиса!

Проводив пріятеля до Михайловской улицы, Тверцов отправился к Павловым и вернулся к Микеладзе около половины восьмого. Шалва еще не пришел, но в столовой уже суетился Арчил Иванович, приготавливая вмѣстѣ с Маро стол к ужину.

Радостно встрѣтив гостя, старик отдал послѣднія распоряженія служанкѣ и отправился с Николаем в свою спальню. Комната была богато убрана коврами.

— У меня на стѣнкѣ раньше были ружья и кинжалы, — с грустью сказал Арчил Иванович, усадив в креслю Тверцова и сѣл на тахту против него. — Только, когда был приказ сдать оружіе, я не хотѣл показывать себя против начальства, снял все, повез в деревню и хорошо спрятал. Есть там у меня одна шашка, знаете... Этой шашкой мой дѣдушка во время войны отрубил голову у двадцати персіан возлѣ Эривани.

Он поговорил немного о различных глупых мѣропріятіях, которыя принимают в послѣднее время мѣстныя власти; вспомнил попутно, как хорошо жилось раньше; а затѣм, помолчав, встал с мѣста, выглянул в корридор, вернулся и смущенно произнес:

— Вы извините меня, Николай Петрович... Но, пока Шалва не пришел, я хочу попросить у вас одно одолженіе. Можно?

— Ну что вы, Арчил Иванович, разумѣется! А что именно?

— Я вижу, как он вас любит. Больше меня... — Старик вздохнул. — Вы знаете, послѣ смерти матери он ни

разу больше меня не поцѣловал. Только сегодня, потому что я привез вас!

Арчил Иванович на мгновеніе смолк, чтобы не выдать голосом охватившаго его волненія. Затѣм неожиданно положил руку на плечо Тверцову и умоляющим тоном добавил:

— Сдѣлайте, чтобы он не был соціалист! Пожалуйста!

Николай смутился. Подобной просьбы, да еще в такой трогательно-наивной формѣ, он никак не ожидал.

— Сдѣлать так? — растерянно пробормотал он, — Но это... едва ли возможно. Я, конечно, готов всей душой... Однако, из-за дружбы со мной он едва ли перемѣнит свои взгляды.

— Из-за дружбы, может быть, нѣт. Но вы можете ему объяснить, что это все — ошибка! А он вас уважает. Будет слушать, что вы говорите.

— Да, конечно, мы с ним, навѣрно, коснемся этого вопроса. Для вас я постараюсь, как слѣдует, поговорить, привести всѣ аргументы, какіе знаю. Но имѣйте в виду, что всѣ соціалисты обычно очень упорны. Затвердят свой катехизис и ничто уж их не собьет: ни примѣры из жизни, ни логика.

— Боже мой, Боже мой! — Старик сокрушенно покачал головой. — И кто испортил моего мальчика? Это — Москва! И зачѣм я его посылал туда? Но вы, все-таки, будете спорить?

— Да, обѣщаю.

К восьми часам вернулся Шалва и всѣ сѣли за стол. Несмотря на продовольственныя затрудненія, Микеладзе устроил ужин на славу. Раздобыл всевозможныя закуски, — сардины, шпроты, маринованные огурцы, грибы. Была водка, какая-то сливянка, сильно отзывавшаяся сивухой, вино различных мѣстных марок. Старая служанка суетилась, приносила одно блюдо за другим: суп из красной лобіи с мелко нарубленными орѣхами; жареное мясо, мѣстную рыбу — соцхали, кисель из ежевиковаго сиропа. Затѣм появились всевозможныя лакомства — гозенаки,

чурчхелы, пастила в видѣ тонких листьев, персидскіе сушеные фрукты, пропитанные бараньим жиром.

Шалва во время ужина был очень оживлен. Видимо, развитіе событій было ему по душѣ, и он ждал от них много хорошаго.

— Война между союзниками и Турціей для Грузіи теперь не имѣет значенія, — авторитетно говорил он. — Если союзники хотят дальше воевать, пусть воюют, это их дѣло. Мы же объявим нейтралитет. Правда, армяне вмѣстѣ с русскими кадетами и эсерами стоят за союзников, а азербейджанцы — за турок; но мы, грузины, не желаем ни тѣх, ни других.

— Нейтралитет! — пренебрежительно пробурчал Арчил Иванович, который не раз, навѣрно, слышал это слово от сына. — Хорошій нейтралитет, когда всѣ солдаты с фронта удрали!

— Мы с турками договоримся дипломатическим путем, — назидательно отвѣтил, не глядя на отца, Шалва. — К нам из Трапезунда от Вехиба Паши уже пріѣзжал эмиссар нащупать почву. Ты, может быть, Коля, не согласен с такой позиціей нашей партіи, но что же дѣлать закавказским народам? Когда мы запросили большевиков, не могут ли они оказать помощь против турок, тѣ отвѣтили, что помогут, если мы признаем их власть. А когда мы обратились к представителю Англіи полковнику Пайку, он никакой гарантіи обѣщать нам не мог.

Бесѣда на эту тему продолжалась довольно долго. Затѣм разговор перешел постепенно на внутреннюю политику, на аграрную реформу и на прочія мѣропріятія, которыми хотѣли заняться меньшевики, разсчитывавшіе имѣть в Сеймѣ подавляющее число голосов. Настал момент, когда, по мнѣнію Арчила Ивановича, Тверцов мог оказать вліяніе на Шалву. Он незамѣтно подмигнул Николаю, как бы прося его начать свое выступленіе, и с иронической улыбкой обратился к сыну:

— Значит, что: вы, меньшевики, желаете, чтобы у нас в Грузіи князей совсѣм не было?

— Отчего? Князья пусть будут считать себя князья-

ми, если им нравится. Но их земли мы отберем и передадим крестьянам. Оставим им усадьбы, нѣсколько десятин, — и довольно.

— А ты понимаешь, что из этого будет? — взволновался старик. — Вот, сейчас, когда мнѣ надо для продажи вино, я ѣду к князю Цицiанову, или к другому, покупаю сразу — хочу сто бурдюков, хочу — двѣсти, и торговля идет. Я знаю, что этот князь поганое вино мнѣ не даст. А когда останутся только мужики, гдѣ мнѣ вино собирать? Одну бутылку — в одном мѣстѣ, другую — в другом? И все — разныя? Одно вино слабое, другое — крѣпкое, третье — кислое? Николай Петрович, скажите: развѣ не вѣрно?

Арчил Иванович умоляюще посмотрѣл на Тверцова, своим взглядом как бы приглашая его начать атаку.

— Да, Шалва, я с вашей программой совсѣм не согласен, — твердо произнес Николай. — Как вообще для Россiи, так и для Закавказья в частности, ошибочно разрушать крупныя хозяйства, которыя по качеству производимых продуктов гораздо выше хозяйств мелких, крестьянских. Особенно при культурной отсталости нашей деревни.

— Вѣрно! Вѣрно! — обрадовался старик, с благодарностью взглянув на Тверцова. — И потом: ежели брать от князей землю, почему не брать у каждаго хозяина его дом в Тифлисѣ?

— Дома — дѣло другое. — Шалва высокомѣрно усмѣхнулся. — Дома не лишают бѣдных людей того орудiя производства, каким является земля. Но, конечно, впослѣдствiи, когда появятся домовладѣльческiе тресты, и жилища сконцентрируются в немногих руках, мы и их заберем.

— И мой дом тоже?

— Ну, такiе домишки соцiализм мало интересуют. Но, вот, твои винные склады ты, может быть, скоро и потеряешь. Винное дѣло, как очень доходное, безусловно нужно взять в руки государства для укрѣпленiя финансов.

— Вот как? Грабить меня будете?

— Зачѣм грабить. Просто — конфисковывать. А при націонализаціи вино будет гораздо дешевле, так как исчезнут посредники, которые на этом дѣлѣ обогащаются.

Арчил Иванович от волненія вскочил со стула.

— Что? Дешевле? Увидишь, как будет дешевле! Для краснаго вина будет свой министр, для бѣлаго вина — свой министр. У каждаго министра — свой помощник, у каждаго помощника — свой товарищ помощника... Потом будут директора, потом будут инспектора. Потом будут контролеры, потом — управляющій одной лавки, управляющій другой лавки... А развѣ управляющій будет так хорошо за всѣм смотрѣть, как хозяин? Ну, что? Не вѣрно я говорю, Николай Петрович? — обратился старик к Тверцову. — Развѣ, кромѣ того, всѣ они не будут воровать? Как вы скажете?

— Насчет воровства я не знаю... — уклончиво отвѣтил Тверцов. — Все зависит от личностей. Но, по-моему, при отсутствіи конкуренціи качество продуктов всегда должно понижаться. И развѣ ты, Шалва, можешь отрицать, что личная заинтересованность для прогресса матеріальной культуры — великій фактор? Между тѣм, ваши соціалисты именно его отрицают.

— Конечно. И я отрицаю!

— Но чѣм же его замѣнить? Стремленіем ко всеобщему благу? Но для этого нужно, чтобы всѣ люди были честны, добросовѣстны, даже самоотверженны. А развѣ на практикѣ это может быть? Вот, поэтому соціализм и является неосуществимой утопіей.

— Вѣрно! Правильно! — хлопнув в ладоши, воскликнул Арчил Иванович, торжествующе глядя на сына. — Когда люди жулики, что такое соціализм? Жульничество!

Пріятели спорили довольно долго. Шалва приводил всѣ аргументы, которые в свое время вычитал из революціонных брошюрок, издававшихся до большевицкаго переворота именитыми московскими и ростовскими купцами на свою собственную голову. Тверцов, наоборот, вспоминал возраженія против соціализма, которыя приходилось встрѣчать в правых изданіях. А когда спор перешел на

рабочій вопрос, и Шалва заявил, что домашняя прислуга, подобно фабричным рабочим, должна быть занята не больше восьми часов в день, Арчил Иванович не выдержал и тоже вступил в разговор.

— Что же это выходит? — негодующе спросил он сына. — Значит наша Маро может служить только восемь часов?

— Да, только восемь. Нужно признаться, ты ее безчеловѣчно эксплоатируешь, как какую-то рабу.

— Я? Маро? Ну, знаешь... Послушай, Маро! — обратился по-грузински старик к служанкѣ, суетившейся возлѣ стола. — Скажи: ты хочешь работать каждый день только восемь часов?

Маро с тревожным удивленіем посмотрѣла на хозяина, затѣм перевела испуганный взгляд на стѣнные часы.

— Зачѣм восемь? — отвѣтила она. — Сейчас уже девять!

Отвѣт служанки разсмѣшил всѣх. Спор постепенно стал затихать. Наконец, старик пожелал молодым людям спокойной ночи и ушел. Маро тоже отправилась спать, и пріятели остались одни. От выпитаго вина Тверцов раскраснѣлся, в головѣ стоял легкій шум, настроеніе было блаженное.

— Шалва, — нерѣшительно спросил он, умильно глядя на своего друга. — Можно тебѣ задать вопрос?

— Вопрос? Вот чудак! Разумѣется.

— И ты мнѣ отвѣтишь вполнѣ откровенно?

— Я думаю. А в чем дѣло?

— Мнѣ показалось тогда, что тебѣ непріятно... Ну, вот, скажи, если не секрет: что у тебя произошло с Хачатуровым?

Шалва нахмурился. Хотя он тоже не мало выпил за этот вечер, но вино не дѣйствовало на его крѣпкій организм и не измѣняло обычнаго настроенія. Опустив голову, он нѣкоторое время молчал, затѣм отвернулся лицом к стѣнѣ и, не глядя на Николая, сухо проговорил:

— Просто я в нем разочаровался. Не стоит даже говорить.

— В таком случаѣ извини. Не буду спрашивать.

— Ерунда, в общем, — добавил угрюмо Шалва. — Никакого секрета, конечно, нѣт, но противно... — Он повернулся снова к Тверцову, взглянул на его опечаленное лицо и сразу смягчился.

— Эх ты, тип! — растроганно проговорил он. — Развѣ можно от тебя скрыть что-нибудь? Ну, слушай... Только, между нами.

— Я думаю.

— Так вот... Политика в наших отношеніях не при чем. Женька, правда, для меня тоже правый, буржуазно-республиканскій демократ. Однако, ты видишь, мы с тобою не ссоримся. А он в личной жизни оказался совсѣм недостойным. Не говорю уже, что много о себѣ воображает. Пусть воображает, его дѣло. Но, по-моему, человѣк лучше всего себя обнаруживает, когда вопрос касается этого самаго... Женщины. Да. Если тут он — свинья, значит, может быть свиньею во всѣх отношеніях.

— Так вот что! В таком случаѣ можешь не говорить дальше. Я не имѣю права вмѣшиваться.

— Нѣт, раз начал, я все разскажу. Ты помнишь Митьку Голованова из параллельнаго класса? Хотя мы с ним не дружили, однако послѣ гимназіи часто встрѣчались в Москвѣ, гдѣ он учился в университетѣ. Как ты помнишь, у него есть сестра Соня...

— А, да. Была тогда институткой. Хачатуров за нею ухаживал.

— Так, вѣрно. Сейчас стала настоящей барышней, большія шляпы носит, красится. И вот, осенью к ним пріѣхали дальнія родственницы — пожилая дама с дочкой. Бѣжали из Кисловодска. Дочка очень симпатичная, хорошенькая. Сказать правду, она так мнѣ понравилась, что я стал часто заходить к ним. Познакомился с нею и Хачатуров. Ну, познакомился, что ж? Каждый имѣет право. Мы всѣ вмѣстѣ устраивали иногда прогулки, поѣздки. Женька вел себя вначалѣ совсѣм прилично. Но потом, вижу я, что они начали ходить без меня. Собираются всѣ вмѣстѣ куда-нибудь, а меня не приглашают. Я как-то раз

спрашиваю Соню, когда застал ее одну: вы куда ѣздили в послѣдній раз без меня? Она говорит — в Артачалы, и добавляет: — я настаивала, чтобы вас тоже пригласили, но Хачатуров был против. Он вообще, — стала разсказывать Соня, — все время издѣвается над вами, увѣряет, что вы были послѣдним учеником в классѣ, ни одного стихотворенія не могли выучить наизусть и не могли отличить алгебры от геометріи. — Ты понимаешь, Коля, как я разозлился? Вѣдь это же подлость бороться с соперником подобными средствами! А Соня послѣ этого уже каждый раз потихоньку откровенно мнѣ передавала, что этой барышнѣ разсказывает обо мнѣ Женька. Что я — простой кинто, дикарь, тупой соціал-демократ.

— Как странно! — задумчиво произнес Тверцов. — Никогда бы я не подумал, что Женя способен на это. А прости за нескромный вопрос... Ты просто увлекался ею, или... хотѣл жениться?

Шалва покраснѣл.

— Не буду от тебя скрывать. Не только хотѣл, но даже предложеніе сдѣлал. Да. Рѣшил таким образом все до конца, начистоту, выяснить. Застал ее как-то одну у Головановых и изложил все. Она сначала почему-то испугалась, потом чуть не заплакала. И говорит: «Простите, дорогой Шалва, но я вообще не собираюсь выходить замуж. Вы человѣк очень милый, хорошій, у вас прекрасная благородная душа... Но все равно — мнѣ рано еще обо всем этом думать. — «Нѣт, — сказал я, — дѣло тут просто: вы навѣрно в кого-нибудь влюблены». — Честное слово, нѣт, — отвѣчает она, — Я ни в кого не влюблена».

— Вот видишь! — радостно прервал Шалву Николай. — Значит тебѣ нечего ревновать Женю. Да и дѣйствительно: не обязана же она непремѣнно любить или тебя или его. А раз она тебѣ отказала, ты уже из одного самолюбія должен постараться забыть ее.

— Да, это вѣрно, — Шалва вздохнул. — Ты прав...

— Ну, а что касается того, что Женя над тобой издѣвался, то это, может быть, и не вѣрно. Соня могла просто врать. Она вообще всегда была лживой. Завтра при

встрѣчѣ с Женей я прямо спрошу его: дѣйствительно-ли он так отзывался о тебѣ. Он мнѣ скажет правду.

— А на что мнѣ его правда? Очень нужно!

— Как на что? — Николай укоризненно посмотрѣл на пріятеля. — Вѣдь мы же, кажется, до сих пор всѣ трое были друзьями! А клятву у Іоанна Зедазенскаго ты, развѣ, забыл?

— Я то не забыл, а вот он...

— Ну, хорошо. Завтра все выясню. И если он невиновен, я приведу его к тебѣ, хочешь?

— Да... конечно.

4.

Утром на слѣдующій день Тверцов отправился к Хачатурову. Хотя итти было довольно далеко — в район Эриванской площади, однако Николай рѣшил не брать трамвая: отчасти из экономіи, так как денег на поѣздку в Батум оставалось в обрѣз, а отчасти, — чтобы по пути, не спѣша, осмотрѣть знакомыя мѣста. Поднявшись по Верійскому подъему, он повернул налѣво, дошел до Головинскаго проспекта, остановился около Кадетскаго корпуса, возлѣ театра, достиг, наконец, своей гимназіи. И — как странно: раньше и корпус, и театр и гимназія казались ему большими прекрасными зданіями. Теперь же, послѣ Петербурга, даже театр производил впечатлѣніе чего-то скромнаго, провинціальнаго. А особенно ясно было это, когда Николай дошел до гимназіи, обогнул ее со стороны собора и заглянул через рѣшетчатые ворота во двор. Каким большим, каким просторным был раньше этот двор. А сейчас — как это миніатюрно и тѣсно!

Тверцов долго стоял у ворот, заглядывая внутрь с затаенным любопытством, в котором чувство умиленія смѣшивалось с какой-то грустью, даже с разочарованіем. Здѣсь протекли восемь лѣт его дѣтской жизни, здѣсь он из десятилѣтняго мальчугана превратился во взрослаго юношу, узнал маленькія горести неудач, радости первых успѣхов.

Он со вздохом отошел от ворот и стал спускаться на Головинскій проспект. Толпа тут была совсѣм не такая, как в прошлое время. Масса прохожих, но каких-то случайных, точно чужих. Солдаты в шинелях нараспашку; матросы, нарочито идущіе в развалку, оглядывающіе всѣх со снисходительным видом завоевателей; многочисленные горцы, татары, сорванные революціей с насиженных мѣст; много женщин в простых платках и косынках, предусмотрительно надѣтых вмѣсто прежних элегантных шляп. А на улицѣ — рѣдкіе фаэтоны, грузовики с рабочими, автомобили с подозрительными оффиціальными лицами, у обочины тротуаров — потерявшіе прежнюю жизнерадостность кинто с полупустыми лотками на головах.

— Тверцов, ты? — раздался вблизи радостно-удивленный голос. Николай обернулся и увидѣл возлѣ себя молодого человѣка в штатском костюмѣ.

— Голованов?

Товарищи поздоровались. Митя долго тряс руку, будто был одним из лучших друзей Тверцова.

— Ты что? Переѣхал в Тифлис? Или только проѣздом? — Голованов с любопытством разглядывал Николая. — Я бы, пожалуй, тебя не узнал, если бы ты не был в формѣ. А зачѣм носишь форму? Черносотенцем стал? Нѣт, я шучу. Стой, стой! А Соню не узнаешь?

— Как не узнаю! — Тверцов протянул руку сестрѣ Мити. — Конечно, узнал. Но теперь вы уже совсѣм другая.

— Да, время идет, — кокетливо отвѣтила Соня, поздоровавшись с Николаем и начав поправлять выбившіеся из под широкой шляпы завитые свѣтлые волосы. — Скоро, навѣрно, стану старухой. А вы теперь тоже совсѣм взрослый. Усы вам идут. И брови потемнѣли, это хорошо к сѣрым глазам. Митя! А почему мы стоим в толкотнѣ? Идем. Ты обѣщал угостить меня шоколадом; вот, кстати, угостишь и Тверцова.

— Нѣт, нѣт, — испуганно возразил Николай, боясь, что придется платить за себя и тогда денег до Батума не хватит. — Не могу... Спѣшу по дѣлу.

— Шалишь, брат. — Голованов взял его под руку.

— Мы тебя так не отпустим. Пойдем, дѣйствительно, в кондитерскую, я всѣх угощаю. А ты нам разскажешь про себя, как и что.

— Да, но я...

— Ничего не я. Если спѣшишь, посидишь немного и пойдешь.

— Только, Митя, не в кондитерскую, а в «Чашку чая», — замѣтила Соня. — Там лучше. И русскія барышни из высшаго общества подают.

Тверцову Голованов никогда не был симпатичен. В гимназіи держался развязно, был самоувѣрен, болтлив, ссорился со всѣми из-за пустяков и был бичем Божьим для преподавателей своими злостными шалостями. Однако, нынѣшняя встрѣча с Митей могла быть полезной для ликвидаціи ссоры между Шалвой и Хачатуровым. И Николай рѣшил не протестовать больше против шоколада.

— Ну, что же? Разсказывай, как у вас там, в Петроградѣ, — заказав три порціи и развалившись на стулѣ, самодовольно заговорил Голованов. — По-моему, все, что происходит, очень интересно в смыслѣ, так сказать, историческом. Большевики, конечно, слишком прямолинейны. Я бы даже сказал — мало культурны. Да. Но у них, дорогой мой, есть то самое, что очень важно — это энергія. Свѣжесть. Именно — свѣжесть. Они безусловно вдохнут в Россію что-то такое. Струю, если хочешь. Ты сам, кстати, какой партіи? Кадет?

— Да.

— Ну, вот угадал. Всѣ меланхолики и малокровные всегда кадеты. А я, конечно, не большевик, я для этого слишком широк, но в качествѣ лѣваго эсера не прочь с ними блокироваться, если это может принести пользу странѣ. Крестьянская бѣднота, малоземельный мужик, батрак — вот стержень Россіи. Надѣюсь, ты ничего не можешь возразить против мужика?

— Митя, пей. А то остынет, — недовольно проговорила Соня.

— Остынет? А, да. На мужика, дорогой мой, клевещут всѣ, каждый, кто хочет. И что темный, и что грязный,

и что пьяница. А почему он пьет, спрашивается? Потому, что ѣсть нечего! Дай ему поѣсть вволю, заинтересуй его ѣдой, он сразу меньше пить станет. Вѣдь по статистикѣ французы пьют гораздо больше русских; но они умѣют пить, а наши из-за подавленія личности пить не научились, вот и впечатлѣніе: пьяницы. Задача эсеров теперь — научить мужика культурно и пить, и ѣсть, и вообще жить. И развѣ служить крестьянству — не высшій идеал? Ну, скажи по-совѣсти: не высшій?

— Да, в нѣкотором отношеніи, разумѣется... — стараясь не улыбнуться, согласился Тверцов.

— Митя, оставь, пожалуйста, крестьянство, — повторила Соня. — Смотри, почти холодное. А платить придется бѣшеныя деньги.

— Отстань, не ты будешь платить. Конечно, нѣт никакого сомнѣнія, что наша партія в концѣ концов, как крестьянская, станет во главѣ управленія Россіей. Вѣдь сколько в Россіи рабочих? Пять процентов? А мужиков сколько? Восемьдесят? Так что же больше — пять или восемьдесят? Вот, многіе теперь ругают Керенскаго, что не удержал власти. Но к чему ему было цѣпляться за власть, когда он увѣрен, что мы, эсеры, все равно побѣдим? И что мог сдѣлать Керенскій, когда вокруг него сидѣли помѣщики, купцы и князья? Будь во Временном правительствѣ не один Керенскій, а два или три, а еще лучше — пять, дѣло повернулось бы совершенно иначе. Хочешь еще шоколада? Барышня! Пожалуйста, по второй чашкѣ! Вот у нас, в Москвѣ, в февралѣ будет тайный партійный съѣзд. Вопросы — очень отвѣтственные. Я, без сомнѣнія, поѣду туда, меня многіе ждут.

— Митя, довольно! — рѣшительно произнесла Соня. — Дай нам слово сказать! Вы, Тверцов, надолго пріѣхали? Навѣрно, ѣдете в Батум, к своим?

— Да, завтра, должно быть, уѣзжаю.

— Очень жаль. А остановились гдѣ?

— У Шалвы Микеладзе.

— Ах, у Шалвы! Вот как. Шалва, навѣрно, очень

гостепріимный. Вообще добрый. Но глуп — ужас. Его каждый ребенок обмануть может.

— Да, он очень хорошій, — твердо произнес Николай.

— Да, да. Между прочим, я его довольно долго не вижу. Раньше к нам чуть ли не каждый день заходил, а теперь перестал. Обидѣлся, что-ли. Впрочем, я понимаю: он не столько на нас сердит, сколько на Хачатурова. Оба увлеклись одной моей родственницей. Я эту родственницу очень люблю, но безусловно она сама виновата: нечего флиртовать сразу с двоими. Тоже нашлась Клеопатра! А вы представляете, какой Шалва ревнивый? Как бык! Были случаи, я боялась, что он побьет Хачатурова!

— Хорошо боялась, когда сама их друг на друга натравливала, — презрительно произнес Голованов, недовольный на сестру за то, что она прервала его бесѣду с Твердовым. — А к чему ссорить людей, особенно кавказцев? Чего добраго, до убійства дѣло может дойти.

— И совсѣм я их не ссорила. Ты все по обыкновенію выдумываешь.

— Врешь, врешь! Сам сколько раз был свидѣтелем. Николай в сторонѣ от этой исторіи, от него скрывать нечего. Но что ты мстишь Хачатурову за измѣну, это мнѣ ясно. Подумай, Коля, что она дѣлает...

— Митька! Довольно!

— Нѣт, нѣт, ты молчи. Я не желаю, чтобы у нас в квартирѣ произошла драка! Понимаешь, Коля, придет Шалва; Клеопатры дома нѣт, ушла куда-нибудь с матерью; а Соня говорит ему, что только что был Женька и они оба ушли на прогулку. Шалва сидит, пыхтит, стѣсняется уходить сразу, а Соня тут-то и начинает его накалять. Выдумывает Бог знает что: будто Хачатуров при нас разсказывал, каким тупым учеником в классѣ был Шалва; как он вмѣсто слова «фауна» произносил «фуана»; как возводил углы в квадрат; как переводил с французскаго «катрвен» — четыре бутылки вина... Словом, всѣ наши гимназическіе анекдоты приписывала Шалвѣ, якобы со слов Женьки. Хотя Шалва, дѣйствительно, дурак, а Ха-

чатуров много о себѣ воображает, однако все-таки они мои товарищи! И, кромѣ того: а если Шалвѣ в самом дѣлѣ придет в голову мысль застрѣлить Женьку у нас на квартирѣ, — что тогда? Явится милиція, будет обыск. А у нас имѣются кое-какіе товары! Получится крах всего нашего дѣла. А, кстати, дорогой мой... Я бы хотѣл предложить тебѣ одну выгодную комбинацію. Ты можешь здорово на ней заработать. Я тебѣ вѣрю, ты малый честный, приличный, меня не надуешь. Так вот, раз ты ѣдешь в Батум, возьми туда кое-что для продажи. Сардины, кильки, шоколад, кофе. Повези, продай, я тебя посвящу в цѣны. А прибыль подѣлим. Зайди-ка сегодня ко мнѣ в четыре часа в Саперный переулок — ты помнишь наш адрес? Я буду ждать. Соня, ты тоже будь дома в четыре часа. Сардин могу дать, если хочешь, цѣлый ящик. А между прочим, говорят, в Батумѣ сахара нѣт. Возьми у меня хоть три головы! Или кусками. Зайдешь?

Категорически отказавшись от предложенія Голованова, Тверцов посидѣл еще немного, чтобы этим немного смягчить свой отказ, и отправился к Хачатурову. Было около одиннадцати часов. Предполагая, что у Жени на службѣ перерыв будет в полдень, Николай рѣшил зайти туда перед двѣнадцатью, чтобы не отрывать пріятеля от работы. Пользуясь свободным временем, он миновал Эриванскую площадь и двинулся в торговую часть города. Прошел серебряный ряд, побывал на Авлабарѣ, на Майданѣ, полюбовался Сіонским собором, видом на Метехскій замок. Несмотря на начавшееся оскудѣніе, оставшихся товаров было еще не мало, и торговля всюду шла довольно бойко. Как и раньше, но не в таком количествѣ, на тротуарах были разостланы ковры, висѣли у входа цвѣтные паласы; с оглушительным шумом работали мастерскія мѣдной посуды; сверкали в стеклянных ящиках мѣстныя кружевныя издѣлія из серебра. Возлѣ лавок встрѣчались кое-гдѣ ларьки со старой одеждой, с ботинками, лампами, со всевозможными бездѣлушками, брошенными на продажу бывшими чиновниками, потерявшими службу в связи с революціей.

Около двѣнадцати Тверцов пришел к Хачатурову. Встрѣча друзей была очень трогательной. Хотя Женя по характеру мало походил на Шалву — в нем не было ни экспансивности, ни непосредственности для буйных проявленій радости, однако по любовному выраженію глаз, по счастливой улыбкѣ ясно чувствовалось, как пріятна была ему эта стрѣча.

— Не хочу только отрывать тебя от работы, — поздоровавшись с ним, торопливо сказал Николай. — Ты занимайся, а я подожду. У вас перерыв в полдень?

— Нѣт, мы работаем от восьми до трех. Но ты не безпокойся. Сам видишь — никаких посѣтителей, можем свободно поговорить. Да и какія теперь дѣла! Садись, вот стул. Да, дорогой мой, не ожидал я, что вмѣсто классической филологіи придется заниматься страхованіем от огня. Мечтал уже о магистерской диссертаціи, тему чудесную нашел, а тут... Неизвѣстно, придется-ли вообще вернуться в университет.

Появившійся неожиданно кліент прервал бесѣду друзей. Хачатуров зашел за конторку, просмотрѣл предъявленную ему бумагу, сдѣлал помѣтку, отправил посѣтителя к кассиру и снова вышел к Тверцову. Как обычно бывает послѣ долгой разлуки, оба пріятеля безпорядочно переходили от одной темы к другой, говорили о послѣдних событіях, об университетских занятіях. И, наконец, Николай осторожно перешел к вопросу о Микеладзе.

— Между прочим, Женя, — веселым тоном, будто ничего не зная о происшедших недоразумѣніях, сказал он, — я остановился у Шалвы. И Шалва просил, если ты свободен, обязательно зайти к нему сегодня вечером. Посидим вмѣстѣ, поговорим. Может быть оттуда куда-нибудь пойдем.

— Шалва? — Хачатуров удивленно взглянул на Тверцова. — Просил зайти? Странно. Он в послѣднее время ко мнѣ настроен почему-то очень враждебно.

— Да нѣт, брат, ты ошибаешься. Он мнѣ, дѣйствительно, что-то очень неясно говорил о прежнем вашем взаимном охлажденіи, но теперь сознает, что все это ре-

зультат интриги Сони Головановой. Я, кстати, только что, по дорогѣ к тебѣ встрѣтил Митю и Соню.

Николай осторожно передал пріятелю содержаніе разговора в кондитерской.

— Как? Соня приписывала мнѣ всѣ эти издѣвательства над Шалвой? — возмутился Хачатуров. — Но это же ложь!

— В том-то и дѣло, что ложь.

— Я вообще им о Шалвѣ ничего не говорил! Какая негодная тварь!

— И, вот, сам Шалва теперь соображает, что Соня лгала. Потому и просил, чтобы ты зашел. Значит, придешь, правда?

— Хорошо... Разумѣется.

Не желая больше мѣшать Женѣ, на котораго уже с недовольством стали поглядывать другіе служащіе, Николай сговорился окончательно о вечерней встрѣчѣ у Микеладзе и ушел. До трех часов дня, когда нужно было прійти домой к обѣду, оставалось много времени, и Тверцов отправился бродить по городу. Побывав в Ботаническом саду, он вернулся на Головинскій проспект, желая отсюда свернуть налѣво, чтобы подняться на Давидовскую гору, но увидѣл вдали посреди проспекта большую толпу. Это была коммунистическая манифестація, состоявшая из нѣскольких сот рабочих, солдат, баб и подростков, направлявшаяся в сторону бывшаго дворца намѣстника. На плакатах из плотной бѣлой и красной бумаги, прикрѣпленных к высоким камышевым палкам, красовались сдѣланныя от руки надписи на русском, грузинском и армянском языках: «Вся власть совѣтам!» «Мир хижинам, война дворцам!» Вдали, возлѣ гимназіи, толпа остановилась. Какой-то субъект, в кожаной курткѣ и в кэпкѣ, взобрался на табурет, который перед ним услужливо тащило двое мальчишек, и стал что-то кричать, подпрыгивая, усиленно жестикулируя и дергая головой. Что он кричал, за дальностью разстоянія разобрать было нельзя.

— Правильно! Правильно! — хлопая в ладоши, за-

визжала рядом с Тверцовым женщина в красной вязаной шапочкѣ. — Ура! Долой!

Стоявшая вокруг на тротуарѣ публика хранила молчаніе. Нѣкоторые с тревожным удивленіем обернулись к кричавшей. Нѣкоторые презрительно улыбались. А какой-то кавказец, в плоской барашковой шапкѣ, ехидно спросил:

— Мадам, скажите: что вам надо долой? Вы слышите, что он говорит?

Изступленная женщина смѣрила сосѣда негодующим взглядом.

— Чего? А вам какое дѣло?

— Извините, пожалуйста. Только я смотрю на ваши уши — они совсѣм не длинные и не мохнатые, а как далеко слышат!

Поднявшись на гору, Тверцов остановился недалеко от монастыря и сѣл на скалистый выступ в сторонѣ от дороги, откуда открывался вид на весь город. Сколько раз бывал он здѣсь в прошлые годы! Но как ему тогда все в жизни казалось ясно и просто! И как все неопредѣленно и сложно теперь! Когда все это окончится и как? Конечно, дома, в Батумѣ, хорошо. Прекрасный особняк у берега моря возлѣ бульвара. Просторная дача в семи верстах от города, возлѣ платформы желѣзной дороги. Отец, несмотря на свои шестьдесят лѣт, человѣк еще энергичный, бодрый. Уйдя на покой послѣ удачной дѣятельности в качествѣ гражданскаго инженера, он с увлеченіем отдался дѣлу развитія черноморскаго побережья, купил заброшенный участок с бывшей плантаціей чая с намѣреніем расширить это дѣло. Но что будет, если большевизм докатится и сюда? Николай с грустью смотрѣл вниз, на сѣрыя и красныя крыши домов, на пепельныя пятна обнаженных садов, на трепетавшія в лучах солнца желтыя воды Куры. По ту сторону рѣки, далеко, возлѣ казарм, виден дымок паровоза; медленно движется товарный поѣзд, то скрываясь за зданіями, то появляясь опять. Все — как раньше. Но, как будто, не то...

К трем часам он вернулся к Микеладзе. Шалва сооб-

щил, что отец уѣхал по дѣлам за город, вернется только к пяти часам и просил не ждать его к обѣду. Пріятели сѣли за стол одни.

— Значит, это все Сонька наговорила? — с возмущеніем сказал Шалва, выслушав разсказ Николая о встрѣчѣ с Головановыми и Хачатуровым. — Какая подлая баба! Недаром она всегда начинала передавать мнѣ подобныя вещи, хотя я никогда ее не спрашивал о том, что говорил обо мнѣ Женя. Дрянь этакая! Пусть встрѣтится со мной, скажу ей, что о ней думаю! Ну, а Женю ты пригласил, конечно?

— Да.

— Сразу согласился прійти?

— Не совсѣм. Сначала сказал, что удивляется, почему ты на него дуешься; но когда я объяснил, в чем дѣло, он тоже возмутился враньем Сони и обѣщал обязательно быть у тебя.

— А мнѣ как? Объясняться с ним, или нѣт?

— По-моему, нѣт. Будь с ним поласковѣе, как раньше, и дѣлай вид, что ничего не случилось.

5.

Хачатуров явился, как обѣщал, к шести часам. Шалва дружески встрѣтил его, крѣпко пожал руку и проводил в столовую, гдѣ перед этим сидѣл с Тверцовым. Но не успѣли пріятели начать бесѣду, как раздался звонок и вернулся Арчил Иванович. Вмѣстѣ с ним пріѣхал пожилой грузин в военной формѣ, полковник в отставкѣ. Был он богатырскаго сложенія, высокій, широкоплечій, но инвалид: пустой лѣвый рукав его френча безпомощно покачивался сбоку могучей груди.

— Вы дома, господа? — заглянув в столовую, весело спросил старик. — Отлично. А! Хачатуров тоже здѣсь? — радостно добавил он. — Очень хорошо! Здравствуйте, дорогой! Давно не видѣл. Сандро! — торжественно обратился он к своему гостю, — познакомься, пожалуйста, с

господами студентами. Товарищи Шалвы... А это — мой родственник, полковник Сванидзе. Александр Георгіевич. Вот, всѣ образованные люди собрались!

— Очень рад, очень рад, — благодушно произнес гость, здороваясь со всѣми. — Мнѣ Арчил разсказывал. Ну, а что ты подѣлываешь, революціонер? — насмѣшливо обратился он к Шалвѣ. — Соціализмом все занимаешься?

— Занимаюсь понемногу без вашей помощи, Александр Георгіевич, — в тон полковнику добродушно отвѣтил Шалва.

— Да, ты в этом от меня помощи не жди. — Полковник сѣл. — Вот, если бы мнѣ дали хотя один прежній батальон, я бы вас всѣх, соціалистов, арестовал. А то, не дай Бог, ты у нас скоро и министром будешь.

— Что же. Может быть, буду. А если буду, то вы уж извините, но вас обязательно арестую, чтобы уничтожить контр-революцію.

— Господа, подождите, — присаживаясь к столу и наливая всѣм вина, сказал Арчил Иванович. — Я хочу что-то сказать... Видите, сегодня у нас такой пріятный день... Ко мнѣ мой друг пріѣхал, к Шалвѣ — его самые лучшіе товарищи. Нужно вас как слѣдует угостить, мнѣ это очень хочется. Но дома у меня не все есть. Прошу вас: поѣдем всѣ на Веру шашлык кушать!

— Что же... Это не плохо, — проводя от удовольствія языком по губам, отвѣтил полковник. — А если к шашлыку окажется еще и соотвѣтственная выпивка, то совсѣм хорошо.

Ресторан, в который привел своих гостей Микеладзе, представлял собой попросту духан, но довольно просторный, в котором кромѣ передней большой общей комнаты находилась вторая, поменьше, игравшая роль отдѣльнаго кабинета. Арчил Иванович увѣрял, что нигдѣ в Тифлисѣ не умѣют так хорошо приготовлять чохохбили и шашлык, как именно здѣсь. Оставив гостей во второй комнатѣ, он отправился обсуждать программу вечера с хозяином, с которым был хорошо знаком и которому сам поставлял вино из своих складов.

— Ну, вот, все будет, что надо, — вернувшись к своим, радостно заявил старик. — А пока приготовят, мы можем понемногу закусывать. Сандро, ты будешь у нас тулумбашем. Хорошо?

— Отчего, можно, — согласился полковник. — Только, когда я бываю тулумбашем или тамадой, я всѣх строго держу. Всѣ должны меня слушать. Даже революціонеры. Шалва, ты будешь наливать водку! Только, как соціалист, смотри, чтобы всѣ пили поровну. Кто не пьет, тот не ѣст!

— Слушаю, ваше превосходительство, — отвѣтил Шалва, взявшись за бутылку, — сейчас будет исполнено.

— Ну, что? у всѣх есть? Значит, начинаем. Аллаверды всѣм!

Полковник опрокинул содержимое рюмки в рот, крякнул и начал закусывать. — Ты, вот, говоришь мнѣ «ваше превосходительство», — обратился он к Шалвѣ. — Что ж... Если бы я, мой дорогой, не потерял руки в началѣ этой войны, я бы, конечно, был «его превосходительством». Хотя вы, молодые, и говорите — проклятый царскій режим, но царскій режим не мѣшал нам, грузинам, быть и полными генералами и даже русскими полководцами. А, вот, посмотрим, какіе получатся у вас полководцы и генералы, когда будет самостоятельная соціалистическая республика. Навѣрно, прямо из прапорщиков. Ну, как? Всѣ выпили? Наливай снова!

— Только мнѣ не надо, — сказал Шалвѣ Хачатуров. — Я не люблю водку.

— Что такое? — сверкнув глазами, грозно спросил полковник. — Не любите? А кто здѣсь тамада: я или вы?

— Простите... Мнѣ доктор запретил.

— Запретил? Студенту? Это мнѣ нравится. Развѣ студентам можно вообще что-нибудь запрещать? Вѣдь, это — подавленіе личности! Ну, как хотите. Господа! Аллаверды!

Словоохотливый тулумбаш снова опрокинул рюмку в рот и потянулся к закускам.

— До шестидесяти лѣт человѣк не должен быть зна-

комым с докторами, наставительно продолжал он, с аппетитом разжевывая селедку. — Почему Мафусаил, Адам и Ной жили больше девятисот лѣт? Потому что докторов не было! А теперь, чѣм больше студентов кончает медицинскій факультет, тѣм больше на свѣтѣ больных людей. Вот, я очень люблю свою Грузію и наши кавказскія вина тоже. Но, как человѣк справедливый, я все-таки считаю, что русская водка выше вина. Россія потому и сдѣлалась великим государством, что русскіе пили водку, а не вино. Водки немного надо — и уже есть в человѣкѣ энергія. И Сибирь с водкой можно завоевать, и Турцію, и выход к морям, океанам. Пока всѣ пили, держалась Россія. Англія даже боялась. А как запретили водку, все и развалилось: революція, шурум бурум, большевизм... Солдаты разбѣжались, мужики стали грабить. Начальство растерялось, не знало, что дѣлать. Шалва! Наливай!

Послѣ закусок начался, наконец, ужин. Принесли чохохбили, затѣм соцхали, потом — шашлык. Арчил Иванович сіял от удовольствія: всего было много, и все приготовлено отлично. Он часто вставал с мѣста, уходил к хозяину о чем-то сговориваться. И почти каждый раз, когда возвращался, приходил не один, а в сопровожденіи какого-нибудь знакомаго, встрѣтившагося в сосѣдней комнатѣ среди посѣтителей.

— Господа, познакомьтесь... Это мой пріятель... Садись, Ираклій! Что хочешь? Вина? Водки? Эй, бошо! Принеси обратно закуски!

Постепенно за столом, к которому придвинули второй столик, вмѣсто первоначальных пяти человѣк оказалось девять. Пользуясь тѣм, что Арчил Иванович и полковник занялись новыми гостями, молодые люди стали бесѣдовать о своих дѣлах, о различных случаях из университетской жизни.

— Да, господа, — блаженно проговорил Тверцов, когда собесѣдники его смолкли, занявшись ѣдой. — Вот, слава Богу, и повидал я вас. На душѣ так хорошо! Единственно, что испортило впечатлѣніе от пріѣзда — встрѣча

с Головановыми. Каким фруктом оказался Митя! Спекулянт, оппортунист. А Соня — какая дрянь!

— Да, дѣйствительно, — согласился Хачатуров. — Я то ее давно раскусил, но все же не предполагал, что она такая подлая. Ты подумай, Шалва, какую интригу вела она против меня! Ты можешь мнѣ вѣрить или не вѣрить, но даю слово — никогда ничего обиднаго я никому из них про тебя не говорил.

— Я тебѣ вѣрю, дорогой мой, — пожав руку Женѣ, растроганно произнес Шалва. — А ты знаешь, почему Сонька все это дѣлала? Очевидно она до сих пор в тебя влюблена!

— Ну, едва-ли...

— Безусловно. Ну, да не стоит об них говорить больше. Давайте, господа, выпьем за нашу дружбу!

— Прекрасно! Чудесно! — восторженно воскликнул Тверцов, на котораго выпитое за этот вечер вино уже сильно подѣйствовало. — За нашу дружбу! А кромѣ того... У меня есть еще идея. Хотя... Не знаю, слѣдует-ли говорить.

Слова Тверцова были неожиданно прерваны. В дверях сосѣдней комнаты показался торжествующій Арчил Иванович, за которым шло три музыканта: один — с барабаном-доли, двое других — с дудками-дудуками. Это были зурначи, спеціально вызванные по заказу Микеладзе хозяином ресторана.

Под визгливо-гнусавые звуки зурны разговор за столом стал громче и оживленнѣе. Полковник разсказывал новым гостям о боях, в которых принимал участіе в началѣ войны; Микеладзе удовлетворенно улыбался, сѣв боком на стул, уронив руку за спинку; а молодые люди возобновили прерванный разговор.

— Что же у тебя за идея? — вспомнив загадочныя слова Николая, спросил Женя.

— Да нѣт... Это ничего. Пустяки.

— Ну, ну, говори. Очевидно что-нибудь интересное, если смущаешься.

— Я уже передумал. Неловко.

— Еще что выдумал: неловко перед нами! — с доб-

родушной снисходительностью произнес Шалва. — Разсказывай, раз начал. Послушай, Женя, пока он будет думать, выпьем отдѣльно. Я хочу с тобой чокнуться.

— Чудесно. Только, я, кажется, уже того... Тоже порядочно выпил. Но для этого — налей. За твое! Ну, что, Николай: скажешь или нѣт?

— Нѣт.

— Ну и дурак. Шалва, дурак он или не дурак?

— Понятно — дурак. Одно слово — астроном. Бедуин, который что-то забыл и считает звѣзды.

Между тѣм, под строгим наблюденіем полковника всѣ продолжали пить. Тост смѣнялся тостом. Пили за всѣх присутствовавших поочередно. Хачатуров и Тверцов уже изнемогали от выпивки.

— Слушай, Шалва,— шептал Женя,— я же не смогу пойти завтра на службу!

— И не надо. Все равно брат, мы — соціалисты — закроем всѣ страховыя общества, а тебѣ я другое мѣсто найду.

— Господа! Прошу вниманія! — возвысил голос полковник, постучав ножом по тарелкѣ. — Мы выпили уже за всѣх находящихся здѣсь. Поэтому выпьем теперь за все любимое окружающее нас. Прежде всего — за Тифлис. Он для всѣх нас — отец. А Кура — мать. Всѣ — и грузины, и армяне, и азербейджанцы, и русскіе, живущіе здѣсь, — всѣ его любят. Только Тифлис, господа, большой, он широко раскинулся. Невозможно за весь город сразу пить. Сначала выпьем за Давидовскую Гору! Алаверды!

Постепенно было выпито: за Головинскій проспект, за Сололаки, за Эриванскую площадь, за Авлабар. Полковник уже собирался поставить на очередь сад Муштаид, как вдруг в сосѣдней комнатѣ послышался необычный шум. Кто-то громко чѣм-то возмущался, кто-то его успокаивал. Загудѣли тревожные голоса, и в дверях появилось три молодых грузина, пьяныя физіономіи которых не предвѣщали ничего добраго.

— Эй, послушайте! — выступив вперед нетвердыми

шагами, произнес по-грузински один из вошедших, — почему тут говорят по-русски?

— Мы не желаем слушать! Здѣсь не Россія! — подхватили двое других.

— Шеничириме, геноцвали, уходите, прошу вас! — умоляюще начал уговаривать пьяных выскочившій вслѣд за ними хозяин ресторана. — Зачѣм дѣлать скандал? Пойдемте назад!

— Не пойдем! Пусть говорят по-грузински, если хотят жить в Грузіи!

— Или пусть ѣдут к своим большевикам!

Зурна смолкла, оборвавшись на жалобной нотѣ. За столом нѣсколько мгновеній царила тишина. Затѣм со своего мѣста величественно поднялся Сванидзе, строгим начальническим взглядом обвел всѣх присутствовавших и, откашлявшись густыми басовыми звуками, похожими на грозное рычаніе, сказал по-русски:

— Прошу всѣх молчать. Я сам буду говорить.

Он снисходительно посмотрѣл на буянов, покачал головой и продолжал:

— Ах, молодые люди, надежда и краса Грузіи! Ну, поглядите вы на себя: как можете вы быть опорой любимой страны, когда едва держитесь на ногах? К какому свѣтлому будущему приведете вы нашу дорогую родину, если будете так качаться? Мнѣ, как старому грузину, стыдно, что вы даже пить не умѣете! Что значит — правильно пить? Правильно пить — это дѣлать так, чтобы не вино одолѣвало нас, а мы одолѣвали вино. А если вы такіе слабые, что это у вас не выходит, то оставьте в покоѣ бурдюки и бутылки, и пейте себѣ рыбій жир!

— Прошу оставить шутки! — прервал полковника вожак. — Мы пришли серьезно требовать!

— А я вас прошу не прерывать тулумбаша! Я сейчас тоже буду говорить серьезно. Вы видите, что среди нас есть и грузины, и армяне, и русскіе. На каком же языкѣ нам разговаривать, чтобы всѣ понимали друг друга? По-французски? Или по-англійски? Парле ву франсе? Хау ду ю ду? Нѣт, господа, стыдно вам! Мы, грузины, самый

гостепріимный народ в мірѣ. Это всѣ знают. Для нас гость — священная особа. О нашем кавказском гостепріимствѣ извѣстно всей Европѣ. Недавно мы в военной компаніи угощали офицера из англійской миссіи... Мы его так угостили и так подпоили, что он цѣлую недѣлю был болен и когда уѣзжал, говорил, что ничего подобнаго за всю жизнь не испытывал. А вы хотите лишить нас нашей славы! Стыдитесь! Да что долго разговаривать! Садитесь за стол, закусите и выпейте. Шалва, поднеси гостям вина! Господа, я предлагаю тост за вновь прибывших друзей. Аллаверды!

— Шалва любезно поднес гостям наполненные стаканы, всѣ присутствующіе затянули «мравал жаміер», зурна заиграла. И непримиримые молодые націоналисты совершенно растерялись. Они нерѣшительно выпили, стали шопотом совѣщаться, как быть дальше, но Арчил Иванович окончательно умиротворил их. Умильно уговаривая не разстраивать компаніи и создать общее миролюбивое настроеніе, он одного тянул за рукав, другого подталкивал к столу... И дѣло кончилось тѣм, что всѣ трое сѣли на почетное мѣсто возлѣ тулумбаша, стали пить, ѣсть, и в скором времени сами заговорили по-русски.

Ужин продолжался. Полковник провозгласил еще нѣсколько тостов: за Майдан, за Ботанический сад, за вокзал желѣзной дороги, за трамвай, за зурну. Гости затянули хором одну грузинскую пѣсню, другую... А послѣ начался общій шум. Нѣкоторые пѣли, нѣкоторые громко говорили, стараясь заглушить голоса поющих.

— И так, дорогіе мои, завтра я уѣзжаю, — в приподнятом тонѣ сказал своим друзьям Тверцов. — И кто знает, когда мы снова увидимся.

— Завтра ты не уѣдешь, — твердо заявил Шалва. — Сейчас уже давно завтра: два часа ночи.

— Не уѣду? Ну, хорошо. Тогда послѣзавтра. Но перед разставаніем я хотѣл бы быть совсѣм спокойным за наш дружественный тройственный союз. Вы помните, разумѣется, клятву, которую мы дали друг другу на горѣ Іоанна Зедазенскаго. Мы обѣщали, что нас ничто никогда

духовно не раздѣлит. Но только... Почему вы на меня так смотрите? Вам смѣшно? В таком случаѣ не желаю говорить дальше.

— Нѣт, нѣт, продолжай, — перестав улыбаться, смущенно возразил Хачатуров.

— Мы слушаем, Коля, — серьезно подтвердил Шалва.

— Так вот... Как мы видим, политика, слава Богу, нас раздѣлить не могла. Хотя мы и разных взглядов, но все же друзья. Теперь же я перейду к вопросу о женщинах. Ты, Шалва, помнишь, конечно, свои сравненія относительно любви в дружбѣ и любви, так сказать, сексуальной. И ты помнишь, что мы оба с тобой не спорили. Дѣйствительно, господа, если встрѣчаются в жизни случаи, когда, это самое, подобная любовь вступает в конфликт с истинной дружбой, то что нужно сдѣлать, чтобы спасти дружбу? Нужно вырвать с корнем любовь. Да, да, я говорю — вырвать раз навсегда, чтобы не было ничего неяснаго, неопредѣленнаго, никакого осадка в душѣ. Предположим, двое из нас влюбляются в одну женщину... Казалось бы это — трагедія. Конец дружбѣ. Но, вот, вдруг, появляется какая-нибудь новая красавица...

— Оставь, Коля, — опустив глаза, недовольно проговорил Хачатуров.

— Нѣт, не оставлю. И так, появляется красавица... И уже подточена прежняя любовь. Уже надтреснуто чувство.

— А что... это вѣрно, — задумчиво согласился Шалва. — Любовь бывает капризна. И если держится, то часто — из самолюбія или от упрямства.

— И вот, уже надтреснуто чувство. Конечно, когда люди любят долго друг друга и между ними появляется дружба, тогда дѣло другое, тогда дружба укрѣпляет любовь, дает ей прочность. Но что такое любовь, которая началась всего нѣсколько недѣл или мѣсяцев тому назад? Развѣ можно ее сравнивать со старой дружбой? Прекратите такую любовь, отрѣжьте ее, она доставит вам вначалѣ нѣкоторое страданіе... А затѣм все пройдет. Нѣт, господа, дружбу сравнивать с подобными увлеченіями просто обидно. И потому я говорю: вы можете называть меня

глупым, можете считать безтактным... Но так как я вас обоих очень люблю, то хочу, чтобы все окончилось полностью. Навсегда. Милые мои! Бросьте ее оба! Не встрѣчайтесь больше с вашей общей знакомой! Умоляю!

У Тверцова на глазах показались слезы. Сидя посреди между пріятелями, он протянул в обѣ стороны свои руки, положил их на плечи тому и другому, и, любовно заглянув в лицо каждому, спросил:

— Ну, как? Хорошо?

Шалва от наивной просьбы Николая пришел в умиленіе. Он осторожно снял с плеча его руку, крѣпко пожал, положил на стол и растроганно стал ее гладить.

— Ладно, — взволнованным голосом произнес он. — Обѣщаю.

А что касается Хачатурова, то тот долго сидѣл неподвижно, опустив голову, не глядя на Николая. И затѣм, отвернувшись, сдѣлал вид, что прислушивается к чужим разговорам.

Между тѣм, полковник Сванидзе время от времени, с нѣкоторыми перерывами, продолжал свои тосты. Пили уже за Манглис, за Коджоры, за Алазанскую долину, за близкую весну. Зурна неистовствовала; в комнатѣ стоял синій туман от табачнаго дыма, отдѣльных голосов не было слышно — раздавался общій рокочущій гул. А в половинѣ четвертаго, когда выпили, по предложенію тулумбаша, «за солнце, которое свѣтит всѣм одинаково», хозяин ресторана осторожно подошел к Арчилу Ивановичу, затѣм к полковнику и что-то сказал им на ухо.

— Ну, господа, — встав с мѣста и пригласив всѣх к молчанію, с грустью в голосѣ обратился тулумбаш к присутствовавшим, — к сожалѣнію, мы должны прекратить наше веселіе: ресторан закрывается. Но, прежде чѣм расходиться, я предлагаю...

Он провозгласил тост за Арчила Микеладзе, за хозяина духана, за всѣх гостей в совокупности, и послѣ пѣнія «мравал жаміер» в заключеніе произнес:

— И так, друзья мои, мы расходимся. Я надѣюсь, что всѣ вы унесете пріятное воспоминаніе об этом вечерѣ. Я

надѣсь также, что всѣ вы чувствуете себя крѣпко и бодро послѣ сраженія с вином. Но если за это время кто-нибудь из вас ослабѣл, то я должен с удовольствіем предупредить, что на дворѣ сейчас свѣтит луна. Поэтому, в заключеніе поднимаю бокал: за здоровье той луны, которая ночью на небо восходит, пьяному дорогу освѣщает!

Зурна смолкла. Всѣ шумно вставали, заканчивая свои бесѣды. У ресторана стояло нѣсколько фаэтонов, но так как большинство гостей не рѣшалось брать их из-за дороговизны, Арчил Иванович щедро дал кучерам на чай в компенсацію за разочарованіе и вмѣстѣ со всѣми отправился в город пѣшком. Он, полковник и остальные гости шли гурьбой впереди; Шалва, Хачатуров и Тверцов — сзади. Луна уже склонялась к горизонту; ночь была ясная, но холодная; по бокам дороги среди садов, мечтавших о близком весеннем нарядѣ, встрѣчались одинокіе домики, погруженные в глубокій сон. Настроеніе у Николая было печальное: хотя Хачатуров продолжал разговаривать с ним дружески, как будто ничего не случилось, но то, что он смолчал в отвѣт на предложеніе, повергало Тверцова в уныніе.

— Теперь сам видишь, что ѣхать утром нельзя, — ласково сказал ему Шалва, угадывая его настроеніе.

— Да, конечно, — Николай вздохнул и взглянул на небо. — Как поздно! Сейчас январь, а созвѣздія весеннія. Дѣва взошла, Арктур высоко... А Сиріус, Бетельгейзе и Альдебаран уже заходят.

— Так как ты остаешься, дорогой мой, — взяв Тверцова под руку, нѣжно произнес Хачатуров, — то я попрошу директора освободить меня на весь день от работы. Пойдемте куда-нибудь вмѣстѣ на прогулку. Ты одобряешь, Шалва?

— Великолѣпно! Чудесная мысль!

— А затѣм, Коля... Хочу еще кое-что сказать. У тебя такая замѣчательная душа. Вы оба — такіе рѣдкіе товарищи. Ради вас можно многое сдѣлать. Хорошо: я согласен на твое предложеніе. Обѣщаю.

— Как? — остановившись, радостно воскликнул Тверцов. — Значит... все будет кончено?

— Я же сказал. Только не кричи пожалуйста: подумают — пьяный. И ни слова больше об этом.

— Женя, ты не представляешь, как я рад! Я — счастлив! Нѣт, ты просто прелесть, милый Женя!

— Говорю тебѣ, не ори! И смотри — чуть не упал. Шалва, бери этого несчастнаго астронома под руку с той стороны!

Пріятели долго шли молча, озаренные свѣтом заходившей луны.

6.

Хорошо знакома Тверцову дорога из Тифлиса в Батум. Сколько раз проѣзжал он эти мѣста, отправляясь в гимназію и возвращаясь во время отпуска домой!

Видѣл он в яркіе лѣтніе дни разукрашенные цвѣтами луга; увѣнчанныя бѣлыми султанами поля кукурузы; пышные сады, отягощенные ожерельями разноцвѣтных плодов; зеленые холмы в кудрях листвы, горные утесы в ослѣпительном сіяніи лучей. Видѣл в ненастные зимніе дни безконечныя нити дождей, ловящих в свои сѣти долины и горы; призраки туманов, бродящих по обрывам ущелій; хмурыя вершины, уходящія во мрак сгустившихся туч; мраморные снѣга наверху, изумрудныя травы внизу. И ручьи, ставшіе рѣками, и тихіе ключи, превращенные в кометные хвосты водопадов.

Помѣстившись в проходѣ вагона со своими вещами, Тверцов любовно слѣдил через окно за смѣнявшими друг друга картинами.

Вот, — станція Мцхет. Сейчас здѣсь безпокойно и шумно. Толпы дезертиров-солдат, бѣжавших с турецкаго фронта, бушуют на перронѣ, намѣреваясь продолжить свой путь отсюда на сѣвер по военно-грузинской дорогѣ. А еще так недавно все было тут чинно и мирно. Величавый обер-кондуктор грузин торжественно ходил с фонарем вдоль вагонов и возглашал: «Станція Мцхет, поѣзд стоит пять минут. Кто хочет — заходи, кто хочет — выходи!»

Пассажиры торопливо бѣжали в буфет ѣсть знаменитые мцхетскіе блинчатые пирожки...

А внизу, в обрывѣ, Арагва с гулом стремится к Курѣ. Как-то раз, в седьмом классѣ, Николай вмѣстѣ с группой пріятелей переходил здѣсь Арагву вброд, чтобы кратчайшим путем пробраться к монастырю Мцыри. Из предосторожности всѣ держали друг друга за руки. Под ногами клокотала вода, срывались с мѣста огромные камни. Было жутко: Тверцов не отличался никакой склонностью к спорту. Но развѣ можно показать, что боишься, и отстать от других?

А, вот, и Михайлово. Отсюда идет на Боржом вѣтка. В окно видна вдали горная цѣпь, среди которой извивается Кура, а рядом с нею — полотно желѣзной дороги. Как чудесен Боржом! Тверцовы нѣсколько раз проводили там лѣто. Неистово ревут здѣсь внезапныя грозы, когда громы и молніи набрасываются на тѣсныя горы и безплодно пытаются раздвинуть ущелье. Послѣ грозовой тьмы покажется солнце — и косматые туманы пробираются по соснам к небу, благоухают лѣса, пряный запах идет из зарослей от дикаго жасмина и лилій.

Миновав Сурамскій туннель, поѣзд по узким ущельям спустился в долину Ріона. Вырвавшись из диких тѣснин Мингреліи, успокоенный Ріон величаво продвигался к Черному Морю, широко раздвинув свое русло для весенних разливов. Сейчас вдали с обѣих сторон видны оголенные гигантскіе платаны, орѣхи; среди них — скромныя деревни, окруженныя сѣрыми пятнами садов. Но лѣтом — как волшебно расцвѣтает долина, и как сказочно вьются по деревьям виноградныя лозы, раскидав среди вѣтвей тяжелыя грозди!

Вечером, при лунном свѣтѣ, появилось вдали море, блѣдно-лиловое, едва уловимое. Приближалось, мелькая за лѣсом; подошло, наконец, к полотну, очерчивая извилистый берег свѣтлым прибоем. Миновал тоннель Зеленаго Мыса. Прошли холмы со знакомыми нарядными дачами, показалась линія городских береговых огней, заканчиваясь с краю сіяніем маяка...

Наконец-то у себя, дома. Послѣ безумнаго Петрограда.

Дом Тверцовых находился на Бульварной улицѣ, вблизи берега моря. Дойдя сюда с вокзала пѣшком с чемоданом на плечѣ и с ремнями в рукѣ, Николай рѣшил не звонить у параднаго входа, а войти во двор и подняться в стеклянную галлерею, куда выходили окна столовой.

Безшумно проникнув в темную галлерею, Тверцов осторожно опустил на пол вещи и с любопытством заглянул через окно внутрь. За столом у самовара сидѣла его мать, Елена Антоновна. За эти пол-года она похудѣла, даже слегка постарѣла. Событія, очевидно, проходят для нея не безслѣдно. А тут же рядом — отец пьет чай. Он по-прежнему кажется бодрым, энергичным; сѣдые волосы не старят его, наоборот — как будто бы молодят, оттѣняя свѣжесть бритаго, почти лишеннаго морщин, лица. Он о чем-то живо бесѣдует с сидящим рядом тучным пожилым гостем. Кто это? Дядя Сережа? Да, он! Тут же, напротив — тетя Соня. А рядом с нею — молоденькая хорошенькая брюнетка с большими живыми черными глазами, с густыми вьющимися волосами. Неужели — кузина Вѣрочка? Николай с трудом узнал в ней ту дѣвочку, которая восемь лѣт тому назад пріѣзжала к ним со своими родителями. Значит, тетя и дядя бѣжали сюда из Москвы? Очевидно — недавно: мать об этом ничего не писала Николаю в Петроград.

Дверь из кухни в коридор открылась и на освѣщенном порогѣ показалась кормилица Николая — Аграфена Давидовна, которую Тверцовы называли не по имени, а по-грузински — «Дзидза», что значит — кормилица. Это была средняго роста плотная, лѣт под пятьдесят, грузинка, довольно красивая, с добрыми глазами, но со строгим лицом, носившим на себѣ преувеличенную торжественность и подчеркнутое чувство собственнаго достоинства. Послѣ смерти мужа, а затѣм и малолѣтней дочери, она навсегда переселилась к Тверцовым, сдѣлавшись чѣм-то средним между прислугой и равноправным членом семьи.

Говорила Дзидза по-русски совсѣм свободно, но неправильно и с сильным акцентом.

— Кто здѣсь? — испуганно спросила она, увидѣв в темнотѣ чью-то мужскую фигуру.

— Дзидзочка, не узнаешь?

Тверцов подошел, обнял кормилицу.

— Коля! Наконец! Газдыли мой! Как мы безпокоились!

Дзидза со слезами на глазах стала цѣловать своего питомца.

— Ну, что? Здоровый совсѣм? Большевики не трогали?

— Слава Богу.

— Как хорошо! Большевики такіе паршивые! Подожди...

Дзидза быстро направилась к двери столовой и, открыв ее, радостно объявила:

— Барыня! Наш Коля пріѣхал!

Послѣ нѣжной встрѣчи с родителями, Николай расцѣловался также с дядей Сережей и тетей Соней; но, здороваясь с Вѣрочкой, поцѣловать ее не рѣшился, только дружески протянул руку, которую та пожала крѣпко, по-мужски.

— Чего же ты ее не цѣлуешь? — со смѣхом спросил дядя Сережа. — Что она тебѣ, — чужая?

— Отчего чужая... — Николай смутился. — Ну, давайте, на правах родственников... — Он нагнулся к Вѣрочкѣ, иронически смотрѣвшей на него, и осторожно прикоснулся губами к ея щекѣ.

— И не вы, а ты, — строго замѣтил дядя.

— Да, ты, — с улыбкой согласился Николай.

— А я бы тебя совсѣм не узнала, — снисходительно сказала Вѣрочка. — Совсѣм стал профессором.

Вымыв руки, Николай вернулся в столовую и сѣл рядом с матерью, любовно хлопотавшей возлѣ него, придвигавшей печенье, варенье и наливавшей горячій чай.

— А, может быть, сначала поѣшь? Навѣрно проголодался с дороги?

— Нѣт, нѣт, у меня было много ѣды.

— Бѣдный мой! — погладив по плечу Николая, со

вздохом сказала стоявшая сзади него Дзидза. — Ты зимой мало ѣл, должно быть. Уѣхал такой красивый, такой жирный, а сейчас — худой. Я тебѣ дам суп, лобію, картошку.

— Не надо, дорогая, я совсѣм сыт. Могу даже вас угостить. Осталась курица, ветчина...

Николай разсказал о своем пребываніи в Тифлисѣ, о том, почему задержался там. Елена Антоновна и Петр Николаевич начали подробно разспрашивать сына, как он ѣхал из Петрограда, гдѣ были пересадки, не произошло-ли в пути каких-нибудь непріятностей. А затѣм Петр Николаевич перешел на свои дѣла и начал излагать план устройства новой мандариновой и чайной плантацій.

— Я на тебя, дорогой мой, очень разсчитываю, — добавил в заключеніе Петр Николаевич. — Конечно, мы будем брать аджарцев для тяжелой работы; но в разбивкѣ, в общем руководствѣ ты мог бы оказать мнѣ большую услугу. Это, разумѣется, до тѣх пор, пока большевики не падут, и тебѣ не удастся вернуться в университет.

— А ты думаешь — большевики падут не скоро?

— Как тебѣ сказать... Может пройти пол-года. А то и цѣлый год.

— Что? Пол-года? Год? — С презрительным смѣхом вмѣшался в разговор дядя Сережа. — Ну и хватил! Если они не провалятся через три мѣсяца, и то будет чудо! Во всяком случаѣ мы с Соней пріѣхали сюда из Курска с таким разсчетом, чтобы пожить у вас до мая и уѣхать обратно. Даже лѣтних вещей с собой не взяли. Соня хотѣла, было, забрать с собой все наиболѣе цѣнное, но я настоял, чтобы взяли самое худшее. Прислуга, слава Богу, осталась, присмотрит, а в дорогѣ столько грабителей!

— А ты знаешь, я все-таки потихоньку от тебя кое-что лѣтнее взяла, — с хитрой улыбкой произнесла Софья Ивановна. — Твой сѣрый костюм, например.

— Что? Сѣрый костюм? И глупо! — Дядя Сережа разсердился. — А если бы в дорогѣ пропал?

— Но, вѣдь, он не пропал.

— Все равно! Мог пропасть! Надѣюсь, больше ничего не брала?

Сергѣй Николаевич с негодованіем пытливо смотрѣл на жену.

— Вѣрочкин каракулевый жакет тоже захватила. В дорогу надѣвать, конечно, опасно, снять могут. Но почему не положить в чемодан? И из столоваго серебра кое-что... Ложки, вилки.

— Возмутительно! И до сих пор мнѣ ничего не сказать! То-то я чувствовал, что чемоданы слишком туго набиты! Интеллигентная женщина. а поступаешь, как Коробочка!

— Успокойся, успокойся, Сергѣй, — добродушно замѣтил Петр Виколаевич. — Вѣдь, в концѣ концов все вышло благополучно.

— Да, но могло не выйти! Главное, Соня никогда не считается с моим политическим опытом! Особенно с анализом общих событій и фактов! Вѣдь, кажется, я не простой обыватель! Восемь лѣт состоял предсѣдателем Земской Управы! Был членом первой Государственной Думы! Если бы не заболѣл в Петербургѣ аппендицитом, выборгское воззваніе в числѣ прочих подписал бы!

— Папа, ты опять волнуешься, — строго сказала молчавшая до сих пор Вѣрочка. — Тебѣ для сердца вредно.

— Дядя Сережа, а почему вы думаете, что большевизм так скоро падет? — слегка покраснѣв, нерѣшительно спросил Николай. — Сейчас трудно разобраться во всем этом.

— Кому трудно, братец, а кому и легко, — снисходительно взглянув на племянника, отвѣтил Сергѣй Николаевич. — Государственныя событія никогда не бывают случайными. Все подвержено желѣзным законам исторической логики. А что говорит логика? Логика говорит, что всякая автократія через революцію, как свой антитезис, переходит к синтезу, то-есть к демократическому образу правленія. Так было во Франціи, так было в Германіи, в Англіи, так будет и у нас, разумѣется. А что такое при

подобной точкѣ зрѣнія большевизм? Естественный краткій переходный этап анархіи, пока здоровыя мощныя демократическія силы кристаллизуются. Поэтому нелѣпо думать, что большевики могут долго продержаться со своей идіотской программой. Этого не потерпит общественное мнѣніе Россіи!

— Нашел, что противопоставлять анархіи, — пренебрежительно пробормотал Петр Николаевич. — Многаго стоит для борьбы с разбойниками твое общественное мнѣніе.

— Как ты говоришь? Многаго стоит? — Сергѣй Николаевич опять взволновался. — Значит, по-твоему, голос народа — ничто? А чѣм создается эволюція государства, как не общественным мнѣніем? Народ сметает со своего пути все, что задерживает его стихійное движеніе вперед. Я увѣрен — не будь этого глупѣйшаго выступленія Корнилова, у нас не было бы октябрьскаго переворота, а была бы уже вполнѣ налаженная мирная демократическая жизнь с полным уваженіем к личности, к правам человѣка и гражданина!

— А по-моему, мой милый, — нахмурившись возразил Петр Николаевич,—выступленіе Корнилова было единственным свѣтлым явленіем послѣ февральской революціи.

— Господа, вы опять? — взмолилась Елена Антоновна. — Нельзя же так каждый вечер! Коля, идем, я покажу, как мы тебѣ устроили комнату.

Дзидза отправилась вмѣстѣ с ними. По случаю пріѣзда родственников, в домѣ была сдѣлана перестановка; но Николаю дали самую лучшую комнату, с видом на море. Все обставили очень уютно. У окна стоял письменный стол, возлѣ него — подзорная труба.

— И о трубѣ вспомнили! — растроганно произнес Николай. — Здѣсь очень мило. А гдѣ ты их помѣстила? — тихо добавил он, кивая в сторону столовой.

— Дядю с тетей в библіотекѣ, а Вѣрочку — в маленькой, возлѣ галлереи.

— И давно они пріѣхали?

— Уже три недѣли.

— Как он много разговаривает! — со вздохом замѣтила Дзидза. — Совсѣм, как Петрушка.

— Тише, Дзидза! — испугалась Елена Антоновна. — Да, дядя Сережа довольно утомителен. А, вот, Вѣрочка симпатична. Да и тетя Соня ничего, скупа только.

— Свои серебрянныя ложки никогда не дает, — презрительно добавила Дзидза. — Держит в чемоданѣ, каждый вечер считает, думает — я украду. Прежде мы так хорошо жили, а сейчас, когда всѣ бѣгают от большевиков туда-сюда, не дом стал, а гостинница «Франція». Один приходит, другой уходит. А что было, когда Сурины пріѣхали!

— Сурины? — Николай удивленно взглянул на мать. — Неужели пріѣзжали? Вѣдь, они были с тобой в ссорѣ?

— Да, а теперь написали слезное письмо. Живут сейчас у нас на дачѣ. Мы едва настояли на том, чтобы перебрались туда, а то у тебя не было бы своей комнаты.

— Такіе черти! — прервала Елену Антоновну Дзидза. — Сам старик еще ничего, просто только сумасшедшій. А жена, это, знаешь, хуже, чѣм сумасшедшая: настоящая свинья!

— Дзидза! — строго сказала Елена Антоновна.

— Что Дзидза? Развѣ не правда? Думает, что я ей прислуга. Все время кричит: «Дзидза, дай горячей воды!» «Дзидза, отнеси мой сундук в подвал!» Что я ей? Носильщик-амбал? Муша? А ты скажи: почему нам из Тифлиса телеграмму не прислал? Мы так безпокоились.

— Сказать по правдѣ, телеграммы мы ждали, — с укоризненной улыбкой подтвердила Елена Антоновна. — Вѣдь, теперь такое тревожное время.

— Да, это нехорошо вышло. — Николай смутился. — Но с деньгами получилось затрудненіе. Столько времени ѣхал, не разсчитал. А занимать у товарища не хотѣлось.

— Ну, у Павловых мог бы взять.

— Думал, но тоже постѣснялся. Они сейчас в плохом положеніи. А на телеграмму надо было взять около рубля.

Дзидза недовѣрчиво взглянула на своего питомца.

— Зачѣм рубля? Двадцать копеек довольно.

— Ну, что ты!

— А я тебѣ говорю. Ты мог писать так: «Дорогая мамочка», — это одно слово. «Я совсѣм здоров», — другое слово. Пріѣду завтра вечером» — третье. «Крѣпко тебя цѣлую и Дзидзу тоже» — четвертое. Четыре слова по пять будет двадцать; еще за телеграмму — пять, значит двадцать пять.

Поговорив о семейных дѣлах, всѣ трое вышли в столовую. Софьи Ивановны и Вѣрочки там уже не было. За стаканами остывшаго чая сидѣли Петр Николаевич, Сергѣй Николаевич и спорили.

— Петя, это чудовищно, что ты говоришь! — с ужасом восклицал дядя Сережа. — Значит, по-твоему, у русскаго человѣка — психологія раба? Значит, он сам своим государством управлять не может и ему нужна палка?

— Я про палку не говорю.

— Нѣт, ты говоришь!

— Я говорю про вожжи. У нас вообще нѣт чувства мѣры ни в чем: ни в свободѣ, ни в подчиненіи, ни в водкѣ, ни в елеѣ... Мы по природѣ своей анархисты. Наша историческая колесница должна имѣть ямщика. Это тебѣ не англійскій двухмѣстный шарабан.

— Чепуха! А наше древнее вѣче? Новгородское? Псковское?

— Ну и что? Сходились в Новгородѣ на мосту и били друг другу физіономіи!

— Позволь, позволь!

— Нѣт, ты позволь!

Пожелав всѣм спокойной ночи, Николай отправился к себѣ в комнату. Распаковав вещи и разложив на этажеркѣ книги, он хотѣл, было, ложиться, как дверь из гостиной пріоткрылась, и внутрь осторожно заглянула Дзидза.

— Еще не спишь, генацвале?

— Нѣт, нѣт, дорогая, входи.

— Сейчас уйду, на одну минуту.

Дзидза остановилась возлѣ стола, держа в рукѣ какой-то предмет.

— Вот, посмотри, я хочу тебѣ дать подарок... — нерѣшительно произнесла она. — Это, как игрушка, маленькій, но настоящій кинжал. И все серебряное — и ручка, и на кожѣ, как кружева. Мнѣ один лавочник за него двѣсти рублей давал, сказал, что теперь таких никто не может купить. Только я хотѣла его от мужа оставить. Видишь, как блестит: кирпичем почистила и потом — мазь от кострюли. Теперь ты большой, можешь кинжал имѣть. Возьми себѣ.

— Да? Спасибо, моя милая, — растерянно пробормотал Николай, дѣлая радостное лицо. — Это очень трогательно с твоей стороны. А ну-ка, вытяну, посмотрю, какой он внутри.

— Нѣт, нѣт, не надо! Руки можешь обрѣзать. Положи в чемодан, пусть лежит. А потом еще...

Дзидза опустила руку в карман своего передника и вытащила оттуда золотую монету.

— Это старые пятнадцать рублей. Возьми тоже себѣ.

— Дзидза! Я денег ни за что не возьму!

— Почему не возьмешь?

— Вѣдь, мнѣ папа дает. А тебѣ самой пригодятся!

— Значит, от папы и мамы можно, а от Дзидзы нельзя? Развѣ я тебя не кормила?

— Ну да, Дзидзочка, только все-таки неудобно.

— Ты что: не мой развѣ? Молоко мое не пил?

— Ну, да, пил. Твой, конечно. Только... Ну, хорошо, хорошо, не плачь, ради Бога. Я вот что: возьму их и тратить не буду, а сохраню от тебя на память.

Николай подошел к ней, поцѣловал в щеку, погладил по головѣ.

— Ты у меня чудесная, Дзидза, — нѣжно добавил он. — Ты мнѣ — вторая мама.

— Конечно, — гордо согласилась она, вытирая глаза. — Развѣ молоко — лимонад или чай? Молоко — как кровь!

Давно Николай не спал так сладко, как в эту ночь.

7.

На слѣдующій день утром, выпив чаю, Николай отправился в город.

На улицах было внѣшне спокойно, никаких скопленій народа. Иногда только попадались на тротуарах солдаты, тащившіе с пристани тюки каких-то товаров, очевидно награбленных в Трапезундѣ; да изрѣдка проѣзжали военные грузовики или автомобили, реквизированные Совѣтом рабочих депутатовъ, нагруженные субъектами в кепках.

В остальном — все, как будто, попрежнему: магазины открыты, кое-гдѣ встрѣчаются кинто с лотками на головах, на углах улиц — скучающіе извозчики со своими высокими просторными фаэтонами. Но вмѣстѣ с тѣм повсюду печать затаенной тревоги: нѣт веселых улыбающихся лиц, не слышно громких оживленных разговоров: в турецкой части города многія лавки за неимѣніем товаров заколочены; в порту — тишина, бухта пуста. Кое-гдѣ только видны рѣдкія фелюги, мелкія рыбачьи лодки, буксирные катера.

Бродя по улицам, раскланиваясь со старыми знакомыми, а иногда и останавливаясь, чтобы с кѣм-нибудь поговорить, Тверцов был пріятно удивлен, встрѣтив на Маріинском проспектѣ своего товарища по гимназіи — турка Махмуда Бекирова. Махмуд жил обычно в Тифлисѣ, а по окончаніи курса поступил в Одессѣ в Новороссійскій Университет.

— Как я рад тебя видѣть! — дружески сказал Бекиров, пожимая Николаю руку. — С гимназіи не встрѣчались. Ты, вѣдь, учишься в Петербургѣ?

— Да. Вчера оттуда пріѣхал. А ты — что? Перебрался в Батум?

— Нѣт, я тут временно. Родственники в гости пригласили.

— Университет бросил?

— Зачѣм бросил. Но сейчас там дѣлать нечего.

— Да, у нас тоже самое. Ну, что-же. Подождем, что будет дальше. А ты, брат, заходи ко мнѣ. Как-нибудь вечерком. Поговорим, вспомним гимназію.

— Обязательно. Я, кстати, знаю ваш дом. Кто-то из знакомых показывал.

В полдень у Тверцовых обычно завтракали и пили кофе. Вернувшись домой к этому времени, Николай за столом стал разсказывать о своих впечатлѣніях и своих встрѣчах.

— Ну, хорошо, Коля, — сказал Петр Николаевич. — А когда мы с тобой поѣдем на дачу и осмотрим будущую плантацію? У тебя в ближайшіе дни есть какія-нибудь спѣшныя дѣла?

— Нѣт, никаких.

— Хочешь, отправимся завтра, с утра?

— Отлично.

— Господа! — нерѣшительно проговорила тетя Соня. — Возьмите, пожалуйста, с собой Вѣрочку. А то она не знает, куда время дѣвать.

Сидѣвшая за столом Вѣра нахмурилась.

— Что ты говоришь, мама?— негодующе произнесла она, слегка покраснѣв. — Я, кажется, не в таком возрастѣ, чтобы меня брать или не брать.

— Ну, да... Конечно. Но я вижу, как ты скучаешь. Нельзя же все время играть на роялѣ и книги читать. Тебѣ необходимы прогулки. Вот ты, Коля, когда идешь куда-нибудь не по дѣлу, а просто так, можешь пройтись вмѣстѣ с нею.

— Мама! — угрожающе повторила Вѣра.

— Мама, мама! Если бы было время другое, я бы ничего не говорила. Но сейчас всюду — товарищи, пьяные чудо-богатыри, матросы. Да и аджарцы пошаливают. Как быть без мужчины?

— Вы правы, тетя, — смущенно пробормотал Николай. — Это вѣрно. Время такое. Если вы, Вѣра, то-есть ты, хочешь, я с удовольствіем...

— Благодарю, но за меня бояться нечего, — сухо отвѣтила Вѣрочка. — Я не кисейная барышня.

— Ну, ладно, ладно, не обижайся, — с добродушной улыбкой глядя на племянницу, сказал Петр Николаевич. — Завтра мы без разговоров забираем тебя и ѣдем втроем.

Может быть останемся даже там ночевать. А ты, если хочешь, поможешь нам в приготовленіи ѣды.

— А! Это дѣло другое, — обрадовалась Вѣра. — Если буду полезна, поѣду охотно.

Послѣ завтрака, поговорив с родными, Николай рѣшил погулять по бульвару. Надѣв пальто и фуражку, вышел на улицу, подошел к калиткѣ бульвара, но, почувствовав, что в пальто под таким горячим солнцем будет жарко, вернулся домой. Проходя в свою комнату через гостиную, гдѣ Вѣрочка играла на роялѣ гаммы, Николай вспомнил про разговор за столом.

— Сегодня совсѣм лѣтній день, — весело сказал он, вернувшись в гостиную и остановившись возлѣ рояля. — Хочешь — пойдем на бульвар?

— Нѣт, спасибо.

Вѣра продолжала играть.

— А что? Развѣ твои упражненія — спѣшныя?

— Не спѣшныя, но на бульварѣ ничего интереснаго.

— Тогда пойдем к маяку, на волнорѣз. Ты там была?

— У маяка? Нѣт. — Вѣра прекратила гаммы

— Дойдем до конца бульвара, обогнем батарею Бурун Табіе и оттуда — к молу. Ну, как? Идешь?

— Нѣт, не стоит. Как-нибудь потом. А кромѣ того, ты, вѣдь, уже уходил, случайно вернулся. Тебѣ лучше одному.

Она снова положила руки на клавиши и с ожесточеніем принялась играть.

— Ну и характер! — испуганно подумал Николай. — Ну что же. Как хочешь, — с иронической улыбкой пробормотал он и направился к выходу. Но не успѣл перейти улицу, как двер на террасу открылась, и Вѣрочка крикнула:

— Подожди меня! Сейчас одѣнусь!

Бульвар против дома Твердовых был узким, за ним сразу же начинался покрытый гравіем берег. Когда-то, в раннее дѣтство Николая, никаких насажденій здѣсь не было; улица шла непосредственно рядом с берегом, море тогда было ближе, так что во время сильных бурь волны докатывались до самой мостовой, иногда пѣна доходила

чуть ли не до крыльца дома. С каким тревожным чувством шестилѣтній Николай ложился спать под этот непрестанный гул и рев! В звуках яростнаго прибоя слышалось многое, извѣстное из сказок, разсказанных матерью: грохот пушек чудовищнаго морского царя, старавшагося завоевать город для своих водяных и русалок; топот стада Коньков Горбунков, проносившихся мимо; грозное шипѣніе Змѣя Горынича; вой сѣрых волков; гулкій стук костыля, которым Баба-Яга взбивала из воды на камнях бѣлую пѣну... Все было страшно, жутко и в то же время непонятно-уютно. Коля знал, что Боженька поможет мамѣ и Дзидзѣ охранить его от морского Царя и Бабы-Яги.

— Посмотри, как хорошо сегодня виден Кавказскій хребет, — остановившись у края бульвара, сказал он.

На голубом фонѣ прозрачнаго неба, у горизонта, за прибрежной изумрудной полоской земли, тянулась призрачная блѣдно-розовая лента Кавказа, изрѣзанная прихотливыми остроконечьями гор. Будто не грозная громада окоченѣвшей первозданной земли высилась своими скалистыми взлетами, с ледниками, с обрывами диких ущелій, а чей-то нѣжный рисунок пастелью висѣл в воздухѣ, с чуть намѣченными штрихами горных вершин.

— Да, чудесно, — отвѣтила Вѣра. — А гдѣ среди них Казбек?

— Мнѣ кажется, он не виден. Должно быть, — правѣе, за ближайшими горами. А вот, налѣво, эти двѣ коническія вершины, навѣрно — Эльбрус. И правѣе — Дыхтау, Шхара, Коштан-тау. Между прочим, всѣ онѣ — выше Казбека.

Они пошли по аллеѣ по направленію к батареѣ. Вѣра стала разсказывать, как они бѣжали из своего города, какія мытарства испытали в дорогѣ. Николай внимательно слушал, но в то же время искоса оглядывал знакомыя насажденія бульвара. Акаціи, посаженныя по бокам аллей, были голы, но на них уже виднѣлись наливавшіяся почки. Между акаціями и другими деревьями высоко поднимались пальмы хамеропс, латаніи, драцены; по бокам встрѣчались кусты вѣчно-зеленых олеа фрагранс, цвѣтущих лѣтом бѣ-

лыми цвѣточками, издающими аромат необычайных духов. На лужайках между аллеями вздымались огромныя магноліи, сверкавшія на солнцѣ толстыми маслянистыми листьями; там и сям разбросались широкими и узкими пирамидами туи, кипарисы.

— Тетя Лена говорила, что ты собираешься быть астрономом, — перейдя на новую тему, сказала Вѣрочка. — Это — правда?

— Правда.

Николай смущенно кивнул головой, как будто уличенный в чем-то предосудительном.

— А для чего это?

— Для того, чтобы изучать эту отрасль науки.

— А какой смысл? Развѣ от астрономіи есть какая-нибудь польза людям?

Николай обиженно улыбнулся.

— Можно заниматься наукой из любознательности, без того, чтобы извлекать из нея пользу, — наставительно произнес он. — А кромѣ того, астрономія вовсе не так безполезна. Моряки, например, должны ее знать, для опредѣленія мѣста своего нахожденія. При ея помощи можно предсказывать затменія. Или, напримѣр, появится на небѣ комета. Публика смотрит на нее со страхом, боится, что она может столкнуться с землей. А мы, астрономы, в состояніи точно опредѣлить ея путь, доказать, в каком разстояніи пройдет она от земли.

— Неужели это возможно?

Вѣрочка недовѣрчиво взглянула на кузена.

— Разумѣется возможно. Нужно только знать пять элементов орбиты, если орбита параболическая; или шесть, если орбита эллиптическая или гиперболическая.

— Довольно, довольно!

Вѣрочка, вдруг остановилась, замерла на мѣстѣ.

— Погоди! — Она испуганно схватила кузена за рукав. — Бѣжим на тропинку! Это он!

— Кто он?

— Мамулян!

Она побѣжала вперед, чтобы свернуть на поперечную

дорожку, но было уже поздно. Шедшій навстрѣчу пожилой армянин издали приподнял шляпу, ускорил шаги.

— Очень пріятно, — с сильным акцентом произнес он, застигнув Вѣрочку у выхода на боковую дорожку и театрально-любезно здороваясь с нею. — Вы что: ловите птичек?

— Да, птичек, — сухо отвѣтила она, выходя на аллею.

— А я шел по дѣлу к вашему дядѣ. Ну, что, вы пріѣхали, слава Богу? — дружески обратился Мамулян к Тверцову. — Родители давно ждали. В дорогѣ все было благополучно?

— Да, Аршак Георгіевич. А как ваши дѣла? Продолжаете дѣлать заявки?

— Нѣт, теперь, к сожалѣнію, прекратил. Турки могут двинуться сюда по Чороху. Если они захватят Батум, всѣ заявки все равно пропадут. А вы знаете, какое интересное мѣсто нашел я осенью, когда ѣздил в Ардануч! Может быть сядем на скамейку, я разскажу?

— К сожалѣнію, мы спѣшим в гости к знакомым, — тревожно проговорила Вѣра. — Сейчас некогда.

— Тогда я с вами немного пройду. Вот, видите, — продолжал он, медленно двигаясь по аллеѣ рядом с Николаем, — я, как человѣк мало ученый, сам точно состав минералов узнавать не могу. Для этого есть инженеры. Но зато у меня есть опыт. Все-таки за три года я пять заявок продал англичанам, а одну даже директору дзандзульских рудников! Слава Богу, горное дѣло дало мнѣ не маленькія деньги. — Мамулян с многозначительной самодовольной улыбкой взглянул на Вѣрочку, которая хмуро смотрѣла вперед, идя по другую сторону от Николая. — Если бы не было этой самой революціи, я бы мог скоро милліоны имѣть! Так вот. Около Ардануча, знаете, есть такой радій, какого, может быть, нигдѣ в мірѣ больше нѣт.

— Но кто именно опредѣлил, что это радій? — нерѣшительно спросил Тверцов.

— Еще никто. Я человѣк осторожный; пока не сдѣлаю заявки, инженеров не беру. Довѣрять нельзя никому.

Но у меня есть эта самая, как говорится, нюхательная способность. Я сразу чувствую. А вот, скажите: вы хорошо знаете, что такое радій?

— Теоретически кое-что знаю, читал. Радій — химическій элемент, открытый супругами Кюри, кажется, в 1899 году. Атомный вѣс, если не ошибаюсь, 257.

— Ну, и что?

— В чистом видѣ, как мнѣ помнится, в горных породах он не встрѣчается. А особенности его...

— Коля, ты что? Лекцію собираешься на бульварѣ читать? — насмѣшливо спросила Вѣрочка.

— Я отвѣчаю только на вопрос. Так вот, радій отличается от других химических элементов тѣм, что испускает лучи, в родѣ рентгеновских, которые сами не видны, но, падая на нѣкоторыя вещества, заставляют их испускать свѣт.

— Ну, вот! Я тоже читал. И у меня как раз это самое. Я никому не разсказываю, гдѣ. Но вы честный молодой человѣк. Только никому не говорите. Когда я ѣхал туда из Артвина, я остановился в одной деревнѣ. Ну, как всегда стал спрашивать жителей, как у них в горах: блестит что-нибудь, или не блестит? И есть вообще что такое удивительное? Они мнѣ и сказали, что в одном ущельѣ у них всѣ птицы подыхают. Один раз нѣсколько баранов тоже издохло. А ночью, говорят, видят иногда в лѣсу свѣт. Как будто в темнотѣ что-то горит. Развѣ это не может быть радій?

Тверцов нерѣшительно качнул головой.

— Трудно сказать, Аршак Георгіевич. Животные могут гибнуть от многих причин. От испареній каких-нибудь, от углекислоты, от углекислаго газа. Конечно, и от радія, если подвергать радіаціи. А что касается свѣта в лѣсу, этот свѣт может производиться какими-нибудь гнилушками, болотным газом — метаном. Формула метана — це аш четыре...

— Ну, до-свиданья, Аршак Георгіевич, — рѣшительно сказала, вдруг, Вѣра, протянув Мамуляну руку. — Нам нужно выходить на улицу. Всего хорошаго.

— Уже? До-свиданья. — Мамулян грустно посмотрѣл на нее. — Может быт, я завтра тоже зайду к Петру Николаевичу.

Молодые люди вышли на улицу, прошли около квартала и вернулись на бульвар, откуда по берегу направились к маяку.

— Ты с ним очень нелюбезна, — укоризненно сказал по пути Николай. — А между тѣм, он, в общем, очень милый и неглупый человѣк.

— Может быть. Но надоѣл своими ухаживаніями. Терпѣть этого не могу.

Они сѣли у края мола над выступавшими из воды кессонами. Вѣра задумчиво смотрѣла в синюю даль. Николай разсѣянно глядѣл вниз, гдѣ легкій прибой разводил среди бетонных граней узорную пѣну, разбивался на ручейки и уходил с журчаньем назад. Там, глубоко под поверхностью мѣрно колыхавшейся массы, виднѣлось усѣянное мелкими камнями дно; качались, стараясь оторваться от мола, мохнатыя бурыя водоросли; появлялись внезапно стаи пугливых серебряных рыбок, застывали на мѣстѣ, точно к чему-то прислушиваясь, и внезапно бросались всторону, исчезая в синем полумракѣ воды.

День был тихій, теплый, торжественный. Ни туч, ни движенія вѣтра. Насыщенное сверкающей синевой небо ушло далеко вверх, оставив свое отраженіе застывшей внизу поверхности моря.

— А гдѣ граница Турціи? — послѣ нѣкотораго молчанія спросила Вѣра.

— Вон там. За первым выступом гор.

— Ага. А какая красивая бухта здѣсь! По краю все зеленые холмы. Эти разноцвѣтныя пятнышки — дачи?

— Да.

Она вздохнула, перевела взгляд на открытый горизонт.

— Погоди... А что это такое там? Слѣва от маяка?

— Гдѣ?

— Да вот... Какой глупый! По направленію моей ру-

ки. Изъ моря торчат двѣ какія-то палки, а между ними что-то черное, продолговатое.

— Ах, да. Навѣрно, из Трапезунда пароход идет.

— Какой же это пароход?

— Ну да. Только пока еще его корпус не виден. Однѣ мачты и труба. А скоро появится все.

— Как странно!

— Ничего страннаго нѣт. Это происходит просто из-за шарообразности земли. Развѣ ты не учила в гимназіи?

— Не помню.

— Ах, да. В женской гимназіи космографіи, вѣдь, не проходят. Но ты, разумѣется, знаешь, что земля — шар. А поэтому поверхность его от каждой данной точки во всѣ стороны как бы опускается. Слѣдовательно, если ты, например, совсѣм ляжешь на землю, ты ничего вокруг не увидишь. А если поднимешься над землей, вокруг образуется горизонт, который станет расширяться и удаляться по мѣрѣ твоего подъема. Поняла?

— Ну, и что же выходит?

Вѣра нахмурилась.

— Ну и выходит, что каждый появляющійся на горизонтѣ предмет виден соотвѣтственно с высотой наблюдателя. Мачты или труба выше корпуса парохода и потому появляются раньше. Впрочем, это лучше показать на бумагѣ, провести касательныя.

— Нѣт, нѣт, лучше без бумаги и без всяких касательных!

— Как хочешь. Я бы мог показать тогда тебѣ формулу, по которой вычисляются разстоянія от центра наблюденія до горизонта в зависимости от высоты.

— Ну, да. Недоставало еще высшей математики! Брось, пожалуйста, эту белиберду.

— То-есть, что это? Математика — белиберда? Недурно. Между прочим, тут именно никакой высшей математики совсѣм нѣт, а фигурирует всего навсего одно квадратное уравненіе. Впрочем, не хочешь — не надо.

— Конечно, не надо. — Вѣрочка порывисто встала с камня. — А теперь идем домой.

Она быстро пошла по молу. Николай нагнал ее только на бульварѣ, когда она, открыв калитку, сѣла на ближайшую скамейку.

— Ты что: разсердилась на квадратное уравненіе? — с иронической улыбкой спросил он, расположившись на другом концѣ скамейки.

— Не разсердилась, но стало скучно.

— Да, я совсѣм не умѣю занимать барышень. А есть такіе, которым это отлично удается: говорят о своем одиночествѣ, о неудовлетворенности жизнью, о любви.

— Терпѣть не могу, когда при мнѣ говорят о любви.

— Почему?

— Потому что любовь это — пакость.

— Любовь?

— Да, любовь. Вот, этот самый Мамулян, напримѣр. Когда он однажды пришел к твоему папѣ по дѣлу и случайно разговорился со мной, мнѣ он показался интересным, несмотря на свой акцент. Разсказывал, как с опасностью для жизни лазил по горам, как жил среди скал, ночевал в пещерах, падал в пропасти. Я такіе характеры люблю. Это не то, что размазни всякіе. Но потом, когда начал часто ходить и говорить уже не о диких мѣстах и звѣрях, а о своем желаніи жениться и имѣть побольше дѣтей, меня чуть не стало тошнить. И какая противная физія сдѣлалась! Усы подкручены, губы — бантиком, а глаза — как тараканы в прованском маслѣ. Дурак!

— Ну, ты уж слишком... — Николай разсмѣялся. — Мамулян очень милый человѣк и дѣла свои отлично ведет, хорошо знает русскіе и турецкіе законы.

— И все-таки совсѣм необразованный.

— А развѣ образованіе так важно, чтобы быть интересным?

— Разумѣется. Только нужно, чтобы оно у человѣка не выпячивалось, как шишка на лбу.

«Это навѣрно в мой огород, — подумал Николай. — Ну и поганая дѣвченка!»

Он презрительно улыбнулся и проговорил:

— Да, у Мамуляна шишки, конечно, нѣт. Но вообще,

с шишкой или без шишки, он для многих барышень заманчивый жених. Вот, ты, например: почему тебѣ не выйти замуж за него?

Вѣрочка вспыхнула от негодованія. Сжатыя черныя брови совсѣм сошлись над переносицей.

— Пожалуйста, не болтай ерунды!

— Какая же ерунда? Тебѣ, вѣдь, когда-нибудь понадобится жених.

— Никогда! И прошу при мнѣ не произносить этого мерзкаго слова! Я вообще замуж не выйду. Имѣй в виду!

— Мнѣ-то что? Не выходи. Только многія барышни, тоже как ты, говорят это, а потом, вдруг, влюбляются и выходят.

— А я не влюблюсь. У меня было много подруг, которыя часто встрѣчались с гимназистами или кадетами, переписывались, назначали свиданія. А я с мальчишками так строго обращалась, что они боялись меня, как огня. Никто не смѣл даже на что-нибудь намекнуть, знал, что плохо будет. Впрочем, был один нахал... Да это все равно. Хорошо получил от меня.

— А что же этот нахал сдѣлал, если не секрет?

— Никакого секрета нѣт. Этот идіот был как-то раз у нас в гостях со своей сестрой, моей подругой. Гуляли по саду. Подруга на время ушла, мы сѣли вдвоем на скамейку... Впрочем, чепуха. Не стоит и говорить.

— Отчего же? Продолжай, если начала.

— Сидим мы на скамейкѣ, разговариваем. А он, вдруг, ни с того ни с сего бухнулся передо мной на колѣни и говорит — этакій болван: «Вѣрочка, я люблю вас!»

— Ну вот, значит у тебя тоже был роман!

— Увидишь, какой был роман. Стоит на колѣнях и продолжает болтать: «Я без вас жить не могу, вы моя единственная мечта». А я как вытянула свою ногу, да как трахнула его изо всей силы в грудь, так он и покатился. Лежит на дорожкѣ и стонет. Я даже перепугалась: не умрет-ли. Но нѣт, не умер. Только три дня лежал в постели.

Она гордо поднялась с мѣста, снисходительно улыб-

нулась, взглянув на искренно смѣявшагося кузена, и добавила:

— Вот, с Мамуляном тоже так будет, если посмѣет. Ну, а теперь идем, скоро обѣд.

Аллея бульвара была почти пуста. Только кое-гдѣ на скамьях виднѣлись одинокія фигуры, главным образом стариков, грѣвшихся на солнцѣ. Застывшее море сверкало сквозь тянувшіяся вдоль забора юкки и туи. Шедшій из Трапезунда пароход уже приближался к бухтѣ — это был военный транспорт, перевозившій остатки развалившейся арміи.

Подойдя к дому, Вѣрочка дружески положила руку на плечо Николаю и похлопала:

— А ты — симпатичный, Коля. Хотя и астроном. Спасибо за прогулку.

И добавила:

— За математику — тоже.

8.

Жители Кавказскаго побережья по праву гордятся природой своего края.

Что такое для них Крым? Дряхлый старик, со скалистым морщинистым тѣлом, заботливо прикрывающій лысину париком искусственных рощ и садов.

А кавказскій берег — буйная молодость. Толпятся у Чернаго моря юные великаны в зеленых бурках, в лѣсистых папахах; в тихіе благословенные дни радостно глядятся в синюю воду; в дни непогоды и бурь с юношеским задором встрѣчают натиск бунтующих волн. Сіянію солнца отвѣчают блеском свѣжей листвы; весело отряхиваются от гремящих гроз, от шумных ливней, сбрасывая пѣнные потоки в просторное море.

Здѣсь, не так давно — десятки лѣт прошли с того времени, — все вокруг было сурово и дико. Бродили звѣри, звенѣли губительные комары. Но пришли с сѣвера крѣпкіе люди; настойчивыми дятлами застучали в лѣсной

глубинѣ топоры, запылали вдоль моря ліаны и папоротники. И выглянули, вдруг, из чащи поселки и дачи, зацвѣли сады, засверкали золотом плодов мандариновыя рощи, разбросались шахматными досками плантацiи чая.

И, попыхивая дымком паровозов, засновали вдоль южнаго берега поѣзда желѣзной дороги, извиваясь среди евкалиптов, пальм и цвѣтов, то подходя к бетонному карнизу над морем, то скрываясь в холмах.

Недалеко от города, на одном из полустанков, гдѣ черный скалистый утес, увѣнчанный тропической зеленью, глубоко вдается в море, вышли Петр Николаевич с сыном, Дзидза и Вѣрочка. Пройдя по извилистой проѣзжей дорогѣ, они свернули с нея и стали подниматься к дачѣ по тропинкѣ, обсаженной кустами гортензiй.

На площадкѣ стоял большой одноэтажный дом. Достигнув его, Николай остановился и оглядѣлся. Все здѣсь было по-прежнему. Вокруг, по краю площадки, возвышались огромныя камелiи высотою до двух сажен, вперемежку с пальмами хамеропс. В просвѣтах между ними сверкала даль моря, обрызганная осколками отраженнаго солнца. По обѣим сторонам от дачи зеленѣли холмы, усѣя[illegible]е нарядными домиками; за ними — высокiя синiя горы; к югу, за бухтой, шла узкая полоска земли, по которой протянулся город с бѣлым маяком в самом концѣ.

Петр Николаевич обошел по площадкѣ ту сторону дома, которую занимали поселившiеся здѣсь Сурины, и проник через веранду в свободныя комнаты. Тут находилась полная обстановка, достаточная для того, чтобы в случаѣ необходимости переночевать. Попросивъ Дзидзу приготовить к полдню завтрак, Петр Николаевич хотѣл было сразу приняться за дѣло, осмотрѣть сад, переговорить с садовником и немедленно отправиться на плантацiю, — но вспомнил про Суриных.

— Погодите, господа, — поморщившись сказал он. — Нам нужно поздороваться со стариками, чтобы не обидѣлись.

Сурины пили у себя утреннiй кофе. Несмотря на теплую, почти весеннюю погоду, старуха Анна Петровна бы-

ла поверх зимняго платья укутана в шубу, повязав голову теплым шерстяным платком; муж ея на пиджачный костюм тоже надѣл халат.

Сурин, впустив гостей, растерянно засуетился. А жена, не двинувшись с мѣста, с холодным видом оглянула вошедших.

— Здравствуйте, Анна Петровна, — весело проговорил Петр Николаевич. — Наконец-то выбрался из города посмотрѣть дачу. Ну, как живете?

— Отвратительно, — протянув руку, отвѣчала старуха.

— А что? Нездоровы?

— Пока здорова, но буду нездорова. Замерзаю.

— А между тѣм, знаете, сколько градусов? Днем в тѣни двадцать, а ночью четырнадцать. И не по Цельсію, а по Реомюру.

— Я не знаю, сколько по Реомюру и сколько по Цельсію. Но по мнѣ, Аннѣ Петровнѣ Суриной, холод богомерзкій. Вы видите сами, как мы разряжены. Прекрасное одѣяніе за столом в приличном обществѣ.

— Да, к сожалѣнію, у нас на дачѣ печей нѣт. Это обидно.

— Не обидно, а просто чудовищно. Из окон дует, из пола дует. Приходится втыкать вату не только в уши, но в башмаки тоже. Нашли вы мѣстечко, куда посадить нас. И это еще называется — Кавказская Ривьера!

— Что дѣлать, Анна Петровна. Но ничего. Скоро, славу Богу, начнется весна.

— Чтобы началась весна, надо чтобы прошла зима. А это ты, Вѣра? Ну, что? Цвѣтешь? Цвѣти, цвѣти, пока не облетишь. А это кто?

Сурина взяла со стола лорнет, внимательно начала осматривать Николая.

— Это наш Коля, Анна Петровна.

— Коля? Так, так. Здравствуй, братец. Что же... Ты ничего. Пріятный молодой человѣк. Глаза хорошіе. Да и лицо благородное, тонкое. Вот, только — сутуловатый. Науки, навѣрно, на спину давят. А этот ваш садовник Ша-

кир — грубіян, — сурово, вдруг, обратилась Сурина к Петру Николаевичу. — Не желает ни дров наколоть, ни воды принести. Бѣдный Глѣб Алексѣевич принужден сам ходить с ведрами к ручью. Хорошее занятіе для губернскаго предводителя дворянства! Вообще, что за люди пошли! У нас любой интеллигентный чиновник за честь счел бы оказать услугу Глѣбу Алексѣевичу; а этому хаму, простому мужику, совершенно безразлично, что рядом с ним живет камергер. И как держится величественно, гордо, будто сам столбовой дворянин! Кстати, молодой человѣк, — Анна Петровна внезапно обернулась к Николаю, — пока ты здѣсь, нанеси-ка нам нѣсколько ведер, помоги своему дѣду.

— Ну, конечно. С удовольствіем... — Николай смущенно кивнул головой.

— Ну что ты, Аня, зачѣм безпокоить, — торопливо возразил Сурин. — Я примирился. Буду нести свой крест до конца.

— И совершенно глупо. Нечего старику нести крест, когда молодые замѣнить могут. Слѣдовало бы притом и дров наколоть. А какія дрова нам привезли! Мерзость. Хорошо, что муж у меня истинный христіанин, не ропщет. Говорит, что напоминает себѣ знаменитаго Меншикова в Березовѣ. Но у Меншикова, как никак, прислуга была. И печка. Кстати, Петр Николаевич, имѣйте в виду: если турки дѣйствительно начнуть подступать к Батуму, мы немедленно переселимся к вам в город, хотите вы этого или не хотите.

Сдѣлав визит Суриным, Петр Николаевич отыскал садовника, переговорил с ним и отправился со своими спутниками на плантацію. Пришлось сначала итти через весь дачный поселок и затѣм свернуть на заброшенную военную дорогу, по которой когда-то раньше, до постройки желѣзной дороги, происходило сообщеніе с Батумом.

Тут уже не было дач; прибрежные холмы переходили в лѣсистыя горы; кое-гдѣ попадались огороженныя плетнями аджарскія усадьбы с почернѣвшими от времени деревянными саклями. Здѣсь, недалеко от дороги, Петр Ни-

колаевич купил недавно участок земли; часть его расчистил, на южном склонѣ накопал ямы для посадки мандарин, на западном приготовил площадь для чайных кустов. Остальное же пространство оставалось пока в диком состояніи. У вершины холма находился сплошной лѣс рододендронов, кое-гдѣ возвышались огромные платаны и буки, обвитые ліанами; ниже — сплошным ярко-зеленым ковром простирался густой высокій папоротник.

— Вот, за этим расчищенным мѣстом, у стараго владѣльца был посажен чай, — сказал Петр Николаевич. — Тут около десятины, но сейчас почти все заросло. Если привести в порядок, может быть лѣтом получим небольшой урожай.

Поговорив на тему о чаѣ, Петр Николаевич вернулся с молодыми людьми на расчищенное мѣсто, наломал вѣтвей орѣшника для приготовленія колышков и начал производить предварительную разбивку плантаціи. Около двух часов они всѣ вмѣстѣ работали, протягивая шнур и намѣчая мѣста в шахматном порядкѣ. Наконец, устав от работы, Вѣрочка рѣшила отдохнуть, стала бродить по склону и взобралась на возвышеніе, гдѣ стоял старый платан и гдѣ вмѣсто папоротника росла простая трава. Здѣсь, найдя пень, она сѣла и достала из дорожной сумки морской бинокль, взятый на время у Петра Николаевича.

Вид отсюда был замѣчательный. Море, при взглядѣ на него сверху, точно расширилось, сливаясь с небом гдѣ-то в далеких предѣлах воздушной пустыни. Справа зубчатой стѣной шел по горизонту Кавказскій хребет. Слѣва и сзади вздымался массив аджарских отрогов, с густыми лѣсами, со скалами, с обнаженными каменистыми руслами горных потоков. А внизу, вокруг, среди вѣчно-зеленых тропических садов цвѣтными пятнами разбросались дачи, бесѣдки, террасы.

В ожиданіи, пока Твердовы окончат разбивку, Вѣрочка начала отыскивать в бинокль то мѣсто, гдѣ находилась их дача, но не нашла и стала переводить бинокль на другія виллы. Увидѣла одинокія фигуры обитателей, копавшихся в садах или просто прогуливавшихся. Кто-то на далекой

площадкѣ рубил дерево, и было смѣшно: звук доходил только тогда, когда топор уже отскакивал от дерева.

— Вот для Коли хорошій случай поговорить о скорости звука, — с иронической улыбкой подумала Вѣрочка.

Бинокль продолжал передвигаться от одной картины к другой. Наконец, дошел до ближайших аджарских усадеб и остоновился на одной любопытной сценѣ. Посреди лужайки, скрытой от проѣзжей дороги высокой изгородью из живого орѣшника, полукругом сидѣло вокруг простого некрашеннаго стола нѣсколько аджарцев. Перед ними на столѣ лежал большой исчерченный черными штрихами лист бумаги. Находившійся посреди сидѣвших старик водил пальцем по черточкам, что-то говорил, обращаясь к сосѣдям. Тѣ почтительно отвѣчали, наклоняя головы, иногда прикладывая ладони ко лбу. Затѣм старик взглянул на одного из стоявших неподалеку молодых людей, тот подбѣжал, вытянулся по-военному, круто повернулся, побѣжал к дому и вернулся с какой-то пачкой бумаг.

Совѣщаніе продолжалось довольно долго. Постепенно бесѣда оживлялась. Старик нѣсколько раз вставал, показывал рукой на горы, на море, чертил в воздухѣ линіи. Возможно, что между присутствовавшими происходил спор.

Долгое наблюденіе за этой картиной надоѣло, однако, Вѣрочкѣ. Она зѣвнула, передвинула бинокль и нашла в каком-то дворѣ женщину, стиравшую бѣлье; затѣм черномазных дѣтей, кидавших друг в друга палками. Тут же стоял на четырех высоких столбах кукурузник с приставленной к нему лѣстницей.

— Ну, что? Не скучаешь? — ласково спросил племянницу Петр Николаевич, окончив работу и взобравшись сюда вмѣстѣ с Николаем.

— Что вы, дядя, отсюда такой вид! А у вас, кстати, прекрасный бинокль.

— Да, недурной. Ну, господа, хотя мы и сильно опоздали к завтраку, все-таки дѣло надо окончить. Коля, я посижу, отдохну, а ты подожги ліаны.

— Отлично. Только покажи отсюда, у каких деревьев ты ліаны уже подрубил.

Зрѣлище это показалось Вѣрочкѣ очень интересным. Высохшіе тонкіе побѣги ліан, будто елочныя нити, загорались моментально, от легкаго прикосновенія огня. Золотистыя струйки быстро бѣжали от этих побѣгов в разныя стороны, охватывая по пути болѣе крупныя развѣтленія. Через нѣсколько мгновеній все дерево, окутанное сѣрой змѣистою сѣтью пылало с гудѣніем и с треском, разбрасывая вокруг мелкія искры, поднимая вверх волны прозрачнаго дыма. Через нѣсколько минут, стряхивая пепел, дерево расправляло свои вѣтви, выйдя на свободу из удушающих объятій земного спрута.

Было около двух часов, когда, усталые, голодные, Твердовы возвращались по военной дорогѣ домой. Бесѣда шла о программѣ работ на ближайшіе дни.

— Значит, завтра будем косить папоротник? — спросил отца Николай.

— Да. Придется взять с собою на подмогу Шакира.

— А мнѣ нельзя покосить? — нерѣшительно спросила Вѣра. — Вѣдь я достаточно сильная.

— Косить едва-ли, — с улыбкой отвѣтил Петр Николаевич. — Но, если хочешь, можешь помочь нам: сгребать скошенный папоротник граблями. Мы его потом будем жечь.

Не доходя до поворота в дачный поселок, Твердовы увидѣли шедшую им навстрѣчу группу аджарцев. Впереди двигался одѣтый в европейскій костюм старик, с которым почтительно разговаривали его спутники. Однако, завидѣв встрѣчных прохожих, они всѣ смолкли.

— Махмуд, здравствуй, — привѣтливо проговорил Николай, поровнявшись с ними.

— А! Здравствуй! — слегка смутившись, но изобразив на лицѣ радостную улыбку, отвѣтил один из встрѣчных, оказавшійся Бекировым. Он отошел от своих и весело поздоровался с Николаем.

— Ты что? Живешь здѣсь на дачѣ? — спросил он. — Погода, брат, такая, что зиму можно принять за лѣто.

— Нѣт, я пріѣхал дня на два, на три... А ты скоро возвращаешься в Тифлис?

— Опредѣленно не рѣшил. А к тебѣ перед отъѣздом обязательно загляну.

— Разумѣется. Буду ждать.

— Это кто такой? — спросил сына Петр Николаевич, когда прохожіе оказались уже далеко позади. — Твой товарищ?

— Да, из нашей гимназіи. Славный малый. Он — турок.

— А я его уже знаю, — загадочно улыбаясь, сказала Вѣрочка. — Только что видѣла.

— Что? Видѣла? — с удивленіем спросил Николай. — А гдѣ?

— Здѣсь, на плантаціи.

— То-есть, как на плантаціи?

Оба Тверцова с недоумѣніем посмотрѣли на нее.

— А вот, угадайте!

Вѣрочка разсмѣялась, видя, какой эффект произвели ея слова, и начала разсказывать о своих наблюденіях над аджарской усадьбой. Выслушав ее, Петр Николаевич нахмурился.

— Это что же? Турецкое шпіонское гнѣздо? — недовольно произнес он. — Чего еще не доставало: по сосѣдству с нами!

— Странно... — в свою очередь проговорил Николай. — А ты, Вѣра, дѣйствительно замѣтила, что они держались — как военные?

— По-моему...

— У них к старикам вообще очень почтительное отношеніе, — продолжал сомнѣваться Николай. — Кромѣ того, штатскіе и военные производят одинаковый жест, когда друг друга привѣтствуют: прикладывают руку сначала к груди, затѣм — ко лбу. Да потом: какой им смысл для военнаго совѣщанія собираться в этой дырѣ?

— Ну, положим... Иногда бывает удобнѣе. А этот чертеж — безусловно карта генеральнаго штаба. Ты бы, пожалуй, повидался с Коморским, поговорил с ним.

— Что ты, папа! — Николай испуганно посмотрѣл на отца. — Вѣдь, Махмуд мой товарищ. Не могу я без достаточнаго основанія сообщать об нем в контр-развѣдку. А, предположим, это было простым совѣщаніем родственников относительно раздѣла имѣнія или суда? Ты же сам мнѣ как-то говорил, что они вѣчно спорят из-за земельных границ.

— Это вѣрно, судиться они любят. — Петр Николаевич помолчал. — Ну, что-ж, может быть ты прав. В таком случаѣ плюнем на это дѣло.

Петр Николаевич перевел разговор на другую тему. Заговорил о том, что им хорошо было бы остаться здѣсь ночевать, чтобы завтра отправиться на плантацію пораньше, а Дзидзу послать в город с порученіем успокоить Елену Антоновну и завтра привезти сюда продукты для обѣда.

А Николай разсѣянно слушал отца, и из его головы не выходила встрѣча с Бекировым.

— Конечно, Махмуд должен сочувствовать туркам, — разсуждал он. — Не только мѣстные турки, но вообще всѣ мусульмане, включая азербейджанцев, и даже нѣкоторые грузины — сочувствуют им. Одни — чтобы отдѣлиться от Россіи, другіе — чтобы не подпасть под власть большевиков. Но сочувствовать — это одно; а быть активным агентом против страны, которая дала ему образованіе, сдѣлала его культурным человѣком, оказала столько добра — это уже нѣчто другое.

И Николай рѣшил про себя:

— Нѣт, Махмуд не предатель.

9.

Было около трех часов, когда Тверцовы вернулись на дачу. Дзидза встрѣтила их с легким ворчаніем, говоря, что нѣсколько раз разогрѣвала ѣду. С аппетитом пообѣдав, Петр Николаевич собрался итти к сосѣдям переговорить относительно кос, которыя тѣ хотѣли продать;

Николай же с Вѣрочкой думали спуститься до сумерок к берегу моря. Но не успѣли они встать из-за стола, как в дверь постучали, и к ним в гости явились Сурины.

— Надѣюсь, что мы не очень помѣшаем, — величаво сказала Анна Петровна, садясь в кресло. — Еще два, три мѣсяца подобнаго одиночнаго заключенія, и мы с мужем разучимся говорить по-человѣчески. Глѣб, садись.

— Да, живем мы, дѣйствительно, как отшельники, — обиженно улыбнувшись и осторожно присѣв на стул возлѣ жены, подтвердил Глѣб Алексѣевич.

— Очень пріятно, что зашли, — упавшим голосом произнес Петр Николаевич. — Может быть, выпьете кофе? Вѣра, будь добра, отнеси кофейник на кухню, попроси Дзидзу разогрѣть.

— Нѣт, дорогая моя, если так, то завари лучше чистаго кофе, — строго попросила Анна Петровна. — Терпѣть не могу той дряни, которую вы обычно кладете. Глѣб, придвинь стул к столу, тебѣ неудобно.

— Я придвинул, мамуленька.

— А главное здѣсь — никакого общества, — презрительно продолжала Сурина. — С одной стороны — совершенно пустая дача, даже сторожа нѣт; а с другой живут, но какіе-то полупочтенные господа, которые сами стирают бѣлье. В самом началѣ хотѣла я, по наивности, нанести визит этой семейкѣ, послала Шакира предупредить, что приду ровно в четыре часа, чтобы были готовы. А прихожу — и что же? Вылѣзает из дверей какая-то мадам с горячим утюгом в рукѣ, на головѣ дурацкая повязка, из утюга от углей — синій дым, и говорит: «это вы — наша сосѣдка? Очень пріятно, очень пріятно». Ей-то, мѣщанкѣ, конечно, пріятно, но мнѣ каково? Для того я посылала Шакира, чтобы меня встрѣчали с утюгами? Я говорю: «Простите, сударыня, мы ошиблись, не туда попали». И повела Глѣба Алексѣевича назад. С тѣх пор — никаких отношеній. А там, дальше, на слѣдующей дачѣ, не то армяне, не то грузины живут. Иду как-то из лавки, поднимаюсь по дорогѣ, а с этой самой дачи спускается черномазый тип. «Молодой человѣк, — говорю, — помогите-ка

понести эту сумку на гору, мнѣ тяжело». А он отвѣчает: «Простите, мадам, в другой раз с удовольствіем, а сейчас на поѣзд спѣшу». «Мой муж тайный совѣтник!» — объясняю я. «В самом дѣлѣ?» — спрашивает. «А почему тайный? Что-нибудь нехорошее дѣлает?» Какой наглец, представляете?

— Кстати, Анна Петровна, я не успѣл принести вам утром воды, мы спѣшили, — смущенно сказал Николай. — Но сейчас это сдѣлаю.

— Удивительно! Когда просишь кого-нибудь сдѣлать одолженіе, всегда этот человѣк куда-то спѣшит. Прямо — закон природы. Ну, хорошо, дорогой, принеси нѣсколько ведер и слей в бочку у кухни. А между прочим, Петр Николаевич, Шакир мнѣ говорил, что у нас в саду недавно ночью буйволы бродили. Это что же такое? Вѣдь они могут забраться и сюда, на площадку! Вы уж, пожалуйста, примите мѣры, раз нас сюда посадили. А, вдруг, дверь будет не заперта, и в комнату ворвется этакое животное? Не для того я кончала с шифром Смольный Институт, чтобы в концѣ жизни принимать у себя в столовой буйволов.

— Нѣт, нѣт, Анна Петровна, не безпокойтесь. От проѣзжей дороги сюда, до площадки, далеко.

— Кто его знает, что для буйвола далеко, а что близко. А что они вам весь сад разгромят, это я гарантирую. Поѣдят и розы, и гортензіи и камеліи.

— Ну, розы сейчас без листьев, а камелій они не ѣдят.

— До революціи, может быть, не ѣли, а теперь ничего неизвѣстно. Мы с мужем тоже никогда не ѣли этой подлой кавказской лобіи, а, вот, ѣдим. Я вообще боюсь, что вслѣд за буйволами сами курды тоже начнут грабить. Удивляюсь, как вы рѣшаетесь ходить на вашу плантацію в горы. Убьют разбойники вас, помяните мое слово.

— Не убьют, Бог милостив.

— Бог-то милостив, но несмотря на это разбойники, все-таки, существуют. Во всяком случаѣ, на вашем мѣстѣ я бы завѣщаніе составила, прежде чѣм разводить чай. Эти

кавказцы убивают не так просто, как дѣлают культурные люди: нарочно обезображивают труп, чтобы никто не узнал. Недурно будет Еленѣ Антоновнѣ, когда вас в таком видѣ доставят на дом в Батум.

Вѣрочка принесла кофе. Пока разговор за столом продолжался, Николай вышел из комнаты и, согласно обѣщанію, начал носить воду для Суриных, несмотря на протесты и негодованіе Дзидзы. Он носил долго, чуть не около часа, думая, что старуха за это время уйдет; но, вернувшись в столовую, со страхом увидѣл и Анну Петровну и Глѣба Алексѣевича на прежних мѣстах. Против них за столом сидѣл Петр Николаевич, уныло опустив голову; рядом с ним Вѣрочка испуганно смотрѣла на Сурина, иногда на время закрывая глаза, иногда, вдруг, широко раскрывая. А сам Сурин, нацѣпив на нос золотое пенснэ, склонившись над объемистой рукописью, вдохновенно читал:

«...Этот предварительный очерк исторіи рода Суриных слишком краток, чтобы дать полную картину дѣятельности моих предков со времен царя Ивана Васильевича Грознаго. Чтобы изложить эту картину подробно, понадобилось бы нѣсколько объемистых томов, за написаніе коих, быть может, когда-нибудь возьмется своего рода Пимен. Теперь же перейдем к отвѣтственному моменту моего рожденія у моих незабвенных родителей, у которых я был третьим сыном, если не считать двух промежуточных: одного мертворожденнаго и другого, прожившаго всего пять дней и неуспѣвшаго ничѣм особенно проявить себя. Из трех выживших братьев старшій был наречен Владиміром и от маленькаго ребенка дослужился до должности директора департамента общих дѣл. Другой же мой брат — Василій появился на свѣт на семь лѣт позже меня, когда я был уже вполнѣ сознательным и способным ребенком, чутко реагировавшим на впечатлѣнія окружающей жизни. Я хорошо помню день его крестин. С любопытством смотрѣл я на своего крещаемаго брата, и мнѣ тогда и в голову не приходило, что из этого безпомощнаго комочка мяса впослѣдствіи получится командующій вой-

сками военнаго округа, генерал от кавалеріи, генерал-адъютант.

Но подробности о моих братьях — послѣ. Приступлю теперь к своему отвѣтственному появленію на свѣт. В этот день, как мнѣ говорили, стояла прекрасная солнечная погода. На небѣ не было ни одного облачка. Легкій вѣтерок мягко струился от опушки нашего лѣса, охватывающаго около пятисот десятин, проносился над березовой рощей и уносился далеко к горизонту, к деревнѣ Маланьевкѣ, принадлежавшей графу Дубендорфу, кстати сказать, страшному скрягѣ. В природѣ в этот день, как будто ничто не предвѣщало ничего особеннаго...

— Глѣб Алексѣевич, — взглянув на часы и встав со стула, тревожно произнес Петр Николаевич. — Вы простите, но мнѣ обязательно нужно зайти к сосѣду. Переговорить относительно кос.

Он попытался сдѣлать движеніе к дверям. Вслѣд за ним, стараясь незамѣтно улизнуть, слегка согнувшись приподнялся и Николай. Но Анна Петровна торжественно подняла руку и негодующим взглядом окинула дерзких слушателей.

— Прошу не перебивать оратора! Косы не убѣгут, а тут человѣк рождается. Глѣб, продолжай!

Глѣб Алексѣевич, дѣйствительно, продолжал. Он подробно указал, в какой комнатѣ лежала его мать, какая в комнатѣ была обстановка, как за недѣлю до того в имѣніе пріѣхала из города повивальная бабка, как утром прибыл доктор, как в момент рожденія сына отец его бѣгал по аллеѣ около дома, вцѣпившись рукой в ухо двороваго мальчишки Сеньки и волоча его за собой, чтобы как-нибудь успокоить свои нервы.

Видя, что открыто уйти от чтенія невозможно, Петр Николаевич дѣлал вид, что внимательно слушает, но в то же время постепенно отодвигал свой стул к дверям; достигнув, наконец, дверной ручки, он улучил момент, когда Анна Петровна повернула лицо к мужу, и выскочил. Вслѣд за ним на корточках проскользнул и Николай.

В столовой с Суриными осталась одна Вѣрочка. За-

мѣтив исчезновеніе Тверцовых, она сначала обидѣлась на это предательство, но потом примирилась, рѣшив принести себя в жертву. Хмуро, чуть-ли не с ненавистью, смотрѣла она на Глѣба Алексѣевича, у котораго от волненія под пенснэ на глазах выступили слезы, морщины лица сложились в явное выраженіе восторга, голос дрожал, а сѣдые усы шевелились, как двѣ мыши, пытавшіяся завладѣть его мясистым носом с синими жилками.

« — Мальчик! — воскликнул доктор, торжественно открыв дверь из спальни генеральши. — Мальчик? — всплеснув руками, радостно вскричала Парашка, бросившись бѣжать к дворецкому. «— Ваше превосходительство. мальчик!» — низко склонив голову, провозгласил дворецкій, подходя в саду к Алексѣю Алексѣевичу. — Мальчик? — счастливым голосом воскликнул Алексѣй Алексѣевич, выпуская из руки ухо Сеньки. — Мальчик! Мальчик! — разнеслось гулом среди ликующей дворни»...

— Мальчик? — громко произнесла, вдруг, в свою очередь Вѣрочка, со страхом чувствуя, что не может удержаться от внезапно охватившаго ее смѣха. — Мальчик! — продолжала она, начав дрожать. — Мальчик! — воскликнула она, закрыв лицо руками и уронив голову на стол. — Мальчик!

Она хохотала беззвучно, безостановочно, конвульсивно дергая плечами. Сурин прекратил чтеніе и с изумленіем смотрѣл на лежавшую на столѣ голову с разметавшимися черными волосами.

— Да, мальчик, — увѣренно подтвердил он, сняв пенснэ и протирая его для дальнѣйшаго чтенія. — А в чем дѣло? Неясно?

— Ясно!... — глухо отвѣтила с поверхности скатерти Вѣрочка.

Она застонала, издала еще нѣсколько не то плачущих, не то радостных звуков, всхлипнула... И затихла. Припадок смѣха прошел. Но как теперь поднять голову? И что сказать?

Тут на помощь неожиданно пришла сама Анна Петровна.

— Бѣдное дитя! — со снисходительной нѣжностью, вдруг, сказала она. — Не выдержала величія картины. Ну, иди к себѣ, голубушка, полежи, пока успокоятся нервы. Это бывает с особо впечатлительными натурами. У нас уже был один такой случай. А когда успокоишься, возвращайся. Глѣб Алексѣевич тебя подождет.

— Да, мнѣ стало нехорошо... — томно отвѣтила Вѣрочка, разслабленным движеніем поднимаясь со стула. — Дѣйствительно, надо полежать. Извините меня.

— Какія слабыя дѣти пошли теперь! — со вздохом замѣтила мужу Анна Петровна, когда Вѣрочка вышла. — Всѣ почти неврастеники. А ты бы, Глѣб, пожалуй, смягчил эту сцену. Выходит, в самом дѣлѣ, черезчур сильно.

Около семи часов вечера, подготовив все к ужину, Дзидза собралась ѣхать в город, обѣщав привезти на слѣдующій день утром всю необходимую провизію. Так как было темно, Николай взялся проводить ее до станціи. Петр Николаевич еще не вернулся от сосѣдей, и Вѣрочкѣ предстояло остаться в домѣ одной вмѣстѣ с Суриными.

— Может быть ты хочешь итти вмѣстѣ с нами? — спросил ее Николай.

— Да, пожалуй... А то я боюсь их.

Проводив Дзидзу, они вернулись назад, но не вошли в дом, чтобы не обнаружить своего присутствія, а осторожно расположились на скамейкѣ у края площадки.

Наконец, в аллеѣ послышались шаги, и показался Петр Николаевич. Но шел он не один, а с каким-то мужчиной.

— Странно, в наших комнатах темно, — сказал он, взойдя на площадку. — Ничего, они гдѣ-нибудь поблизости. Идемте.

— Папа, мы здѣсь, — подойдя к отцу сказал Николай. — Ждали тебя.

Он посмотрѣл на спутника отца и обрадовался.

— Арсеній, ты?

Это был поручик Лосев, бывшій тифлисскій кадет, родители котораго тоже жили в Батумѣ и который сейчас служил в штабѣ Крѣпости в оперативном отдѣленіи.

— Здравствуй, Коля, — весело проговорил гость. — Как живешь? Вот, я помог Петру Николаевичу принести косы.

— Давай их мнѣ. Спасибо, дорогой. Идем к нам, закуси, выпей чаю. Вѣра, — обратился Николай к подошедшей кузинѣ, — вот, позволь тебя познакомить с моим другом, Арсеніем Васильевичем Лосевым.

Передав вещи, Лосев хотѣл, было, уйти, но Твердовы уговорили его остаться на нѣкоторое время. Вѣрочка отправилась на кухню разогрѣват скромный ужин и кипятить воду для чая; Николай зажег в столовой керосиновую лампу. И за столом началась оживленная бесѣда.

Сначала Лосев подробно разспрашивал Николая о Петроградѣ. А затѣм стал в свою очередь задавать вопросы Николай.

— Ты что же — живешь здѣсь и ѣздишь в город на службу?

— Нѣт, мы живем в городѣ. А я время от времени пріѣзжаю сюда к родственникам и остаюсь ночевать.

— А работы в штабѣ много?

Лосев пренебрежительно махнул рукой.

— Мы сами не знаем, много или мало. С одной стороны на случай продвиженія турок, нужно выработать план обороны, но с другой — неизвѣстно, на какія войска опираться. На фортах осталось еще по горсточкѣ старых солдат, но и тѣ ненадежны, в любой момент могут уйти. Комендант запрашивал Тифлис, не может-ли тот прислать подкрѣпленія, но комиссаріат отвѣтил, что до открытія Закавказскаго Сейма это несвоевременно. Может быть с Турціей будет заключен сепаратный мир, и тогда мобилизація не нужна вовсе.

Пришла Вѣра, принесла блюдо фасоли-лобіи и чайник с кипятком.

— Спасибо, я уже ужинал, — учтиво отвѣтил Лосев на предложеніе поѣсть. — А чаю выпью с удовольствіем.

— Я тоже сыт, — сказал в свою очередь Петр Николаевич. — Вы ужинайте с Колей, а нам завари чаю.

Лосев продолжал говорить на тему о защитѣ Батума.

Вѣрочка налила гостю чаю и внимательно слушала, что он говорил. А говорил он горячо, убѣдительно, особенно когда перешел на общую тему о развалѣ Россіи, о солдатских комитетах, о том, что ему самому пришлось пережить на фронтѣ.

— Интересный человѣк, — глядя на него, думала Вѣра. — Хорошо рассказывает. Большой патріот. Навѣрно, очень храбрый. И наружность недурная. Стройный, правильныя черты лица, вьющіеся свѣтлые волосы. Больше похож на поэта, чѣм на военного. Но в то же время в глазах масса энергіи.

Она замѣтила на себѣ его пристальный взгляд и смущенно опустила глаза.

Николай с благожелательным любопытством слушал Лосева. Хотя тот был на нѣсколько лѣт старше его, однако, они были пріятелями. Но, конечно, эти отношенія нельзя было сравнить с той настоящей дружбой, которая связывала Тверцова с Хачатуровым и Шалвой.

— Ну, а как твоя скрипка? — спросил Николай, когда Лосев смолк и взялся за чай. — Продолжаешь играть?

— Пока был в артиллерійском училищѣ и на фронтѣ, забросил, конечно. Ну, а в послѣднее время, здѣсь, в Батумѣ, возобновил. Возвращаюсь со службы домой и отвожу душу. Вот, только, аккомпаніатора нѣт.

— А ты бы приходил к нам. Кузина играет на роялѣ. Ты как, Вѣра? Не могла бы аккомпанировать?

Николай сказал и почувствовал, что сдѣлал это против собственнаго желанія. От него не ускользнуло, что Арсеній уже нѣсколько раз как-то особенно внимательно вглядывался в Вѣрочку.

— Нѣт, я плохо играю.

— Не скромничай, пожалуйста, ты играешь очень недурно. И довольно сложныя вещи.

— А напримѣр, что? — заинтересовался Лосев, с любезной улыбкой обращаясь к Вѣрочкѣ. — Шопена играете?

— Ну, разумѣется.

— Только вальсы, или баллады, полонезы?

— Все.

— Отлично... И сонаты Бетховена?

— Конечно.

— А рапсодіи Листа?

— И рапсодіи.

— В таком случаѣ великолѣпно! Вѣдь вы знаете, обычно наши барышни играют только «Молитву дѣвы» или «На Альпах» и уже считают себя піанистками. Подобно тому, как скрипачи, умѣющіе сыграть «Серенаду» Брага. А мы с вами, значит, могли бы исполнять и бетховенскія сонаты, и концерт Мендельсона, и Веньявскаго, и Саразате. Впрочем, извините... Может быть для этого у вас нѣт настроенія...

— Отчего. Как-нибудь можно попробовать.

— Только ты имѣй в виду, что Арсеній играет, как настоящій серьезный скрипач, — вмѣшался в разговор Николай. — В наше время среди всѣх тифлисских кадет и гимназистов он считался знаменитостью в области музыки. Был не только скрипачем, но и композитором, шикарно изучил теорію музыки. Когда был в седьмом классѣ, их оркестр даже исполнял одно из его произведеній... Как оно называлось? «Воспоминанія о Грузіи»?

— Ну, что ты так меня расхваливаешь? — смущенно пробормотал Лосев. — Неловко даже.

— Отчего неловко. Я хорошо помню, как всѣ хвалили твою вещь. Даже знатоки.

— Очень интересно, — с уваженіем взглянув на Арсенія, произнесла Вѣра.

— А у вас это произведеніе арранжировано, кромѣ оркестра, и для скрипки с роялем?

— К сожалѣнію, нѣт. Но это легко сдѣлать. Впрочем, сейчас я начал писать другую, уже большую вещь. Время для такой работы не особенно подходящее, но урывками, все-таки, пробую.

— А как будет называться? — съ любопытством спросил Николай.

— Названіе довольно дерзкое. Вперед не стоит говорить.

— Но, все-таки?

— Думаю назвать: «Кавказская Рапсодія». У нас, вѣдь, на кавказскія темы, кромѣ Ипполитова — Иванова никто не писал, если не считать пустяковаго «Баяти» Корганова. А у меня возникла мысль изобразить Закавказье в болѣе широком охватѣ. Дать не только мѣстные напѣвы и танцы, но все: красоту нашей природы, горы, долины, измѣнчивость моря, лѣтній зной, грозы, бури...

Арсеній, вдруг, смолк, почувствовав, что впал в патетическій тон.

— Но это все — мечты. Может быть ничего и не выйдет, — с виноватой улыбкой заключил он.

Между ним и Вѣрочкой завязался длительный разговор о музыкѣ. Воспользовавшись этим, Петр Николаевич отправился на короткое время к Суриным, боясь, что тѣ обижены его невнимательным отношеніем к мемуарам Глѣба Алексѣевича; а Николай, довольно равнодушно относившійся к музыкѣ и ни на каком инструментѣ не игравшій, покорно сидѣл на стулѣ, опустив голову, стараясь не мѣшать бесѣдѣ.

Странное двойственное чувство замѣчал он в себѣ: с одной стороны, как будто охватывала обида, почти что ревность; с другой — непонятное облегченіе, чуть-ли не радость. Только сейчас он догадался, что был уже неравнодушен к кузинѣ; но это ощущеніе пугало. И мысль о том, что Вѣрочка может увлечься Арсеніем, как будто его успокаивала.

Было около десяти часов вечера, когда засидѣвшійся гость собрался, наконец, уходить. Николай и Вѣрочка отправились его провожать. Возвращаясь домой. Николай почти всю дорогу молчал.

— А он очень интересный, — сказала Вѣра. — Я в первый раз в жизни вижу композитора.

— Да. Он славный парень. Я его люблю.

Вѣрочка ушла в свою комнатку возлѣ кухни, а Николай отправился в спальню Петра Николаевича, осторожно раздѣлся, чтобы не разбудить уже спавшаго отца, и лег на тахту. Он долго не мог уснуть, ворочаясь на жестком тюфякѣ, тоскливо думал об Университетѣ, о будущем, о

предстоящих работах на плантаціи, о книгах привезенных с собой для занятій. И мысли время от времени возвращались к Вѣрочкѣ.

— Да, так будет лучше, — рѣшил, наконец, он. — Пусть влюбится, а я отойду в сторону. «Интересный»... Бог с нею!

Николай вздохнул. И, вдруг, испуганно приподнялся на постели, почувствовав, что по его щекѣ что-то ползет.

— А! Это слеза! — успокоительно подумал он. И опустил голову на подушку.

10.

Около двух недѣль, пользуясь хорошей погодой, Твердовы регулярно работали на плантаціи. Ночевать на дачѣ оставались рѣдко, чтобы не проводить вечеров вмѣстѣ с Суриными; иногда даже прямо со станціи отправлялись к себѣ на работу. Вначалѣ пріѣзжала с ними и Дзидза, но вскорѣ перестала; Вѣрочка отлично справлялась с приготовленіем ѣды сама: разводила костер, варила суп и была в восторгѣ от своего дѣла.

Да и дѣйствительно, работы было не много при однообразіи и скромности завтрака. Спѣшить не приходилось, можно было отходить от костра, садиться на ближайшіе обломки скал и подолгу любоваться горами, лѣсом и морем.

И это все вовсе не так однообразно, как казалось вначалѣ. Горы мѣняются в своей красотѣ каждый день: когда солнце грѣет настойчиво, и теплый влажный воздух замирает в истомѣ, онѣ оживают, колеблются, вот-вот сдвинутся с мѣста... Но когда на солнце наползут тучи, переодѣваются горы; из зеленых становятся синими; и обнаженныя скалы из сверкающих дѣлаются хмурыми; и разсѣлины покрываются мраком.

А море — чудесное море — как разнообразны картины! И сколько оттѣнков и красок! И темно-синее, и свѣтло-голубое, и фіолетовое, и гладкое, и в полосах, и в сверкающих прихотливых разводах...

В общем Вѣрочка была очень довольна. Настроенiе у нея стало в послѣднее время значительно лучше; она часто шутила, безпричинно смѣялась, и ее только огорчало, что у Николая нѣт такой же жизнерадостности, как у нея. Лосев уже заходил к ним в городѣ нѣсколько раз по вечерам, когда они возвращались с дачи; а в послѣднiй раз принес даже скрипку и сыграл под аккомпанемент Вѣрочки второй ноктюрн Шопена, мазурку Венявскаго и «Медитасьон» из «Таис», оставив тетрадь с рояльной партiей бетховенских сонат.

Но, вот, прошло еще нѣсколько дней — и работы на плантацiи пришлось прекратить: начались тѣ непрерывные проливные дожди, которыми отличается батумское побережье. Тучи безконечными толпами шли с юга-запада. Приблизился горизонт, окутанный туманной завѣсой; море стало свинцовым; под рѣзкими порывами вѣтра срывались заостренные гребни, вспыхивая яркою пѣной; прибой с каждым днем усиливался, далеко возвѣщая о себѣ рокочущим гулом. Волны выростали мутно-зелеными стѣнами, замирали на мѣстѣ, свивались в тѣла гигантских кольчатых змѣй и обрушивались на стонущiй гравiй.

Николай проводил эти унылые дни у себя в комнатѣ и читал в русском переводѣ «Систему Мiра» Лапласа, купленную по дешевой цѣнѣ в Петроградѣ у букиниста на Литейном проспектѣ. Но чтенiе шло вяло. Он часто отрывался от книги и подолгу смотрѣл в окно на виднѣвшееся сквозь деревья море, на бѣлыя пятна барашков, на бушевавшiя волны, достигавшiя первой аллеи бульвара. Настроенiе было скверное. Ничего опредѣленнаго впереди. Когда все окончится? В Тифлисѣ уже открылся Закавказскiй Сейм. Засѣданiя, судя по отчетам газет, безтолковы, без опредѣленной программы. Провозглашена независимость Закавказья от Россiи. Начаты переговоры с турецким главнокомандующим относительно сепаратнаго мира. Но, по мѣрѣ переговоров, уже выясняется, что турки ведут нечестную игру, не отказываются от своих намѣренiй захватить Батумскую область.

А тут еще — дома невесело. Петр Николаевич хандрит,

не зная, продолжать ли ему работу при наступленіи хорошей погоды, или выждать выясненія политическаго положенія. Дядя Сережа продолжает за столом свои безконечныя разсужденія о предназначеніи русскаго народа, отчего у Елены Антоновны каждый раз болит голова; а Лосев и Вѣрочка все чаще и чаще устраивают в гостиной музыкальные вечера, при чем иногда играют довольно скучныя вещи, интересныя только им самим. В эти вечера Лосев стал посвящать свою партнершу в детали задуманной им «Кавказской Рапсодіи».

Произведеніе это только из скромности было названо рапсодіей. На самом дѣлѣ автор предполагал создать цѣлую симфонію из трех частей: аллегро, анданте и престо. Аллегро изображало партріархальную мирную жизнь среди шелеста садов и лѣсов, на горных высотах, на просторах долин, при звонѣ цикад, под журчанье ручьев. В анданте шло торжественное молитвенное обращеніе к Богу, мудрое раздумье о минувших вѣках, порыв к несбыточному вѣчному счастью. А в заключительном престо — лезгинка, переходящая в вакхическій танец. неожиданно налетѣвшая буря, с громом и молніей; и постепенное умиротвореніе природы и человѣка: снова ясное небо, трепетаніе листвы, шелест волн, и с недосягаемых высот — божественное сіяніе вѣчных снѣгов.

План был широкій, грандіозный. Арсеній никому не говорил о своих тайных надеждах, но в душѣ твердо вѣрил, что в своем произведеніи далеко превзойдет и Пасторальную симфонію Бетховена, и шопот лѣса у Вагнера, и, конечно, всѣ рапсодіи Листа. Нужны для этого только — достаточное время и полный покой. А пока написано нѣсколько отрывков для клавира и один, изображающій вакхическую лезгинку, расписан для оркестра, с введеніем новых инструментов: барабана для зурны — доли, дудук, саламури.

Однажды вечером Лосев принес нѣсколько страниц из анданте, написанных наканунѣ. Вѣра проиграла их и восторженно заявила, что тема анданте великолѣпна.

— Да, я вчера, дѣйствительно, чувствовал особенное вдохновеніе, — многозначительным тоном сказал он.

— А почему? — Вѣрочка поблѣднѣла.

— Угадайте сами.

Блѣдность на ея лицѣ смѣнилась яркой краской.

А приблизительно в это время, с удовлетвореніем прислушиваясь к доносящимся из гостиной звукам рояля, Дзидза бесѣдовала в столовой с Еленой Антоновной:

— Барыня, а я думаю, этот Арсеній скоро женится на Вѣрочкѣ.

— Не знаю. Может быть.

— Не может быть, а вѣрно. Потому что — зачѣм они так много мучаются с музыкой? Я, знаешь, очень рада.

— Отчего рада? За нее?

— Нѣт, за нашего Колю.

— За Колю?

— Она, слава Богу, оставит его в покоѣ. А то — развѣ хорошо, чтобы родственники любили друг дружку?

Замѣчая, что ея питомец в послѣднее время тоскует, и приписывая это ревности к Лосеву, Дзидза нерѣдко заходила по вечерам к Николаю и старалась развлечь его разговором.

— Тебѣ скучно? — участливо спрашивала она, присаживаясь к нему и гладя по плечу.

— Нѣт, дорогая. Я, вот, занимаюсь, читаю.

— Я вижу. Только, зачѣм молодому все время читать? Ты лучше в гости ходи. Бери зонтик, галоши надѣнь и ступай. Вот, у директора очень хорошія дочки.

И как-то раз, когда Вѣра и Лосев играли в гостиной сонаты Бетховена, Дзидза пригласила Николая к себѣ, в свою комнату.

— Ты, как пріѣхал, до сих пор у меня не был, — с нѣкоторым упреком в голосѣ сказала она, раскрывая одну из стоявших у кровати корзин.

— Да, как-то не пришлось, прости меня. А ты устроилась довольно уютно. Занавѣски, ковры, портреты на стѣнах. Это — твой муж Георгій. Хорошо вышел. А это? Да,

да... Покойная Нина, моя молочная сестра. А это кто? Черкес в папахѣ, с кинжалом?

— Гдѣ черкес?

— А вот.

Николай кивком головы указал на писаный масляными красками большой портрет какого-то браваго горца в бѣлой буркѣ, с горящими черными глазами, с румяными щеками и с густыми усами, вытянувшимися далеко в обѣ стороны.

— Это? — радостно улыбаясь, отвѣтила Дзидза. — Это — ты!

— Я?

Николай испуганно отступил от портрета и удивленным взглядом уставился на кормилицу.

— Да, ты. А вот, смотри, что здѣсь...

Она вытащила из корзины затянутую пузырем большую глиняную банку, развязала веревку и столовой ложкой наложила на тарелку полузасахаренный желтоватый сироп, в котором лежало нѣсколько крупных черных орѣхов.

— Орѣховое варенье? — обрадовался Николай. — Это здорово!

— Твое любимое, — подтвердила Дзидза. — Сейчас не хочу всѣм давать, а ты приходи, когда хочешь, и кушай. Возьми ложку, здѣсь есть маленькая.

— Мнѣ неловко, что я один... Но ничего. Мы с тобой немного поѣдим, а остальное отложим. Скоро сахара совсѣм в городѣ не будет. Шикарное какое! А ты сама почему не ѣшь?

— Ничего, ничего, мнѣ не надо. А ты говоришь — совсѣм не похоже? — обернувшись и взглянув на портрет, перевела она разговор. — Может это правда. Не очень похоже. Только, знаешь, как было? В прошлом году ѣхала я в Кутаис и попросила барыню дать мнѣ какой-нибудь твой портрет, фотографію. У нея — много, а она все жалѣет. Достала мнѣ один старый, когда тебѣ было пять лѣт. Ты там в бѣлой шубѣ одѣт, в бѣлой шапкѣ. Тетя Маша тогда в Делижанѣ вас снимала, когда вы ѣздили в гости.

— Вот, — говорит барыня, — у меня двѣ такія; если хочешь, одну себѣ бери. Конечно, я взяла; только сам понимаешь, — развѣ мнѣ довольно имѣть маленькаго, когда ты теперь совсѣм большой? А у нас в Кутаисѣ, около аптеки Витушинскаго, есть такой художник. Он очень хорошій: на лавках картины рисует — колбасу, булки, башмаки. Всѣ его знают. Я ему говорю: «Варден, вот, у меня есть портрет моего гадылы. Когда ему было пять лѣт. Сейчас он студент — двадцать два года. Ты возьми эту фотографію, хорошенько посмотри, какой он, и сдѣлай большого. Он теперь совсѣм другой, но ты художник, сам понимаешь, как рисовать надо. Усы хорошіе сдѣлай, большіе; брови тоже красивыя; глаза сдѣлай лучше, чѣм у Кавтарадзе — это у нас такой красивый молодой человѣк есть; грудь такая — широкая, живот — полный...

— Позволь, Дэдзэ, — жуя орѣх, запротестовал Николай. — Какіе же у меня большіе усы? И гдѣ живот?

— Все равно, так красивѣе. И потом, понимаешь, я хотѣла получить портрет на запас. Когда тебѣ будет уже тридцать лѣт, или сорок. Варден посмотрѣл на карточку, посмотрѣл и говорит: «это, мадам, заказ очень трудный. Надо долго думать, когда его дѣлаешь. С усами и с толстым животом меньше чѣм десять рублей взять невозможно». Я много сердилась, ругала его, а он говорит: «это, мадам, не колбаса и не ветчина, а мальчик, котораго надо большим сдѣлать. За такую работу хорошій художник в Петербургѣ и в Москвѣ сто рублей берет, не меньше. Ну, вот, торговался он, паршивый, торговался, согласился за семь рублей и взял твою карточку. И ты знаешь, что? Варден хорошо мог сдѣлать, ей Богу. Он очень способный. Какой лимонад нарисовал на будкѣ у Аланіи! Только, понимаешь, что случилось? Он, свинья, напился пьяный, потерял карточку и нарисовал тебя прямо на память!

Посидѣв еще немного у Дэдзы, Николай отправился в столовую. Там всѣ уже собрались к чаю, при чем в качествѣ гостя, помимо Лосева, за столом сидѣл Мамулян.

— Здравствуйте, Аршак Георгіевич. — Николай дружески поздоровался с ним. — Как дѣла?

— А вот, уѣзжаю, — стараясь казаться веселым, отвѣчал тот. — Буду воевать с турками.

— В самом дѣлѣ? А куда ѣдете?

Николай придвинул стул, сѣл рядом.

— Я уже разсказывал. Наши армяне собирают войска около Кемерлы. Завтра отправляюсь в Тифлис, а оттуда — в Карс.

— Значит, турки начали наступленіе на Карс и Ардаган?

— Да. От Эрзерума идут к Кагызману. Наши добровольцы уже сражаются. Я сначала хотѣл ѣхать отсюда на лошади через Артвин на Хева. Но одному теперь там пробираться опасно. Кромѣ того, в Тифлисѣ уже все организовано, оружіе выдают, участвуют опытные офицеры.

— Так, так, это рѣшеніе дѣлает вам честь, Аршак Георгіевич. — Николай дружески и в то же время с уваженіем посмотрѣл на Мамуляна. — Только я не знал, что армяне рѣшили воевать с турками. Газеты сообщали, что представитель вашей главной партіи Дашнакцутюн в Сеймѣ предлагает, наоборот, войти в соглашеніе с Турціей и обѣщает туркам полную лойяльность, если они дадут армянам автономію в предѣлах Оттоманской Имперіи.

— Читайте вы больше, что говорят в Сеймѣ! — презрительно сказал Мамулян. — Дашнаки — измѣнники и дураки. Много мы получим от турок! Опять всѣх вырѣжут. Депутаты сидят в Тифлисѣ, болтают, а наш простой народ без всяких разсужденій начал сам воевать. Всѣ армяне, кромѣ дашнаков, понимают, что без Россіи Арменія существовать не будет.

— Браво, браво! — воскликнула Вѣрочка, захлопав в ладоши и бросив на Мамуляна радостный взгляд. — Вы настоящій патріот, Аршак Георгіевич! Вот, Бог даст, побѣдите турок... Останетесь в живых... Все будет хорошо...

Она покраснѣла, почувствовав нѣкоторую наивность своих слов. Мамулян грустно улыбнулся.

— Не знаю, побѣдим, или нѣт, — отвѣтил он. — Но

будем бороться. А останусь я жив или нѣт, — кому это важно!

Посидѣв еще нѣкоторое время за столом, Мамулян обратился к Петру Николаевичу с просьбой — переговорить наединѣ об одном дѣлѣ, и ушел с ним в кабинет. Через десять минут Петр Николаевич вызвал к себѣ сына.

— У меня вот какое дѣло, — сказал Мамулян, когда Николай сѣл у стола. — Вы знаете, господа, что я человѣк одинокій. У меня здѣсь родных нѣт, близких людей тоже. Родители давно умерли, сестра утонула, братьев не было. И я хочу попросить вас — взять на храненіе самыя дорогія мои вещи. Конечно, если их у вас кто-нибудь украдет, ничего не подѣлаешь. Сейчас время такое. А если все будет благополучно, и если я останусь живым и пріѣду обратно, вы мнѣ их отдадите. Ну, а если меня убьют, тогда вы все возьмете себѣ.

— Что вы, Аршак Георгіевич! — испуганно возразил Петр Николаевич. — Я, разумѣется, охотно возьму на храненіе. Надѣюсь, также, что с вами ничего не случится. Но на случай несчастья нам все-таки нужно знать адреса ваших родственников.

— Так я же вам говорю, что родственников у меня нѣт! Есть только в Ардаnучѣ двоюродный брат, но я его не признаю, он стал настоящим разбойником. Значит — можно? Разрѣшите, я принесу из передней...

Мамулян вернулся в кабинет с большим чемоданом, сѣл за стол и продолжал:

— Деньги я не оставляю. Их можно с собой взять. А остальное... Акціи, купчія, контракты — это здѣсь. И есть еще кое-что.

Он стал вынимать документы.

— Погодите, мы составим опись, — сказал Петр Николаевич. — А затѣм оба подпишем.

— Не надо, не надо, дорогой мой, — обидчиво возразил Мамулян. — Я вам вѣрю, как самому себѣ.

— Все равно. Это необходимо.

Петр Николаевич перебрал документы, стал составлять список. А тѣм временем Аршак Георгіевич выкла-

дывал на стол и на диван различные цѣнные предметы. Были здѣсь самородки серебра в видѣ отдѣльных массивных кусков с узорчатыми вздутіями у поверхности; пирамидальные кристаллы аметиста, как бы вросшіе в желтовато-сѣрую основу кварца; безформенные обломки агата с оранжевыми и зеленоватыми прослойками. Находились тут и старинныя золотыя и серебрянныя монеты древних времен, когда Батум был римской гаванью Батис, и времен генуэзской республики, когда с середины двѣнадцатаго вѣка генуэзскія колоніи начали основываться на восточном берегу Чернаго Моря. Доставая Мамулян и всевозможныя серебрянныя и золотыя вещи мѣстнаго производства — ажурные браслеты, брошки, табакерки.

Когда же, по настоянію Петра Николаевича, все было внесено в список, Мамулян раскрыл отдѣльный сверток и выложил на стол его содержимое.

— А это я хочу подарить на память вашей семьѣ, — смущенно заявил он. — Все равно, останусь жив, или нѣт. Вот тут — ящик из малахита с золотыми украшеніями. Это для многоуважаемой Елены Антоновны. Она может класть сюда всякое рукодѣліе. Это пресс-папье из самородка серебра — вам. Оно на столѣ очень красиво. Этот серебрянный письменный прибор кавказской работы — Николаю Петровичу. Эти шесть позолоченных серебрянных рюмок — вашему почтенному брату и его супругѣ. А это... — Мамулян слегка смутился. — Это вы передадите от меня, как подарок к свадьбѣ, вашей племянницѣ Вѣрѣ Сергѣевнѣ. Когда она будет выходить замуж. Я купил в Артвинѣ у одного стараго мастера.

Он разложил на столѣ ожерелье, составленное из прихотливо перевитых золотых нитей, среди которых были разбросаны изумруды и сапфиры. Внизу, в видѣ подвѣска, находилась витая золотая груша со вкрапленными многогранниками из тѣх же камней.

— Ну нѣт, — запротестовал Петр Николаевич, взглянув на ожерелье. — Простите, но таких подарков я принять не могу. Оставьте все это по описи до вашего возвращенія. Иначе мнѣ неудобно.

— Да, папа прав, — в свою очеред пробормотал Николай.

— Не хотите? — Мамулян с глубокой обидой посмотрѣл на Твердовых. — Хорошо! Тогда я все это оставлю дома. Пускай пропадает.

— Я же вам говорю, Аршак Георгіевич, что на храненіе согласен.

— А я не согласен! — Мамулян встал. — Вы меня очень обижаете, Петр Николаевич.

— Дорогой мой, какая же обида? Садитесь, не надо сердиться.

— Это не по-кавказски, — мрачно продолжал Мамулян, снова садясь. — И потом — я сейчас не на прогулку ѣду! Вы это понимаете.

— Ну, хорошо, хорошо! — Растроганный Петр Николаевич подошел к Мамуляну, обнял его за плечи. — Пусть будет по-вашему. Спасибо.

— Вот, это пріятно. А теперь позвольте пойти попрощаться со всѣми. У меня есть еще другія дѣла.

Прощаніе оказалось очень трогательным. Всѣ вышли в переднюю провожать Аршака Георгіевича. Петр Николаевич и Николай дружески расцѣловались с ним; Елена Антоновна тоже поцѣловала, перекрестила в дорогу; Лосев горячо пожал ему руку, пожелал успѣха, добавив при этом, что ему самому скоро придется защищать от турок Батум. А растроганная Вѣрочка, чувствовавшая себя виноватой за прежнее пренебреженіе к Мамуляну, теперь не знала, как загладить эту вину.

— Ну, всего хорошаго, Вѣра Сергѣевна, — протянув ей руку и пристально глядя в глаза, сказал он. — Желаю вам счастья.

— И вам, Аршак Георгіевич... Полной удачи. Всего, всего хорошаго!

Копируя Елену Антоновну, она перекрестила его, поднялась на цыпочки и торжественно поцѣловала в лоб.

11.

Настал март. Дожди уже прекратились, но дни стояли хмурые. Море не успокаивалось, продолжая осаждать берег. Первая аллея бульвара возлѣ дома Тверцовых оказалась заваленной морской травой, прогнившим камышом, вѣтвями деревьев, принесенными волнами из устья Чороха. От разлившейся во время дождей рѣки прибрежная полоса моря стала коричневой, только даль оставалась темнозеленой. Рѣзкіе порывы вѣтра несли с горизонта взъерошенные валы. Тучи шли с юго-запада тяжелыя, грузныя, низко спускаясь к водѣ.

В один из этих дней Вѣрочка постучала в дверь к Николаю:

— Коля, выйди на минутку!

— В чем дѣло?

— Посмотри, что дѣлается на морѣ. Как интересно!

Она вытащила его за рукав в гостиную и показала в окно:

— Какіе столбы с неба! Это что: смерч?

— Дѣйствительно! Смерч. И не один, а нѣсколько.

— Пойдем на берег, хочешь? Отсюда пальмы мѣшают.

Они торопливо одѣлись и вышли к краю бульвара, куда с шипѣніем добѣгала пѣна прибоя. Перед ними клокотала вода, кидалась в разныя стороны и отходила к морю, гулко взрываясь при встрѣчѣ с новыми волнами. Водяныя брызги и пыль неслись далеко по аллеѣ.

А там, в мрачной дали, спускались сверху из синих туч к самой поверхности моря три изогнувшіяся сѣрыя колонны, точно хоботы гигантских слонов, скрывших свои тѣла за облачною густою завѣсой.

— Как странно! — восторженно и в то-же время испуганно воскликнула Вѣрочка, схватив Николая за руку. — Это опасно?

— Если они направятся к нам, то очень, — отвѣтил тот, натягивая на голову фуражку, чтобы ее не снесло

вѣтром. — Только эти, слава Богу, идут параллельно берегу.

— Что? Не слышу!

— Не опасно! Идут параллельно берегу!

— А, да! И внизу, под ними, море поднялось! И пѣнится! Отчего это?

— Если хочешь, вкратцѣ разскажу! — Николай запахнул свое пальто. — Только придется говорить громче, а то грохот... И вѣтер.

Он протянул руку в сторону ближайшаго смерча и с воодушевленіем стал объяснять, чуть не выкрикивая нѣкоторыя слова:

— Главная причина тут — восходящіе токи! Восходящій ток, получающійся от неустойчиваго равновѣсія воздуха, иногда становится очень напряженным. Ты слышишь?

— Слышу!

— А когда этот ток поднимается очень быстро, получается нѣчто в родѣ вертикальнаго вѣтра. И этот вѣтер увлекает за собой сосѣдній воздух, который начинает закручиваться в видѣ вихря... От вихря развивается большая центробѣжная сила...

— Довольно! Не разбираю!

— Не разбираешь? Центробѣжная сила! И потому внутри столба воздух становится разрѣженным! А раз воздух разрѣжен, то в это мѣсто стремится снизу морская вода, а сверху капли туч! Поняла?

— Нѣт!

— Что не поняла?

— Все!

— Тогда дома начерчу!

— Хорошо!

Они простояли так еще около четверти часа Николай оказался прав: смерчи медленно сдвигались к сѣверу, параллельно берегу, и их хоботы становились все тоньше и тоньше. Один даже разорвался посрединѣ, оставив послѣ себя двѣ воронки — вверху и внизу.

Вѣрочка сильно озябла, подпрыгивала на мѣстѣ, что-

бы согрѣться; и Николай, боясь, чтобы она не простудилась в своем легком пальто, заставил ее вернуться домой. Здѣсь, в гостиной, желая доставить кузену удовольствіе, она попросила его начертить, что такое воздушные токи и как от них происходят смерчи. Николай с радостью принес карандаш, бумагу, начал читать цѣлую лекцію, при чем от смерчей перешел к общей теоріи воздушных вихрей.

— Звонят! — с облегченіем воскликнула Вѣрочка, вскакивая с мѣста. — Погоди, я открою!

Она выскочила в переднюю и через нѣсколько минут вернулась в гостиную в сопровожденіи незнакомой барышни лѣт двадцати двух и высокаго широкоплечаго гимназиста.

— Коля, мадемуазелль хочет повидать тетю относительно комнат. Ты, может быть, передашь ей?

— Да, конечно, — отвѣтил Николай, слегка поклонившись в сторону барышни. — Какая красивая! — взволнованно подумал он. — Шатенка, и огромные голубые глаза А лицо.. Именно таких обычно сравнивают с Мадонной.

Он ушел и вернулся в гостиную с матерью.

Барышня извинилась перед Еленой Антоновной и стала говорить о цѣли своего посѣщенія. Пріѣхала она сюда вмѣстѣ с матерью и братом из Поти, гдѣ они недавно поселились и откуда рѣшили бѣжать из-за скверняго климата. Тут, под Батумом, недалеко от дачи Тверцовых, живут их хорошіе знакомые, у которых они и остановились. Однако, вчера к этим знакомым неожиданно прибыли бѣжавшіе из Владикавказа родственники, почему оставаться там долго нельзя: очень тѣсно, да и неудобно хозяевам. Между тѣм, живущая у Тверцовых дама сказала им, что их дача совсѣм пуста. И дала адрес.

— Вы бы нас буквально спасли, если бы уступили двѣ комнаты, — с мольбой в голосѣ закончила свой разсказ незнакомка. — Моя мама буквально измучилась от всѣх этих скитаній!

— Понимаю ваше положеніе, дорогая моя, — с искренним сочувствіем проговорила Елена Антоновна. —

Сейчас ужас, что творится повсюду. Но я, право, не знаю. Нужно переговорить с мужем. Коля, ты как думаешь? — обратилась она к сыну. — Я-то сама зимой туда не ѣзжу, но вы с папой часто бываете и даже ночуете.

Николай мелько́м взглянул на посѣтительницу, увидѣл ея полные отчаянія глаза... И покраснѣл.

— В послѣднее время мы там рѣдко ночевали, — как бы через силу отвѣтил он. — И там свободных четыре комнаты. А нам вполнѣ достаточно двух.

— Ах, как хорошо было бы! — воскликнула незнакомка, кинув на Николая благодарный ласковый взгляд. — Мы бы старались нисколько не беэпокоить вас. А ваша родственница, — обратилась она к Еленѣ Антоновнѣ, — которая живет там, как видно была бы довольна. Она говорит, что ей с мужем одним и жутко и скучно. А когда узнала, что я учусь на историческом отдѣленіи Высших Курсов, обѣщала прочесть мемуары своего супруга. Вообще, отнеслась она к нам очень тепло.

— А если вам нужно работать в саду или разводить огород, я могу тоже помочь, — учтиво, но с чувством собственнаго достоинства добавил молчавшій до сих пор гимназист. — Я хорошій спортсмэн. Перый в нашей футбольной командѣ.

— Это очень кстати, — точно обрадовавшись чему-то, дружелюбно отвѣтил гимназисту Николай. — Мы с отцом как раз искали компаньона для работы на мандариновой плантаціи. Конечно, за плату.

— У, я очень сильный, — продолжал гимназист. — Я умѣю все: и пахать, и копать, и косить. Каждое лѣто в имѣніи жил.

— Ну, что же, Коля? — нерѣшительно проговорила Елена Антоновна. — Ты находишь, что можно? Впрочем, погоди. Я, все-таки, пройду на минутку к папѣ.

Она вышла. В гостиной на нѣкоторое время воцарилось неловкое молчаніе. Вѣрочка осторожно, искоса, с благожелательным видом разглядывала барышню; гимназист подошел к окну, стал смотрѣть на море; а Николай взглянул на Вѣрочку и опустил глаза. Ему было неловко,

что он сразу согласился: чего добраго, всѣ подумают, что не устоял против красавицы. Но, вѣдь, людям надо помочь. Почему помогать только некрасивым?

Вѣра перевела взгляд с барышни на смущеннаго кузена, лукаво улыбнулась и заговорила:

— Я думаю, все устроится. На дачѣ хватит мѣста. А вам нравится здѣсь, в Батумѣ? — с ласковым видом обратилась она к незнакомкѣ.

— О, да! Чудесно. Замѣчательная природа. Не то, что несчастное Поти.

— А вы постоянно гдѣ жили?

— До революціи — в Одессѣ. Мой отец, генерал, убит солдатами на фронтѣ. Послѣ его смерти мы переѣхали в Харьков. Затѣм жили в Ростовѣ. И, вот, почти цѣлый год блуждаем. Моя мать очень боязлива. Послѣ смерти папы у нея болѣзненный страх перед большевиками.

— А вы на курсах учились в Одессѣ? — рѣшился вступить в разговор Николай.

— Да. Была на историческом отдѣленіи, но избрала своей специальностью психологію и философію. Занималась у моего профессора в его университетской лабораторіи экспериментальной психологіи.

— Это очень интересно. Хотя я математик, но у нас, в Петербургѣ, нерѣдко ходил на лекціи по психологіи. Только, знаете, мнѣ кажется, что экспериментальный метод Фехнера и Вундта, которым раньше так увлекались, теперь устарѣл.

— Представьте, я тоже так думаю! — Незнакомка оживилась. — Хотя я работала в лабораторіи, однако мнѣ всегда казалось, что втискивать психическія явленія в рамки измѣрительных приборов совершенно ошибочно. Самая основа психики при таких измѣреніях всегда ускользает.

— Разумѣется! — Николай воодушевился, забыв свое прежнее смущеніе. — Конечно, как математик, я должен был бы стоять за математическій анализ в психологіи. Но в том-то и дѣло, что тут необходим совсѣм другой метод.

— Совершенно вѣрно!

Разговор прервался: вошла Елена Антоновна вмѣстѣ с Дзидзой.

— Коля, — обратилась она к сыну, — папа занят сейчас, у него кто-то по дѣлу. Он предоставляет тебѣ самому рѣшить. Вот, поговори насчет этого с Дзидзой.

— Послушай, что ты дѣлаешь? — сердито обратилась Дзидза к своему питомцу, не взглянув даже на гостей. — С ума сошел, что ли? Сейчас вам дачи не надо, а лѣтом гдѣ будете жить? На кухнѣ?

Она враждебно посмотрѣла на стоявшаго у окна гимназиста, затѣм перевела суровый взгляд на его сестру, задумалась... И на лицѣ ея, вдруг, появилась улыбка.

— А что? — с неожиданной любезностью спросила она гостью. — Тебѣ очень надо?

— Ах, очень, мадам!

— А сколько вас всѣх будет?

— Нас трое... Мать, брат, я.

— А ты замужняя?

— Нѣт.

— А жених у тебя есть?

Всѣ разсмѣялись. Разсмѣялась и сама гостья.

— Нѣт, мадам, у меня жениха нѣт и не было.

— Что смѣшного? — насупилась Дзидза, недовольно взглядывая на Вѣрочку. — Мнѣ надо знать, кто будут жильцы. А сколько комнат ты хочешь? — еще любезнѣе обратилась она к барышнѣ. — Двѣ вам довольно?

— О, да. Мы были бы счастливы!

— Двѣ можно. Кроватей только не хватает. Вот, ты, молодой человѣк, можешь спать на полу.

— Конечно! — горделиво отвѣтил гимназист. — Я даже предпочитаю.

— Дзидза, а у нас в подвалѣ, кажется, есть какая-то тахта, — нерѣшительно замѣтил Николай.

— Не одна, а двѣ. Их, правда, можно дать тоже.

— Но все-таки, мадемуазелль, — вмѣшалась в разговор Елена Антоновна, — может быть вам, прежде чѣм рѣшать, заранѣе осмотрѣть комнаты?

— О, нѣт, нѣт! Мы все уже видѣли. Если понадобится, можем что-нибудь прикупить к обстановкѣ. А деньги, если угодно, внесем за пол-года вперед. Разрѣшите переѣхать завтра?

— Так скоро? Не знаю... Дзидза, ты как думаешь?

— Завтра? Хорошо, можно. Только ты, — строго обратилась она к гимназисту, — рано утром сам пойдешь на базар, приведешь дроги и положишь вещи. Тахта тебѣ будет, а тюфяка нѣт. Можешь спать прямо так.

— Пожалуйста, пожалуйста. Я, знаете, люблю жить по спартански. Как извѣстно, спартанцы спали на голых досках, а все-таки побѣдили афинян в 404 году до Рождества Христова.

Дзидза подозрительно взглянула на молодого спартанца и благосклонно стала бесѣдовать с его сестрой. Окончательно сговорившись с нею относительно завтрашняго дня, она ушла. Стали собираться в дорогу и гости.

— Мы вам так благодарны, так благодарны! — прощаясь с Еленой Антоновной, прочувствованно сказала барышня. — Простите, что мама сама не пріѣхала, но она слаба, боится простудиться в эту погоду. Она, конечно, на-днях сдѣлает вам визит.

— Да, да. Пусть поправляется. А, кстати... Я не знаю вашей фамиліи...

— Наша фамилія — Струговы. Мой отец на войнѣ командовал корпусом. Маму зовут — Екатерина Павловна. Меня — Кира... Андреевна. А брата — Володя. Значит — я буду ждать вас на платформѣ с утренним поѣздом? — обратилась Кира Андреевна к Николаю.

— Да, пожалуйста.

Вскорѣ послѣ ухода Струговых явился Лосев. Твердовы еще сидѣли в гостиной, обсуждая вопрос о том, как устроются на дачѣ новые жильцы и уживутся-ли с Суриными.

На этот раз Лосев пришел без инструмента и был, видимо, чѣм-то взволнован.

— А скрипка? — удивленно спросила Вѣра.

— Послѣдняя запасная квинта лопнула. Заходил в

магазины, искал, настоящей нигдѣ нѣт. Есть только шелковыя и металлическія, на которых противно играть.

— А что же теперь дѣлать?

— Написал в Тифлис пріятелю. Он пришлет. Впрочем, скоро всѣм нам будет не до музыки. В штабѣ получены свѣдѣнія, что турки уже заняли Артвин.

— Да что вы? — испуганно воскликнула Елена Антоновна. — Значит, Батуму грозит опасность?

— К сожалѣнію, да. Вот они — результаты нашего Закавказскаго Сейма! Засѣдали, хвалились, что заключат почетный мир с Турціей, возстановят границы, существовавшія до начала войны; что добьются даже самоопредѣленія народов в восточной Анатоліи, автономіи турецкой Арменіи... А тѣ играли дурака, разговаривали до поры до времени, а теперь наступают. Да и понятно: вѣдь, большевики только-что подписали в Брест-Литовскѣ мирный договор и по этому договору отдали туркам Карс, Ардаган и Батум! Почему же Турціи отказываться?

— Я еще не так боюсь турок, — тревожно продолжала Елена Антоновна. — Все-таки у них — регулярныя войска. А, вот, курды... Если перед турками сюда ворвутся курды, — будет ужасно.

— Ну, против курдов кое-как можно сорганизоваться. Устроим милицію, вооружимся. А, вот, для сопротивленія туркам у нас почти ничего нѣт. Комендант сегодня отправляет в Тифлис срочный доклад с просьбой о немедленной присылкѣ подкрѣпленій. Но едва ли будет толк. Они там все еще чего-то ожидают от своей делегаціи, выѣхавшей в Трапезонд для переговоров.

Всѣ смолкли. Лосев попросил разрѣшенія закурить, затянулся папиросой и продолжал:

— А на сѣверѣ борьба с большевиками, слава Богу, развивается. В одной из тифлисских газет я прочел, что уже в началѣ февраля из Новочеркасска выступил в степь двухтысячный отряд казаков для организаціи борьбы. То же самое предприняли генералы Алексѣев и Корнилов, стараясь со своими сторонниками пройти на Кубань. Я немедленно уѣхал бы к ним, туда, чтобы исполнить долг

русскаго человѣка. Но теперь начинается борьба здѣсь. Закавказье — моя родина, я буду его защищать. А если турки возьмут Батум, мое мѣсто там, на Кубани. Я немедленно проберусь на сѣвер.

— Вы правы, — поблѣднѣв, глухо произнесла Вѣрочка. — Иначе нельзя.

Лосев бросил на Вѣрочку благодарный взгляд и добавил:

— Вообще событія наступают серьезныя. Теперь никто не знает, что его ожидает. Ясно только одно: каждый приличный русскій офицер в настоящее время должен прежде всего думать о спасеніи Россіи, а не об устройствѣ своей личной жизни.

На этот раз Лосев пробыл у Тверцовых недолго. Сообщив им, что в штабѣ Крѣпости с сегодняшняго дня начинается большая работа, что батумскіе форты подготавливаются к сопротивленію, он заявил, что вечером должен присутствовать на совѣщаніи у коменданта, и стал прощаться. Вѣрочка вышла в переднюю его проводить.

— Ну, что? — с внѣшним спокойствіем спросила она, подавая ему руку. — Теперь неизвѣстно, когда мы будем играть?

— Да, к сожалѣнію. Но, если разрѣшите, я буду к вам забѣгать в перерывах. Увы! Опять откладывается моя рапсодія! Недаром струна лопнула. Всего хорошаго!

Николай видѣл, какой грустной стала Вѣра послѣ ухода Арсенія. И странно: все прежнее сложное отношеніе к ней, в котором, помимо дружескаго чувства, было очевидно и немного влюбленности, теперь упростилось, прояснилось. Оставшись вдвоем вмѣстѣ с ней в гостиной и видя, как она с разсѣянным видом перелистывает альбом, он почувствовал к ней какую-то особую новую нѣжность, которой раньше в себѣ не замѣчал.

— Навѣрно так братья любят сестер, — с радостью подумал он.

— Может быть ты теперь объяснишь, как научно

предсказывать погоду? — бросив альбом на стол, равнодушно спросила она. — Нам помѣшали.

— Нѣт, лучше послѣ. А сейчас сыграй мнѣ что-нибудь. Например — это... Лунную сонату.

— Лунную? Тебѣ хочется?

— Да.

Вѣра пристально посмотрѣла на Николая, хотѣла что-то сказать, но быстро отвернулась и направилась к роялю.

Играла она на этот раз прекрасно. Сколько грусти в исполненіи анданте! Ведущій голос, — благородный, величавый, — звучал среди безстрастнаго аккомпанемента безысходной тоской, безнадежностью. Все казалось навсегда утерянным, невозвратимым. Но, вот, аллегро, — и ворвался неожиданный протест против слабости духа, стремительный бѣг к возстановленію ушедшаго счастья.

— Очень хорошо, очень, — растроганно произнес Николай, когда соната окончилась. — Чудесно!

Он подошел к ней, продолжавшей неподвижно сидѣть за роялем, положил руку на ея плечо. Она порывисто повернулась к нему, скрыла лицо у него на груди, чтобы не видно было слез.

— Ты понимаешь... — прошептала она.

— Понимаю. Но не надо... Сестра моя!

Он стал нѣжно гладить ее по головѣ.

— Коля! Ты здѣсь?

Дверь из столовой открылась, в гостиную заглянула Дзидза. Увидѣв своего питомца и Вѣрочку в таком странном положеніи возлѣ рояля, она нахмурилась и угрожающе стала приближаться.

— Не надо глупостей! — назидательно-строго произнесла она, обращаясь к Вѣрочкѣ, испуганно поднявшей заплаканное лицо с груди Николая. — Вы родственники! Коля! Идем в сарай, я нашла еще разныя вещи. Эта барышня мнѣ очень понравилась, я хочу дать ей побольше.

Вѣра соскочила со стула и убѣжала к себѣ. Быстро надѣв пальто и шляпу, она вышла на улицу, пересѣкла бульвар и остановилась на послѣдней аллеѣ возлѣ прибоя. Было уже темно. Перед нею гудѣла черная пропасть.

Взрывалась, кипѣла вода; неясныя волны, поднимаясь мрачными сводами, вспыхивали наверху яркой бѣлизной, отражая свѣт прибрежных огней. Окружающая тьма в хорѣ безчисленных звуков кому-то угрожала, кого-то рыдая молила.

— «Опять откладывается моя рапсодія!» — вспомнились горькія слова.

Вернулась Вѣрочка домой продрогшая, но значительно успокоенная. Да и, в самом дѣлѣ, к чему заранѣе безпокоиться? А может быть, все повернется к лучшему?

Послѣ ужина Николай отправился к себѣ, думая взяться за чтеніе. У него среди привезенных из Петрограда книг была одна очень интересная: «Кватерніоны и приложеніе их к математической физикѣ». Однако, несмотря на увлекательность темы, чтеніе не ладилось. Овладѣвали противоположныя настроенія. Иногда охватывала глубокая радость: казалось, что найдено нѣчто новое, цѣнное, без чего возврат к прежней жизни тосклив и тяжел. Как хорошо, что пройдет около десяти, двѣнадцати часов, — и он снова увидит ее... Проведет время до самаго вечера. Но затѣм вспоминались слова Лосева о походѣ патріотов на Кубань. О подготовкѣ батумских фортов. И вся радость исчезала. Смѣнялась досадой на себя, угрызеніем совѣсти. Вѣдь, и он тоже взрослый, здоровый. Почему же они, другіе, должны защищать, а он — нѣт? На каком основаніи?

И гул моря, казавшійся ему только-что величественно-торжествующим, несущим гремящее счастье, вдруг становился безжалостным, грозным, обличающим жалкое бѣгство от лица вѣчной правды.

12.

Утром небо прояснилось, сразу началась теплая солнечная погода.

Как было условлено, Кира Андреевна встрѣтила Дзидзу и Николая на платформѣ желѣзной дороги. Одѣта она была по-весеннему — в элегантный свѣтлый костюм, без

шляпы; густые каштановые волосы были гладко расчесаны на пробор, переходили сзади на низко спускавшійся змѣистый шиньон.

— Здравствуй, барышня, — ласково сказала Дзидза, протягивая руку. — Видишь, для тебя хорошая погода. А мама твоя гдѣ?

— Мама придет послѣ, прямо на дачу. Боится утренней сырости.

— Ну, теперь сырости не будет: солнце. А я тебѣ еще разныя вещи нашла. Твой брат на дрогах привезет.

— Спасибо... Вы очень милы.

— Потому милы, что ты тоже милая. И Колѣ не будет скучно, а то все книжки читает. Совсѣм, как старик.

— Пожалуйста, не говори глупостей. — Николай нахмурился. — Давай твой чемодан и иди.

— Чего глупости, — направляясь к дачѣ и осторожно ступая по еще не просохшей дорогѣ, продолжала Дзидза. — Я правду говорю. Вот, барышня, когда они пріѣдут сюда, на плантацію, ты с ними тоже пойди. Коля, ты, пожалуйста, ее возьми! — строго обратилась Дзидза к Николаю.

— Да, конечно. Если вы пожелаете.

— Я уже знаю, что у вас есть плантація. Спасибо, обязательно пойду. Мнѣ о ней уже говорила мадам Сурина.

— Сурина? — сердито переспросила Дзидза. — Ух, паршивая женщина! Ты ее берегись: она тебя заставит обѣд для себя готовить. Деньги имѣет, а меня заставляла стирать бѣлье. Что я ей — прислуга? Шиш с маслом! Говорит — ея отец — князь, потому она работать не может. А у моего мужа дядя тоже был князь, а его дочка прачка была! Большое дѣло!

Поднявшись на площадку дома, Николай увидѣл Анну Петровну. Закутавшись в шаль поверх теплаго пальто, она сидѣла на стулѣ возлѣ террасы и грѣлась на солнцѣ. Молодые люди подошли к ней, почтительно поздоровались. Дзидза сухо поклонилась и прошла дальше.

— Здравствуйте, дѣти, — благосклонно сказала Анна Петровна. — Ну, что? Сговорились насчет комнат?

— Да, мы сегодня переѣзжаем, — радостно отвѣтила Кира. — Сейчас брат кое-какія вещи из города привезет.

— Так, так. А нам никаких вещей не дали. И вы с папой очень хороши, — с обидой в голосѣ обратилась Сурина к Николаю. — За цѣлый мѣсяц никто даже носу не показал. Забыли стариков, будто их и на свѣтѣ нѣт.

— Погода была скверная, Анна Петровна, — виновато улыбаясь, отвѣтил Николай. — Дожди какіе — ужас!

— То то и оно, что дожди. Дачу смыть могло, в обрыв снести вмѣстѣ с нами, а вы даже не узнали бы. Хороши родственники! Ну, идите, идите, занимайтесь своим дѣлом. Муж за окном пишет, а мы громко разговариваем, мѣшаем. Смотрите: когда начнете раскладываться, не грохочите.

Двѣ комнаты, которыя Тверцовы предоставили Стругoвым, показались Кирѣ вполнѣ подходящими. Николай с Дзидзой передвигали мебель, переносили кое-что из сарая, гдѣ устраивали отдѣльную кухню; Кира им помогала. К одиннадцати часам прибыли дроги с вещами; а к двѣнадцати явилась и госпожа Стругова, худенькая болѣзненная женщина, еще довольно красивая, но с преждевременными морщинами и с постоянным тревожным выраженіем лица.

Николай представился ей и, показывая комнаты, извинился, что обстановка черезчур скромная и что условія жизни слишком примитивны.

— Что вы, что вы! Какія теперь удобства! Спасибо. что впустили. И не бойтесь: к лѣту освободим. А сейчас — мы своим переѣздом не очень вас стѣсняем?

— Нѣт, нисколько.

— Может быть кто-нибудь из ваших недоволен, что Кирочка так настойчиво просила?

— О, нѣт!

— Ну, славу Богу. А то мнѣ так непріятно быть кому-нибудь в тягость.

Весь день прошел в хлопотах. Когда комнаты и сарай были готовы, Николай с Володей перевезли на тачках вещи с дачи, гдѣ раньше жили Струговы. До вечерняго поѣзда оставалось довольно много времени, и обѣ дамы рѣшили угостить Николая и Дзидзу ужином.

Володя сбѣгал в лавку за продуктами, Екатерина Павловна сварила на примусѣ суп и всѣ с аппетитом принялись за ѣду. Устроившись довольно уютно на новом мѣстѣ, Струговы были в прекрасном настроеніи. Кира усадила Дзидзу за стол, ухаживала за нею, как за почетной гостьей. Володя много говорил о своей гимназіи, гдѣ был уже в восьмом классѣ. Екатерина Павлова вспомнила о жизни в Одессѣ.

— А скажите, Николай Петрович, — спросила Кира, — кромѣ работ на плантаціи, вы чѣм-нибудь еще сейчас занимаетесь?

— О, да. Рѣшаю задачи по сферической астрономіи, изучаю небесную механику.

— А звѣздное небо наблюдаете? Учите созвѣздія, планеты?

— О, этим я много занимался раньше, когда был еще гимназистом. У меня с тѣх пор даже подзорная труба сохранилась.

— В самом дѣлѣ? Вот интересно! Большая?

— Нѣт... Хотя длинная, потому что с земным окуляром, но увеличеніе слабое: приблизительно в двадцать раз линейных. Однако, кое-что можно видѣть.

Николай оживился. Кира с улыбкой одобренія смотрѣла на него.

— К сожалѣнію, я этой области совсѣм не знаю, — со вздохом проговорила она. — А по своей спеціальности мнѣ книг не удалось захватить. Есть только психологія Джемса и «Критика Чистаго Разума» Канта. Все остальное осталось в Одессѣ.

— Коля, а ты ей покажи свою трубу, — вмѣшалась, вдруг, Дзидза. — У тебя всѣ барышни любили лѣтом смотрѣть.

— Какія барышни? — Николай недовольно взглянул на кормилицу.

— Какія! Нина. Шура тоже.

— Ну, это я еще в шестом классѣ был. И вообще, не совѣтую тебѣ поддерживать разговор об астрономіи. А, между прочим, — обратился он к Кирѣ, — вы можете как-нибудь просмотрѣть в городѣ нашу библіотеку. Кое-

что навѣрно найдете для себя. Есть, например, Шопенгауэр — «Міръ, как воля и представленіе», «Душа человѣка и животных» Вундта.

— А! Чудесно. Если можно, обязательно возьму. Что же касается моих собственных занятій, то у меня давно начата одна большая самостоятельая работа, которую я до сих пор продолжаю. На нее меня навели опыты в нашем психофизическом кабинетѣ.

— Не секрет — какая?

— С удовольствіем разскажу. Тему я сама придумала и предложила своему профессору психологіи. Он сначала не особенно одобрил, так как вопрос этот относится к области телепатіи, к которой наша официальная наука относится пренебрежительно. Но потом не препятствовал. А своими опытами я хотѣла доказать, что всѣ люди в большей или меньшей степени могут внушать мысли друг другу. Я сажала двух случайных партнеров одного против другого; одному, который называется агентом, давала в руку нѣсколько карт и просила его задумывать наудачу черную или красную. Второй же партнер — так называемый перципіент — должен был смотрѣть агенту в глаза и угадывать, какого цвѣта карта задумана. Если бы агент никакого внушенія на перципіента не оказывал, число угаданных карт и неугаданных было бы одинаково. Но в наших опытах угадываній всегда было больше: на сто — или пятьдесят пять, или даже шестьдесят. И вот этот-то избыток и нужно было отнести на счет внушенія. Мы со студентами и курсистками продѣлали таких опытов довольно много, и оказалось, что нѣт почти людей вполнѣ лишенных этой способности.

— Очень интересная идея! — одобрительно проговорил Николай. — Замѣчательная! И главное — что? В основѣ ея лежит наша область — теорія вѣроятностей!

— Да, профессор мнѣ говорил.

— Ну, разумѣется! — Николай взволновался. — Тут вы должны примѣнять закон больших чисел! Если хотите, я могу математически развить и углубить вашу теорію о всеобщей способности к внушенію.

— О, это было бы замѣчательно! Очень рада.

— Вѣдь, что такое вѣроятность? Согласно Якову Бернулли, вѣроятность есть отношеніе числа случаев, благопріятствующих событію, ко всему комплексу равновозможных случаев. Напримѣр, вынуть из колоды красную или черную карту есть половина — единица дѣленная на два. Вынуть оттуда же опредѣленную масть есть четверть, так как всѣх мастей четыре. Вы понимаете?

— Да.

— Но эта дѣйствительная вѣроятность может получиться только тогда, когда число опытов приближается к безконечности. Вы же, в ваших немногочисленных опытах, иногда имѣете избыток совпаденій вовсе не потому, что дѣйствовало внушеніе, а потому, что это простое дѣйствіе случая.

— Коля, а мы не опоздаем на поѣзд? — тревожно спросила Дзидза, разговаривавшая о хозяйственных дѣлах с Екатериной Павловной.

— Нѣт, нѣт, не мѣшай.

Кира подробно разсказала, как вела записи, как распредѣляла матеріал, какое количество человѣк прошло через ея опыты.

— А если бы вы внесли во все это физико-математическую терминологію, — добавила она в заключеніе, — я была бы вам очень благодарна.

— Разумѣется! С удовольствіем!

На-днях, может быть, займемся этим?

— Когда хотите.

— Вот, кажется, послѣзавтра вы собирались пріѣхать на вашу плантацію. Если останется свободное время...

— Конечно, останется. Давайте послѣзавтра.

— Ну, Коля, идем, а то опоздаем, — встав с мѣста и взяв в руку сумку, сказала Дзидза. — До-свиданья, господа, очень пріятно. Спасибо за колбасу, за сардинки, за сыр, за сливочное масло, за печенье и хлѣб. А ты, барышня, — любезно обратилась она к Кирѣ, — очень симпатичная. Я привезу тебѣ еще одно одѣяло. Ты мнѣ нравишься. И Колѣ тоже.

На слѣдующій день, чтобы убить медленно тянувшееся время, Николай отправился бродить по городу.

Пошел сначала к морю. Долго стоял там, любуясь прибоем. Недавняя буря уже улеглась; исчезли пѣнящіеся гребни, похожіе на крылья трепещущих чаек. Вмѣсто них теперь — величественная мертвая зыбь, с широкими ровными волнами.

С берега вышел он на бульвар, пересѣк его, попал в город, побывал в порту и, наконец, вернулся домой. Там его с нетерпѣніем ждала Вѣра.

— Милый Коля, у меня к тебѣ дѣло, — нервно сказала она, застав кузена в гостиной. — Идем к тебѣ в комнату, это большой секрет.

— Скажите, пожалуйста! — Николай повеселѣл, надѣясь, что разговор с Вѣрочкой его развлечет. — А почему ты мнѣ довѣряешь большіе секреты?

— Потому что мы с тобою друзья. Ну, вставай с кресла! Иди!

У себя в комнатѣ он сѣл на диван. Вѣра расположилась рядом.

— Коленька! — положив руку на его колѣно, умоляюще проговорила она. — Исполни мою просьбу!

— Смотря что.

— Все равно. Обѣщай!

— Сначала скажи, какая.

— Поѣзжай завтра со мной и с Арсеніем Васильевичем в ущелье Чороха! В Борчху.

— В Борчху?

— Да. Завтра Арсеній Васильевич, под видом простого солдата, чтобы не привлекать вниманія мѣстных жителей, отправляется туда в дилижансѣ. Ему нужно произвести какія-то военныя наблюденія. Но, смотри: это страшная тайна. Я не поняла подробностей, но он говорит, что исполняет порученіе штаба. Артиллерію хотят ставить, что-ли. Ну, словом, он ѣдет и приглашает меня с собой. И тебя тоже. Вѣдь это будет чудесная прогулка!

— Завтра? — Николай испугался. — О, нѣт, моя милая. Завтра никак не могу. Я очень занят.

— Чѣм занят?

Мнѣ нужно... на плантацію. Продолжать расчистку участка.

— Какая ерунда! Развѣ нельзя отложить на один день? Вѣдь тебѣ самому интересно побывать на Чорохѣ!

— Я там бывал. Ничего особеннаго. А кромѣ того... Мнѣ нужно помочь нашей новой квартиранткѣ разобраться в одной из ея научных работ.

— А, вот что! — Вѣрочка иронически улыбнулась. — Теперь понимаю.

— То-есть, что понимаешь? — строго спросил Николай. — Особенно понимать нечего. Раз я согласился оказать человѣку услугу, нельзя обманывать.

— Да, да, конечно. Ну, что-ж. Значит мнѣ не удастся поѣхать.

— Отчего не удастся? — Николай измѣнился в лицѣ, сочувственно взглянул на кузину. — Поѣзжайте вдвоем, вот и все. Очень просто.

— Дѣйстительно — вдвоем! Вѣдь это же неудобно!

— Скажи, пожалуйста, — неудобно. Арсенія мы всѣ хорошо знаем, он такой благородный. Тебѣ с ним можно отправиться куда угодно.

— Да, но ты это скажи папѣ и мамѣ! На словах они либералы, за женское равноправіе, а в жизни... Они ни за что не пустят одну. Да и скажут, что опасно: аджарцы могут напасть.

— Ну, если я поѣду с вами, едва-ли опасность уменьшится. В таком случаѣ вот что. Скажи им, что хочешь ѣхать вдвоем с Арсеніем. И если откажут, спроси, согласятся ли, если я поѣду с вами. А затѣм сообщи мнѣ результат.

— Тогда поѣдешь?

— Нѣт, не поѣду. Но мы что-нибудь придумаем. Вы из Борчхи вернетесь завтра же?

— Разумѣется. Дилижанс возвращается около девяти часов вечера. Так ты думаешь пойти, сказать?

— По-моему, да.

Вѣра вернулась от родителей через пол часа. Оче-

видно разговор был длительный. Николай за это время уже принялся за чтеніе.

— Так я и думала, — печально заявила Вѣрочка. — Согласятся только в том случаѣ, если ты тоже поѣдешь.

— Иначе считают неприличным?

— Прямо не говорят, но ясно. А скажи, нельзя-ли сдѣлать так: ты им скажешь, что тоже поѣдешь, и отправишься утром из дому вмѣстѣ со мной. Проводишь меня до дилижанса, поѣдешь на дачу, а вечером скажешь папѣ и мамѣ, что соскочил с дилижанса, так как вспомнил, что у тебя есть дѣло на дачѣ. Мы же поѣхали, потому что уже взяли билеты.

— Да, но я не буду соскакивать с дилижанса!

— Так, что-ж такого?

— Значит, совру. Нѣт, это не годится. Я просто завтра вечером им скажу, что обманул тебя умышленно. Пусть обвиняют меня. Господи, ну и впутываешь ты меня в исторію!

— Милый мой! — Вѣра подсѣла ближе к Николаю, любовно поглядѣла ему в лицо. — Я это очень цѣню, ты не думай. Вѣдь я знаю, что ты никогда не врешь, а сейчас соглашаешься для меня. Ты — чудный!

— Какой чудный, если врун.

— Да, да. Добрый. Я тебя очень люблю!

Она поцѣловала Николая в щеку, соскочила с дивана и быстро направилась к дверям, чтобы отправиться к родителям и сообщить им о согласіи кузена ѣхать в Борчху.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? — подозрительно спросила Дзидза, столкнувшись с Вѣрочкой в дверях. — Иди, играй на роялѣ! Коля! Я нашла в подвалѣ для твоей барышни этажерку. Ты повезешь завтра?

— Не знаю. Почему ты говоришь — моей барышни? Какая она моя?

— Ну, все равно. Будет твоя. А что она к тебѣ ходит? — недружелюбно добавила Дзидза, обернувшись в сторону ушедшей Вѣрочки. — Всегда с тобой вмѣстѣ! Развѣ ей мало, что уже нашла одного?

13.

Шоссе тянулось сначала вдоль берега моря. Затѣм круто повернуло вглубь материка, приблизилось к живописным холмам и у поста Капандиди подошло к мутным водам Чороха. Рѣка еще не вошла в обычное русло, бурлила и гудѣла послѣ продолжительных обильных дождей.

Потянулось ущелье. Иногда — веселое, радостное, в зеленых брызгах начавшей распускаться листвы; иногда — хмурое, темное, сжатое нависшими над рѣкою утесами. Лѣсистыя горы то раздвигались, приглашая солнце заглянуть в долины, то сходились обрывами скал, скрывая от неба буйство вспѣненной рѣки.

Старый расшатанный дилижанс тарахтѣл, трясся, скрипѣл. Лошади бѣжали лѣниво. Пассажиров немного: трое аджарцев, в башлыках в видѣ головного убора; туземная старуха в чадрѣ, но с открытым лицом; мелкій почтовый чиновник, сопровождавшій почту. Всѣ были молчаливы, серьезны. Начавшееся наступленіе турок у всѣх ѣхавших в сторону границы вызывало невеселыя мысли.

И только Лосев с Вѣрочкой, сидѣвшіе сзади, были настроены радостно, будто ѣхали на пикник, а не по порученію штаба Михайловской крѣпости. Лосев был в неопредѣленной формѣ защитнаго цвѣта, без погон, в помятой фуражкѣ с солдатской кокардой. Вѣрочка поверх платья на всякій случай надѣла теплое пальто, предполагая, что в ущелѣ будет свѣжо.

— Ну, вот, мы в Аджарисцхали, — сказал Лосев, когда дилижанс, проѣхав нѣсколько верст по ущелью, остановился возлѣ духана. — Тут дорога раздваивается: одна идет дальше, к Артвину, другая поворачивает налѣво, в сторону Абастумана. Здѣсь, впереди, у Хертвиса, — добавил Лосев вполголоса, — послѣдній наш опорный пункт, если турки дойдут сюда. С паденіем Хертвиса они могут пойти на Батум прямо по долинѣ, или свернуть на Ахалшены и выйти к городу с востока.

— Но вы же будете задерживать их раньше? — тихо, с видом заговорщицы, спросила Вѣрочка, понимая, что о

стратегических планах не полагается говорить громко.

— Да, мы предполагаем задержать их там, гдѣ Мургул впадает в Чорох. Я как раз по этому дѣлу и ѣду.

Дилижанс покатил дальше. Вѣра с радостным любопытством смотрѣла по сторонам — на бурлившую внизу рѣку, на окружавшія горы.

— Смотрите, какая скала! — восторженно воскликнула она, схватив своего спутника за руку. — Точно игла!

— Да, любопытная, — разсѣянно отвѣтил он и удержал руку Вѣрочки в своей рукѣ. Та покраснѣла, медленно-нерѣшительно освободила руку и сдѣлала вид, что поправляет волосы.

— Вообще, здѣсь, чудесно... Какой странный обрыв к Чороху! Как будто башни!

— Да.

— Если мы туда свалимся, от нас ничего не останется. Правда?

— Отчего же? Кое что останется.

Путь до Борчхи прошел для них совсѣм незамѣтно. Будто ѣхали не три часа, а десять минут. Говорили главным образом о музыкѣ и даже немного поспорили о том, какой темп лучше: быстрый или медленный. Она стояла за престо и аллегро виваче, вызывающіе в душѣ стремительность, полноту жизни; а он защищал ададжіо и анданте, дающія возможность заглянуть в сокровенныя глубины души.

Дилижанс остановился в Борчхѣ у маленькой почтовой станціи возлѣ духана. Тут лошади должны были отдохнуть для обратной дороги. Лосеву начальство поручило опредѣлить нѣкоторыя детали мѣстности у впаденія рѣчки Мургул в Чорох. Времени оставалось не так много, а до Мургула отсюда около четырех верст. Нужно было итти быстро.

— Ну, вот, мы и пришли, — сказал, наконец, Арсеній, остановившись возлѣ сліянія обѣих рѣк. — Посидите возлѣ дороги, а я займусь дѣлом. Вы не боитесь оставаться одна?

— Ну, вот! Буду я бояться!

— А мнѣ далеко не надо. Поднимусь немного влѣво, затѣм спущусь к рѣкѣ. Если понадобится, крикните, я услышу.

Лосев вынул из карманов чертежные инструменты, бумагу и скрылся за поворотом. Вѣрочка осталась одна. Когда Арсеній уходил, ей хотѣлось сказать, что она тоже может пойти с ним, так как отлично лазит по горам; но если он не предлагает, то значит нельзя. Очевидно это — военная тайна.

Вѣрочка вздохнула, прошлась по шоссе и, найдя на склонѣ горы подходящую скалу, усѣлась на нее. — Как, все-таки, интересно служить в штабѣ! Подготавливать позиціи для боя, обдумывать, гдѣ произойдет сраженіе, как разставлять войска! Слава Богу, Арсеній должен в это время находиться в штабѣ крѣпости, для него не опасно.

Она оглянулась по сторонам. Чудесно здѣсь! Лѣсистыя горы подступают к шоссе; на нѣкоторых деревьях уже молодые листочки. Будто нѣжный зеленый пух. По ту сторону рѣки яркая трава стелется по склонам, внезапно уступает мѣсто мрачным скалам, нагроможденным друг на друга, точно послѣ землетрясенія. Впереди — узкое ущелье среди высоких каменных стѣн, а внизу, рядом, шумит Чорох. Точно однотонная непрерывная пѣсня. А какое синее небо! Вообще, как прекрасен мір! И как радостно жить! Вокруг — свѣт... Синее, зеленое, желтое... Гул рѣки. Птицы перекликаются. Пахнет нагрѣтая земля. От травы тоже чуть уловимый аромат. В душѣ звучит полнозвучный аккорд из звуков, запахов, красок. Арсеній говорит, что во время вдохновенія у него душа поет. Как это хорошо сказано! Вообще какой он талантливый! И какое у него замѣчательное лицо, когда говорит о своей рапсодіи. А сколько в нем благородства! Как у Николая. Только в разных видах. И эта самая Кира — тоже хорошая. И ея мать хорошая. Дзидза тоже хорошая, только смѣшная — боится за своего питомца. И тетя Лена хорошая. И дядя Петя хорошій. И папа хорошій. И мама хорошая. Как всѣ вообще хороши!..

Вѣрочка очнулась, оглянулась назад, в сторону Бор-

чхи. Там, вдалекѣ гдѣ-то, раздался выстрѣл. Затѣм другой, третій. Как будто перестрѣлка.

— Турки? — Она испуганно соскочила с камня. Послышалось еще нѣсколько выстрѣлов, и затѣм все стихло.

— А гдѣ Арсеній?

Вѣрочка тревожно направилась по шоссе к тому мѣсту, гдѣ скрылся Лосев. Дойдя до поворота, она внимательно оглядѣла ближайшій холм, но тут Арсенія не было. Перешла на другую сторону шоссе, заглянула в обрыв по направленію к рѣкѣ, но и тут, на берегу, никого не увидѣла.

«Крикнуть? — подумала она. — Но неудобно отрывать офицера от исполненія священнаго долга. Может быть это охотники стрѣляли. Мало ли что».

Вѣрочка постояла в нерѣшительности и сѣла на траву возлѣ дороги. Вокруг опять все спокойно и мирно. Но, вдруг, сзади послышался отдаленный стук колес, топот копыт. Звуки усилились. И спустя нѣсколько минут мимо нея, в сопровожденіи вооруженных всадников аджарцев, с грохотом пронесся тот самый дилижанс, который прибыл сегодня в Борчху из Батума.

Один из всадников, увидѣв у края дороги одиноко сидящую молодую женщину, на мгновеніе остановился, внимательно посмотрѣл на нее и рѣшил было, соскочить с лошади. Но ближайшій спутник его, обернувшись, что-то рѣзко крикнул, и тот, стегнув коня, продолжал путь.

— Арсеній Васильевич! — бросившись к краю дороги, громко позвала Лосева Вѣра.

— Ау! — отозвался снизу знакомый голос.

— Вы скоро?

— Еще четверть часа! А что?

— Ничего!

Успокоившись, что Арсеній недалеко, она стала ждать, время от времени поглядывая в даль дороги за поворотом. А вдруг этот самый всадник вернется? Но, вот, наконец, со стороны обрыва послышался шум падающих мелких камней, треск кустарника — и Лосев поднялся на шоссе.

— Что? Испугались чего-нибудь? — весело спросил

он, пряча свои бумаги в карман. — Я далеко отсюда не отходил.

— А вы слышали шум от проѣхавшаго экипажа?

— Да.

— А выстрѣлы?

— Выстрѣлы? Нѣт. — Лицо Арсенія стало серьезным. — Очевидно, Чорох мѣшал. А что было?

Вѣрочка разсказала.

— Наш дилижанс? — тревожно проговорил он. — Странно. Он дальше Борчхи теперь не ходит. И всадники? Идемте назад, я уже все окончил.

Вернувшись на станцію, они узнали непріятную новость: только-что на духан и на станцію произвели вооруженное нападеніе аджарскіе разбойники. Содержатель духана, армянин лавочник и кассир станціи — ограблены. Нѣкоторыя вещи из захваченнаго добра грабители свалили в дилижанс и угнали его вмѣстѣ с лошадьми по направленію к Артвину. Два находившихся в Борчхѣ стражника оказали напавшим сопротивленіе, начали перестрѣлку; но один стражник был ранен, а другой быстро обезоружен.

— Как же мы вернемся домой? — сидя за столиком в духанѣ, испуганно спросила Вѣра. — Папа и мама будут очень безпокоиться.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — успокоительно отвѣчал Лосев. — Пѣшком, конечно, невозможно, вам будет трудно. Да и ночью итти по шоссе одним — неблагоразумно. Но обидно, что верхом тоже не удастся: лошадей здѣсь свободных нѣт, я уже спрашивал. Погодите, посовѣтуюсь еще со станціонным чиновником.

Он ушел и довольно долго был в отсутствіи.

— Дѣло плохо, — вернувшись, сказал он. — Предполагал хоть арбу какую-нибудь нанять, но не нашел ничего. Единственная возможность — спуститься по Чороху на плоту. Я разговаривал с одним плотовщиком: он как раз собирается гнать свой плот, согласен высадить нас в Капандиди. Дальше плыть не имѣет смысла, так как оттуда Чорох уходит далеко всторону. Но, конечно, этот план неосуществим.

— Почему? — удивилась Вѣрочка.

— Вам будет страшно. Путешествіе на плоту по Чороху — настоящая чертовщина. Водовороты, пороги, вода окатывает с головы до ног, плот кидает из стороны в сторону.

— Что-ж такого? Аджарцы плавают? Значит и русскіе могут!

— Браво! Но, все-таки. Неужели вы не боитесь?

— Ничуть!

— Тогда — честь вам и слава. — Арсеній, не скрывая своего восхищенія, протянул ей руку. Она молча и как-то торжественно пожала ее.

— Идите и заказывайте!

— Иду. Вы — молодчина! Значить — рѣшено?

— Рѣшено.

Плот, готовившійся к отплытію, был довольно примитивен. Состоял он из плохо очищенных сосновых бревен, соединенных между собой канатами, лозой и ліанами. Под выступами небрежно обрубленных боковых вѣтвей, гдѣ бревна плохо примыкали друг к другу, плескалась вода. Сговорившись о цѣнѣ за переѣзд, плотовщики постарались устроить своим пассажирам нѣкоторый комфорт: наскоро законопатили в средней части плота отверстія при помощи сухих вѣтвей; привязали к бревнам веревки, чтобы за них держаться на поворотах во избѣжаніе риска быть сброшенными в воду. А Вѣрочкѣ даже предложили грубый кожаный фартук, чтобы ее не так сильно обливало в пути.

— В Капандиди у нас есть военный пост, — сказал перед отплытіем Лосев. — Там мы обогрѣемся, обсохнем и, может быть, достанем лошадей. А в крайнем случаѣ доберемся и пѣшком — до Батума всего пятнадцать верст. Вот, только, боюсь, чтобы вы не простудились. Чулки снимите, все равно вымокнут. И подтяните платье.

— Ничего, не бойтесь. Я рѣдко простуживаюсь.

Аджарцы взошли на плот. Двое стали впереди по бокам, с баграми в руках. Третій обосновался сзади, опустив в воду широкое весло, на подобіе руля.

— В добрый час! — весело сказал Лосев, с дружеской

заботливостью оглядывая, как Вѣрочка надѣла на себя фартук.

— С Богом! — серьезно отвѣтила она.

Рулевой что-то крикнул. Стоявшіе на берегу аджарцы отпустили канат, и плот, вздрогнув, сразу же отдѣлился от земли. На мгновеніе он остановился, закачался, и затѣм ринулся в бурный поток.

— Держитесь крѣпко! — воскликнул Лосев. — Ногами упритесь!

Она обѣими руками ухватилась за канат, с восторгом глядя вокруг.

Чорох гудѣл, клокотал, вспыхивал пѣной над встрѣчными камнями, сверкал в волнах отраженіями солнца. Кругом заплясали оба берега. Скалы, деревья, зеленые склоны — все закружилось. Иногда, вдруг, гигантскій утес стремительно начинал приближаться, грозя уничтожить дерзких смѣльчаков своими зубчатыми выступами. Но вспыхивал серебряным огнем на солнцѣ мокрый багор стоявшаго впереди аджарца, поворачивалось широкое весло рулевого, — и утес, лишившись добычи, исчезал позади.

Шли навстрѣчу горы, холмы, скалы, густыя прибрежныя заросли. У крутых поворотов казалось, что тут кончается теченіе рѣки, вода будто уходит под землю. Но опять вытягивался багор, сдвигалось рулевое весло, и вмѣсто хмурой скалистой стѣны появлялся яркій скат противоположнаго берега. Полуголые, со смуглыми тѣлами, залитыми фонтанами брызг, аджарцы горделиво стояли на своих мѣстах, точно вросшіе в бревна плота; как будто исполняя своеобразный военный танец, выгибались вперед, плавным движеніем склонялись на бок, провожая баграми побѣжденную землю; выпрямлялись, застывали в видѣ изваяній и снова наклонялись, готовясь к встрѣчѣ со врагом.

— Осторожнѣе! — крикнул Арсеній, видя, как на крутом поворотѣ Вѣрочка соскользнула к краю плота. — Держитесь за мою руку!

— Притяните меня!

Они стояли совсѣм рядом — плечо к плечу. Глаза Вѣрочки горѣли от радости. Пляска скал и деревьев, зелень

склонов, камень утесов, пѣна, брызги, клокотаніе рѣки, сіяющее небо вверху; рука человѣка, ставшаго дороже этого Божьяго чуда, — все охватывало ее полнотой счастья. А Арсеній смотрѣл на разметавшіеся волосы, на вдохновенное лицо, по которому, как слезы стекали брызги рѣки, на залитую водой хрупкую фигуру, готовую к дерзкому сопротивленію всѣм стихіям міра, почувствовал, что подобной радости нельзя дать уйти в прошлое, нужно задержать ее, сдѣлать вѣчной...

— Хорошо? — склонившись к ней, спросил он.
— Первый раз в жизни так!
— Я изображу это в послѣднем престо рапсодіи!
— Да, да!
— И посвящу вам. Вся моя рапсодія будет вашей.
— Да!
— А вы... будете моей!
— Да...

Сергѣй Николаевич и Софія Ивановна не находили себѣ мѣста, безпокоясь за дочь. Софія Ивановна рисовала самыя мрачныя картины: Вѣрочка могла или сорваться со скалы, или упасть в Чорох, или попасть в плѣн к аджарцам. Сергѣй Николаевич успокаивал жену, но сам волновался не меньше ея. И оба, конечно, дружно нападали на вернувшагося с дачи Николая, обвиняя его в том, что он не сдержал своего слова.

— Ничего с ними не случилось, — смущенно возражал тот. — Теперь точнаго расписанія у дилижансов нѣт. И вообще... Мало ли какой пустяк мог задержать.

— Хорошій пустяк, когда сейчас уже полночь! — с негодованіем восклицала Софія Ивановна.

Да и сам Николай, разумѣется, сильно тревожился, браня себя за то, что согласился участвовать в заговорѣ. Ради Вѣрочки покривил совѣстью, чего с ним никогда не бывает, и, вот, получил в наказаніе такую непріятность.

В час ночи, наконец, раздался сильный стук в парадную дверь. К общей радости явилась Вѣрочка. Вид у нея был плачевный: помятая шляпка съѣхала на бок; из под

шляпки во всѣ стороны выбивались в страшнѣйшем безпорядкѣ космы развившихся волос; черныя туфли стали сѣрыми; темно-синее пальто сдѣлалось до нѣкоторой степени разноцвѣтным, обработанное совмѣстными усиліями Чороха, грязнаго аджарскаго фартуха, желтой глины капандидскаго крутого берега и подсохшей пыли шоссе на протяженіи пятнадцати верст.

И, несмотря на все это, лицо Вѣрочки выражало полное удовлетвореніе прогулкой. Глаза странно сіяли.

— Как не стыдно! — стала осыпать ее упреками Софія Ивановна. — Прямо возмутительно! Ты не понимаешь, как мы волновались!

— Понимаю, мамочка! Простите, родные!

На негодующую мать и на обиженнаго отца посыпались горячіе поцѣлуи.

— Вы не знаете, какія приключенія были у нас! — с восторгом стала объяснять Вѣрочка. — И стрѣльба, и грабеж, и путешествіе на плоту! И пѣшком ночью по шоссе почти что бѣжали, чтобы не опоздать! Но за то мы опредѣлили позиціи для нашей артиллеріи! Пусть турки попробуют теперь наступать!

— Боже мой! — стонала в отвѣт Софія Ивановна. — Стрѣльба, грабеж, плот... И ты еще хвастаешься! И, вдобавок, ночью, одна, с посторонним молодым человѣком!

— Да-с, нечего сказать, современные нравы... — недовольно пробурчал Сергѣй Николаевич.

— Что? С посторонним? — Вѣрочка задорно подняла голову, со снисходительной улыбкой посмотрѣла на мать. — С каким посторонним?

— С каким? С Лосевым!

— С Лосевым? Ну, да. Но какой Лосев посторонній? Он — мой жених!

— Как так?

— Очень просто. Подождите минутку, он сейчас сдѣлает вам офиціальное предложеніе.

Она открыла парадную дверь и крикнула в темноту:

— Арсеній Васильевич! Подите сюда! Папа и мама не спят!

14.

Весь этот день, когда Лосев ѣздил с Вѣрочкой в ущелье Чороха, Николай провел на дачѣ с Кирой.

Пріѣхав туда вмѣстѣ с Дзидзой, доставившей новым жильцам кое-какія добавочныя хозяйственныя вещи, он застал Киру уже готовой к прогулкѣ и, поговорив немного с Екатериной Павловной и с Володей, отправился со своей спутницей на плантацію.

В дорогѣ сначала говорили о дачах, встрѣчавшихся по пути; о названіях росших здѣсь субтропических растеній. А затѣм Кира начала разспрашивать Николая об его занятіях в университетѣ.

— И вы, дѣйствительно, хотите быть настоящим ученым? — с любопытством спросила она.

— Да, — скромно, но рѣшительно отвѣтил он. — Я вовсе не для того пошел на физико-математическій факультет, чтобы сдѣлаться простым учителем математики.

— Да, конечно, это скучно. А я... Скажу откровенно, я тоже мечтаю что-нибудь сдѣлать для науки. Вот, в родѣ мадам Кюри, или Софіи Ковалевской. Правда, я выбрала не физику, и не математику, а психологію; но развѣ в психологіи женщины не могут прославиться?

— Разумѣется, могут. И вы знаете? Ваша тема о всеобщей способности к внушенію, как раз в состояніи дать вам крупную извѣстность. Нужно только ее разработать детально в широком масштабѣ.

— Да, да. Обязательно. Вы мнѣ поможете в смыслѣ разработки общаго плана. А знаете, признаться по правдѣ, я до сих пор никогда в жизни не встрѣчала ни одного астронома. Когда мнѣ приходилось читать о них, мнѣ всегда казалось, что это не просто ученые, а какіе-то монахи, затворники. Что они работают только по ночам, наблюдая небо, а днем спят, и потому их никто не видит.

— В прежнія времена это, дѣйствительно, было приблизительно так. — Николай улыбнулся. — Но теперь, к сожалѣнію, среди астрономов очень не много таких, которым приходится часто смотрѣть на небо. Вмѣсто них

сейчас обычно работают приборы и инструменты, главным образом — фотографическіе. Да и при нынѣшней дифференціаціи каждый астроном занимается своей наукой не вообще, а какой-нибудь отдѣльной ея отраслью. Одни вычисляют, другіе работают с фотометрами, спектрографами; есть спеціалисты по лунѣ, по солнцу, по Марсу, по астероидам.

— А вы уже выбрали себѣ какую-нибудь отрасль?

— Еще нѣт. Занимаюсь пока главным образом сферической астрономіей. Но скажу откровенно, мое основное желаніе — написать большой философскій трактат в двух томах о вѣчности и безконечности с точки зрѣнія математики и астрономіи. Я как-нибудь разскажу вам подробнѣе. А теперь — мы уже пришли, вот наш участок.

Кира была очарована открывавшимся отсюда видом, но не выражала своего восторга так бурно и экспансивно, как Вѣрочка. Молча, с радостной улыбкой, поворачивалась в разныя стороны, долго смотрѣла то на море, то на горы и лѣс. Предложив ей подождать на дорогѣ, он отправился вглубь участка обслѣдовать, что сдѣлали с мандариновыми ямами недавніе дожди, и скоро вернулся.

— Увы, — сказал он, — почва так размокла, что еще нѣсколько дней нельзя будет работать. И плантацію чая не могу вам показать, такая грязь.

— Жаль... Значит, что же: вернемся назад?

— Не знаю. Пожалуй, мнѣ поѣхать в город с двѣнадцати-часовым поѣздом.

— А почему? Вѣдь мама вас пригласила обѣдать. И Дзидза ей помогает. Развѣ у вас есть в городѣ спѣшное дѣло?.

— Будто два объектива удивительнаго живого бинокля, — подумал Николай, увидѣв направленный на него вопросительный взгляд. — Хотя, почему бинокль? Это грубо... Скорѣе — два круга, вырѣзанные в ярком голубом небѣ...

Он кашлянул и нерѣшительно проговорил:

— Да я то с удовольствіем. Но просто — боюсь вам надоѣсть.

— Ну, что вы! Нам так пріятно. Мы все время одни. А ваши родственники почему-то стали относиться недружелюбно. Очевидно из-за того, что обѣд готовим отдѣльно.

— А вы не обращайте вниманія! — Николай уже пришел в себя от двух кругов, вырѣзанных в небѣ, и оживился. — Имѣйте в виду, что они вообще ни с кѣм не уживаются. Хорошо, спасибо, я останусь. Только сейчас еще рано... Может быть, хотите, пройдемся по военной дорогѣ?

— Конечно, идемте.

Они двинулись по шоссе, обогнули ближайшій холм, гдѣ находились послѣднія дачи, и вошли в лѣс. Молодая листва уже распускалась, покрывая вѣтви зеленой фатой. Гигантскіе грабы и буки высились по обѣим сторонам, поднимаясь по склонам, заросшим лавровишней и рододендронами. Кое-гдѣ ліаны сплетали деревья своими сѣтями, ползли в гору, обволакивая собою кустарник. В глубинѣ лѣса, вдали, сквозь просѣку ярко свѣтились на солнцѣ холмы чайной плантаціи чаквинскаго Удѣльнаго имѣнія. Дорога становилась все хуже и хуже. Бревна, перекинутыя через ручьи, замѣняли мосты; Николаю часто приходилось помогать Кирѣ обходить лужи, перебираться с одной стороны ручья на другую.

— Совсѣм не такая, как Вѣрочка, — думал он. — Та сама первая перескочила бы. А эта — безпомощная, нѣжная.

Вскорѣ дорога стала такой сырой, что пришлось повернуть назад. Тверцову очень не хотѣлось уходить: тут таинственный полумрак, все — дико, молчаливо; остальные люди далеко. Так чудесно ощущать, что кругом — никого, только они вдвоем. И эти громадныя деревья дѣлают их такими маленькими, будто дѣтьми, которых за руку ведет неизвѣстно куда кто-то. И как жаль, что больше не будет по пути того милаго бревна, с котораго она соскакивала, положив ему руки на плечи...

Во время обѣда Дзидза сидѣла за столом вмѣстѣ со

всѣми. Вначалѣ она от этого долго отказывалась, ссылаясь на то, что ей нужно хлопотать на кухнѣ; однако Екатерина Павловна так любовно ее уговаривала, что та, наконец, согласилась. Когда общая бесѣда завязалась, Володя авторитетно стал развивать мысль о том, что турецкая армія не в состояніи взять такую сильную крѣпость, как Батум. Екатерина Павловна во время рѣчи сына испуганно поглядывала на дверь, ведущую в комнату Суриных, и, наконец, шопотом проговорила:

— Володя, тише, голубчик. Они, может быть, спят.

— Что? Спят? — пренебрежительно сказала Дзидза. — Пускай проснутся!

— Да, но все-таки...

— Можно спать в другое время! Что им дѣлать цѣлый день? А если не нравится, могут искать другой дом. Или поѣхать в Поти. Теперь всѣ туда ѣдут.

— Кирочка, слышишь? А развѣ опасность дѣйствительно такая большая? — обратилась Екатерина Павловна к Николаю.

— В настоящее время трудно сказать, — уклончиво отвѣтил тот. — Но всего слѣдует ожидать. Вот, скажу по секрету, служащій в штабѣ мой пріятель поручик Лосев сегодня как раз отправлен в важную командировку на рѣку Чорох, чтобы выбрать позиціи для отпора туркам. Очевидно, событія могут развиться.

— Хорошо, что он взял с собой Вѣрочку, — вмѣшалась в разговор Дзидза. — А то Вѣрочка скучает и все ходит за тобой, Коля.

— А Вѣра... Вѣрочка ваша двоюродная сестра, кажется? — безразличным тоном спросила Кира.

— Да, двоюродная. А затѣм, — обратился Николай к Екатеринѣ Павловнѣ, — я в самом дѣлѣ слышал, что мѣстныя власти отправляют в Поти на пароходѣ всѣх желающих эвакуироваться.

— Да что вы? — Екатерина Павловна тревожно посмотрѣла на дочь.— В таком случаѣ, Кирочка, может быть и нам ѣхать?

— Нѣт, мама. Довольно ѣздили. Я никуда больше не двинусь.

— И я тоже, — поддержал сестру Володя. — Будь увѣрена, что турки не будут здѣсь.

— А если будут, Володенька? Вѣдь, тут, на дачѣ, мы беззащитны. Мужчин нѣт, однѣ женщины.

— То-есть, как? А я? — Володя обидѣлся. — Пусть кто-нибудь посмѣет напасть!

— Тише, Володя. Не так громко!

— Не бойся, барыня, — успокоительно сказала Дзидза. — Турки хорошіе люди. Они зарѣжут мало народа.

— Да, но когда они будут брать Батум...

— Я думаю, что в этом случаѣ вы на время можете переѣхать к нам в город, — предложил Николай. — Как-нибудь потѣснимся. Я вам и Кирѣ Андреевнѣ уступлю свою комнату, а мы с Володей помѣстимся в подвалѣ.

— Это правда, — подтвердила Дзидза. — Так можно сдѣлать.

Обѣд окончился. Екатерина Павловна ушла в свою комнату. Дзидза убрала все со стола и в сопровожденіи Володи отправилась на кухню.

— Может быть вы мнѣ покажете ваши записи с результатами внушенія? — оставшись вдвоем с Кирой, спросил Николай.

— А у вас есть настроеніе?

— Разумѣется.

Она принесла картонную папку, вынула оттуда нѣсколько тетрадей и стала объяснять, как разгруппирован у нея матеріал.

— А сколько у вас всѣх человѣк?

— Около тысячи двухсот.

— Не мало! Очень цѣнная вещь.

— Вот, просмотрите эту тетрадь. Здѣсь перципіенты распредѣлены на двѣ категоріи: на мужчин и на женщин. Оказывается, женщины, которым я сама лично внушала, поддаются внушенію гораздо больше, чѣм такіе же мужчины. А тут — распредѣленіе по возрасту: дѣти и старики больше угадывают, чѣм люди средних лѣт.

— Очень интересно, очень. — Николай стал перелистывать тетрадь. — Жал только, сеансы короткіе: всего сто вопросов.

— Да, я стѣснялась. Нельзя заставлять перципіентов долго подвергаться опыту.

— Скажите пожалуйста! Ради науки можно пожертвовать временем.

— А вы бы, напримѣр, пожертвовали?

— Конечно. Хотя бы на пятьсот вопросов.

— А хотите — устроим сеанс сейчас?

— Пожалуйста.

Ему это предложеніе было очень пріятно; но в то же время охватила тревога. Наука наукой, но в теченіе опытов нужно смотрѣт прямо в лицо Кирѣ, и не только в лицо, а в глаза. Как с этим справиться, чтобы научность не пострадала?

— Приготовленія очень несложныя, — сказала она, раскладывая на столѣ чистые листы бумаги, карандаши и колоду карт. — Нужно только вписать в общій список фамилію перципіента, его возраст и поставить номер. Ваш будет 1213. Конечно, сразу пятьсот вопросов мы сегодня пройти не успѣем, разобъем на нѣсколько сеансов.

Она сѣла за стол против него, взяла наудачу десять карт и раздвинула их в рукѣ вѣером, как будто для какой-то игры.

— Как вы знаете, я беру обычно десять карт, а не меньше, чтобы перципіент случайно не запомнил, с какой стороны какая. Ну, сосредоточьтесь. Смотрите мнѣ в глаза.

Он собрался с духом и честно, научно, посмотрѣл ей в лицо.

— Нѣт, нѣт, не на ухо, а в глаза. Нужно, чтобы условія опыта были всегда одинаковыя. Вот так. Теперь я внушаю.

Она взглянула на часы, посмотрѣла на одну из карт и впилась в Николая взглядом.

— Красная или черная?

— Кр...асная.

— Отмѣтим. Теперь... Красная или черная?

«Нѣт, это — мученіе, — со страхом подумал он. — Что со мной дѣлается? Нужно взять себя в руки!...» — Черная.

Голос его дрогнул.

— Так. Красная или черная?

— Черная.

— Черная или красная?

— Черн...аеная.

Сколько времени тянулась эта сладостная пытка, Николай не отдавал себѣ отчета. Казалось, что время идет и чрезвычайно быстро, и черезчур медленно. С одной стороны было ощущеніе, что для науки происходит нѣчто позорное, с чѣм надо покончить; а с другой стороны охватывала боязнь, что настанет момент, когда все это ужасное кончится.

«Как недобросовѣстно! — с отчаяніем думал Николай. — И что самое предательское это — радужная оболочка. смотришь на бѣлок, еще ничего. Эта часть глаза, правда, тоже замѣчательная — чуть бѣлѣе блестящей слоновой кости, ни одной жилки. Но ирис, и внутри черный зрачек! Почему такое сіяніе? Как будто во всѣ стороны расходятся особые свѣтовые лучи...»

— Черная! Красная! — слышал он как будто издалека свои собственные отвѣты. И наряду с этим с испугом ощущал, как в его лѣвом боку кто-то стучался в грудь, точно спрашивая, можно-ли войти. Какое безобразіе: сердцебіеніе!

— Я думаю, слѣдовало бы сдѣлать перерыв, — стараясь улыбнуться, изнеможенно проговорил Николай.

— А что? Устали?

— Вниманіе немного притупилось.

— Хорошо, прекратим на время.

— А сколько вопросов вы уже задали?

— Всего сорок пять.

— Так.

Кира заглянула в свои записи и загадочно усмѣхнулась.

— Как только отдохнете, скажите.

— Да я, пожалуй, уже отдохнул. Начинайте.

Когда она, наконец, положила на стол карты и объявила, что сто вопросов уже прошло, Николай не сразу сообразил, в чем дѣло. Он сидѣл неподвижно, продолжая глядѣть на нее; смотрѣл на ея волосы возлѣ ушей, на щеки, покрытыя легким румянцем, на двѣ веселыя складки с обѣих сторон рта.

— Сто? Отлично. Значит — остальное потом.

Николай встал, прошелся по комнатѣ, посмотрѣл в окно на стоявшую возлѣ дома пальму хамеропс и увидѣл на чешуйчатом стволѣ искрящійся голубой круг. Перевел взгляд на большую камелію над обрывом, — и в густой листвѣ обнаружил уже не один такой круг, а два. И над камеліей, в сіющем небѣ, куда ни взглянешь, — круги, круги, круги.

— Это курьезно! — широко раскрыв глаза, сказала Кира. — Никогда у меня так не было. Вы знаете, сколько угадываній на сто? Всего сорок три! Хуже всякой теоріи вѣроятностей!

— Не может быть! — Николай покраснѣл.

— Ну, да! Посмотрите сами. Плюсов — сорок три, минусов — пятьдесят семь.

— Что же. Я вам говорил, что сто отвѣтов не могут дать настоящей картины.

— Да, конечно. А, кстати, когда вы можете пріѣхать для слѣдующаго сеанса?

— Как-нибудь на днях... Назначьте сами.

— Послѣзавтра хотите?

— Послѣзавтра? — Николай нарочно, из самолюбія, сдѣлал вид, что задумался, чтобы не сразу согласиться. — Хорошо, можно послѣзавтра.

Между тѣм, в комнатѣ уже давно появилась Дзидза, принесшая вымытую послѣ обѣда посуду. Она застала конец сеанса с картами и, доставая из шкапчика чашки, стаканы и блюдца для чая, удовлетворенно улыбалась; ей нравилось, что молодые люди развлекаются и все время смотрят друг другу в глаза.

— Вы что, уже кончили? — спросила она, подойдя к столу. — Можно давать чай?

— Да, Дзидзочка, — ласково отвѣтила Кира. — Позвольте, я вам помогу.

— А знаешь что, Дзидза? — весело сказал Николай. — Прежде чѣм пить чай, Кира Андреевна хочет продѣлать над тобой опыт. Садись.

Прежнее зачарованное состояніе у него уже прошло, смѣнилось радостным пріятным настроеніем.

— Зачѣм садись? Мнѣ некогда.

— А правда, милая Дзидза, присядьте, — дружески улыбаясь, поддержала Николая Кира. — Всего на четверть часа.

— Хорошо, четверть часа можно, — слегка колеблясь, согласилась Дзидза. — А что надо дѣлать?

Она присѣла к столу, польщенная тѣм, что с нею тоже хотят поиграть. Кира сбивчиво объяснила, в чем состоит опыт, взяла в руку карты и, глядя на новаго перципіента в упор, начала:

— Скажите: что я задумала? Черную карту, или красную?

— Не знаю, барышня.

— Но все-таки? Как вам кажется? Черную или красную?

Дзидза иронически усмѣхнулась.

— Ну, черную.

— Отлично. А теперь я задумала другую. Какая: красная или черная?

— Пускай черная. Мнѣ все равно.

— Великолѣпно. Второй раз угадываніе... А теперь: черная или красная?

— Красная. И это что? Такая игра?

— Нѣт, не игра, а серьезное дѣло. Какая теперь? Красная или черная?

— И так долго будет? Черная.

— Поразительно! Подряд все — угадыванія! Черная или красная?

— Нѣт, довольно, — встав с мѣста, рѣшительно за-

явила Дзидза. — Лучше в дурачки играть. А то что? Красная, черная...

Она вздохнула, с сожалѣніем взглянула на Киру и добавила:

— Ну, ничего, ничего. Замуж выйдешь, тогда все пройдет.

15.

Открывшаяся в Трапезундѣ Конференція высшаго турецкаго командованія и делегаціи Закавказскаго Сейма давала до середины марта кое-какую надежду на то, что Батумская область, вопреки Брест-Литовскому миру, останется в предѣлах самостоятельнаго Закавказья.

Но конференція тянулась; делегаты Сейма безплодно торговались с Вехиб Пашой о толкованіи брестскаго мира, о будущих взаимоотношеніях с Турціей; а турецкія войска, не встрѣчая почти никакого сопротивленія, уже захватили Ардануч, заняли на побережьи Макріалы и стали не спѣша подходить к столицѣ Аджаріи.

В один из этих тревожных дней Николай собирался утром ѣхать на дачу к Кирѣ на очередной сеанс. Но неожиданно в дверь его комнаты кто-то постучал. Вошел Лосев.

— Ты не занят сейчас?

— Нѣт. То-есть, собираюсь на поѣзд, но нѣкоторое время...

— Я тебя не задержу, сам тороплюсь. — Лосев сѣл в кресло, закурил. — У меня к тебѣ дѣло. Ты уже слышал про мобилизацію?

— Про мобилизацію? Нѣт.

— Штаб на-днях рѣшил произвести добровольный набор среди молодежи. Дѣло в том, что всѣ наши надежды на грузинскія части, отправленныя на фронт, рухнули. Эта публика при первом появленіи турок бросает оружіе и уходит с позицій. Если турки захотят, они могут легко занять не только нашу Область, но и всю Грузію. Недавно в Озургетах грузины производили смотр своим войскам,

предназначенным для охраны границ их республики; пригласили в качествѣ эксперта одного нашего русскаго генерала. И тот пришел к самым плачевным выводам. Батум, конечно, будет сдан. Но для престижа Крѣпости, которую мы до сих пор считаем русской, необходимо оказать нѣкоторое сопротивленіе. Ты подумай, какой позор: мы имѣем прекрасные опорные пункты — форты Самеба, Кохабери, Амидіе; беретовыя батареи — Бурун Табіе, Барцхана. Снарядов на складах Холодной Слободы вполнѣ достаточно. А между тѣм, защищать крѣпость некому — артиллерійская прислуга почти вся разбѣжалась. Если мы не примем крайных мѣр, всѣ форты и батареи сдадутся без боя.

— Да, печально... Значит, для спасенія положенія вы производите добровольную мобилизацію?

— Это громко сказать — для спасенія положенія. Но для спасенія престижа — да. Мы добровольцев спѣшно обучим, это нетрудно, так как будут, навѣрно, все люди интеллигентные, и приведем форты в дѣйствіе. Кое-кто у нас уже навербован. Молодые чиновники, студенты, гимназисты. Около тридцати уже есть, а нужно хотя бы сто.

— Так, так, понимаю. — Николай задумался. В головѣ у него печальной вереницей промелькнуло: папа, мама, Дзидза, Кира, сферическая астрономія с рѣшеніем вопроса о покрытіи неподвижных звѣзд луной... Голубые круги, похожіе на клочки неба или на расцвѣтающія гортензіи... Карты — черная, красная, сіяющій ожидающій взгляд...

— Разумѣется, запиши и меня, — подняв глаза на Лосева, твердо сказал он. — Только — когда нужно являться?

— Чѣм раньше, тѣм лучше. — Лосев дружески-ласково посмотрѣл на Николая. — Только, имѣй в виду, дорогой: все это совершенно добровольно. Если у тебя есть какія-нибудь соображенія против, или по нѣкоторым обстоятельствам не можешь, — не насилуй себя.

— У каждаго могут быть нѣкоторыя обстоятельства. Но это не важно.

— И потом, я знаю, как ты мало подходишь по своему характеру к военному дѣлу...

— И это не важно. Не хочу говорить тебѣ громких слов, но все-таки: по-моему не особенно прилично быть патріотом только тогда, когда ничѣм не рискуешь и ничего не теряешь. Воображаю я, как тебѣ тяжело оторваться от своей Рапсодіи!

Лосев встал с кресла и растроганно обнял Николая.

— Да, не легко, — грустно проговорил он. — Неоконченная Рапсодія!.. Сейчас мы всѣ какіе-то неоконченные. Такое подлое время. Ну, я пойду. А ты когда явишься в штаб для записи?

— Сегодня вечером. Не поздно?

— Разумѣется. А теперь, до-свиданья. Я еще на минуту загляну к Вѣрѣ. С Богом, дорогой. Между прочим — я в тебѣ и не сомнѣвался, когда шел сюда.

Кратковременный визит Лосева в корнѣ измѣнил настроеніе Николая. С какой радостью он готовился ѣхать на дачу, и вдруг, — все стало иным. Наступят тревожные дни осады Крѣпости; придется имѣть дѣло с орудіями, с казарменной обстановкой. А тут, дома, огорченіе для родителей, протесты Дзидзы. И, что обиднѣе всего — разлука с Кирой. Как он будет теперь с нею встрѣчаться?

Не успѣв сообщить домашним о своем рѣшеніи, Николай отправился на вокзал и через три четверти часа уже был на дачѣ. С напускной веселостью поздоровался он со Струговыми, поговорил сначала о дѣлах, о том, что отец его в виду неопредѣленнаго положенія рѣшил временно отложить работы на плантаціи; а затѣм, как будто-бы между прочим, с иронической улыбкой объявил, что в качествѣ добровольца-солдата поступает в крѣпостную артиллерію и будет защищать город от турок.

Екатерина Павловна перепугалась; она вполнѣ правильно учла, что при мобилизаціи таких защитников, как Тверцов, крѣпость обязательно должна пасть. Кира искренно огорчилась, узнав, что Николай теперь не в состояніи ѣздить на дачу; а что касается Володи, то тот сам поднял вопрос о своем поступленіи в добровольцы.

— Если мнѣ не позволят стрѣлять из пушки, — сказал он, — я попрошу дать мнѣ работу с прожектором. Это и не трудно и интересно: направлять лучи в разныя стороны.

— Да ты что: с ума сошел? — со страхом возразила Екатерина Павловна. — Какой ты доброволец, если еще не окончил гимназіи?

— Гимназія тут ни при чем. А я сильный, я все могу. Вѣдь гимназистам не запрещается записываться, Николай Петрович? — обратился Володя к Тверцову.

— Конечно, нѣт. В спискѣ добровольцев уже числится нѣсколько гимназистов.

— Нѣт, нѣт, все равно не пущу! — Екатерина Павловна разнервничалась. — Ты несовершеннолѣтній! Я имѣю право тебѣ запретить!

— В таком случаѣ я просто убѣгу от тебя. Ты же не будешь вмѣстѣ с турками осаждать форт, чтобы взять меня оттуда домой!

На глазах матери показались слезы. За столом воцарилось тягостное молчаніе. Затѣм Кира встала со своего мѣста, подошла к Екатеринѣ Павловнѣ, поцѣловала ее и спокойно проговорила:

— Мамочка, не волнуйся. По-моему, если он хочет итти, ему не надо препятствовать. Бог даст, все кончится благополучно.

— Разумѣется, — подтвердил Николай, стѣснявшійся первым вмѣшиваться в спор. — Вы увидите, Екатерина Павловна, что никакой опасности нѣт. Вѣдь мы с Володей идем не в пѣхоту, а в артиллерію.

Послѣ долгих разговоров Екатерина Павловна, наконец, согласилась. Особенно повліяло на ея согласіе то, что Николай предложил им переѣхать в городской дом, куда Володя будет каждый день приходить с форта послѣ ученія. Что же касается самого Володи, то он уже чувствовал себя героем даже сейчас, до участія в артиллерійском бою. Он с видом знатока стал говорить об орудіях, о калибрах, о наводкѣ, о прицѣлах; снисходительно спросил Николая, дадут ли ему форму вольноопредѣляющагося, принимая

во вниманіе его образованіе; а затѣм стал обсуждать с матерью вопрос о переѣздѣ в город.

— Ну, что, Николай Петрович, сегодня, навѣрно, не будем устраивать сеанса? — нерѣшительно спросила Кира, оставшись с Тверцовым вдвоем, и взяв в руку колоду карт.

— Как хотите.

— А у вас есть желаніе?

— Ну, конечно. А затѣм поѣду назад. Нужно быть вечером в штабѣ.

— Очень хорошо, что вы рѣшили принять участіе. Ну... Черная или красная?

— Красная. Значит, вы одобряете?

— Вполнѣ. Красная или черная?

— Черная. Воображаю, что поднимется дома, когда я сообщу об этом. И мама начнет плакать и отговаривать, и Дзидза. Онѣ меня очень любят.

— В таких случаях не всѣ тѣ, которые любят, непремѣнно отговаривают. Черная или красная?

— Да, разумѣется, бывают такіе, но рѣдко. Простите: черная.

— Я этот отвѣт не запишу, так как вы отвѣтили не подумав. А мнѣ во время войны часто приходило в голову: как много напряженной любви образуется в тылу, когда массы близких людей сражаются на фронтѣ! Вѣдь, у каждаго воюющаго остаются родные, близкіе. Всѣ эти оставшіеся страдают, тоскуют, безпокоятся. Весь тыл, можно сказать, в эти времена охвачен любовью. Красная или черная?

— Черная. А это интересно, что вы говорите. Конечно, на форту не много риска; но мнѣ будет пріятно, что обо мнѣ вдали кто-то безпокоится, связан со мною душевной близостью.

— Я не знаю, какія у вас отношенія с родителями. Но, например, Дзидзу и вас я наблюдала. Вы так нѣжны с нею. А она буквально вас обожает.

— Да, с Дзидзей у нас замѣчательныя отношенія. Она, дѣйствительно, для меня в родѣ второй матери.

— А скажите... Хотя это и наивный вопрос, но... впрочем... Красная или бѣлая?

— То-есть, кто бѣлая?

— Я хотѣла сказать — черная. Нѣт, я хотѣла задать вопрос: вы ради Дзидзы пожертвовали бы жизнью?

— Ради Дзидзы? Конечно.

— Ну, а ради родителей?

— И ради родителей.

— А еще есть много у вас таких, за которых не жаль умереть?

— К сожалѣнію, мало. Очевидно, я эгоист. Вот, есть еще... два гимназических товарища. Я их очень люблю. И это, кажется, все.

— Все? Так. Простите, что я глупо вмѣшиваюсь. Даже безтактно. Значит, продолжаем. Черная или...?

— Погодите. Я сказал: все. Но это не все.

— А что еще?

Николай опустил глаза и, с усиліем преодолѣвая что-то, невнятно выговорил:

— Есть еще один человѣк...

— Далеко?

— Близко.

— Очевидно, сеанс у нас сегодня не удастся, — смущенно глядя на стол и собирая карты, сказала она. — Вмѣсто этого, если хотите, пройдемтесь к морю.

16.

Струговым не понадобилось сразу перебираться в город. Записываясь добровольцем, Володя получил временное разрѣшеніе ночевать дома и пріѣзжать на ученіе с утренним поѣздом. Так же, как и Николай, он попал на форт Кахабери, находившійся в нѣскольких километрах от города. Ему дали со склада казенную солдатскую форму и позволили, как и студентам, носить погоны вольноопредѣляющагося.

Что же касается Николая, то рѣшеніе его стать доб-

ровольцем не вызвало дома особеннаго испуга ни в ком, кромѣ Дзидзы. Отец горделиво одобрил сына; мать, прослезившись, нѣжно его поцѣловала; Вѣрочка восторженно стала поздравлять. А что касается Дзидзы, то та сначала вздумала сопротивляться, но затѣм, видя безполезность увѣщеванiй, стала плакать, проклиная войну, турок, большевиков, а заодно и военное начальство, которое до того пало, что не могло обойтись без ея худого и слабосильнаго Коли.

— Ты что? Ночью спать будешь там? — сквозь слезы разспрашивала она Николая.

— Да. Только не безпокойся. Иногда в свободное время буду приходить домой.

— Свиньи какiя! Всѣх простых солдат отпустили, а ученаго студента берут! Я сама пойду с тобой туда, посмотрю. Нужно для тебя взять тюфяк и одѣяло.

— Нѣт уж, пожалуйста. Никаких тюфяков.

— Ты не возьмешь, я возьму. И потом — нужно тебѣ примус. Кофе, чай сдѣлать. Туфли тоже для ночи. И это самое... Генерала под кровать.

— Послушай... Ты с ума сошла? Позорить меня думаешь?

Николай возмутился. Но затѣм, взглянув на заплаканное лицо кормилицы разстрогался. — Пойми, милая, — уже мягко добавил он, — я вѣдь не на дачу отправляюсь, а в крѣпость!

В один из ближайших дней утром вся семья Тверцовых вышла на улицу провожать Николая. Несмотря на протесты своего питомца, Дзидза твердо рѣшила проводить его до самаго мѣста службы, захватив с собой два куля с какими-то вещами. Вѣрочка тоже выразила желанiе пойти с ними. Трогательно попрощавшись с родными, Николай, в формѣ волноопредѣляющагося, с походным мѣшком за спиной, двинулся в путь. Вѣрочка шла с одной стороны, Дзидза — с другой.

Подойдя к базару Нурiе, они натолкнулись на огромную толпу. Посреди нея стоял грузовик, заполненный членами мѣстнаго Совѣта рабочих и солдатских депута-

тов. Один из этих субъектов, в растерзанной солдатской шинели, без пояса, держал рѣчь к народу, призывая слушателей подчиниться брест-литовскому договору.

— Довольно угнетать турок! — восклицал он, обращаясь в разныя стороны. — Россіи ничего чужого не надо! Батум был турецкій, пущай турки его и берут! У нас много своих городов! Это капиталистам надобно захватывать, что плохо лежит! Совѣтской Россіи достаточно своей земли, чтобы строить счастливый соціализм!

Солдат продолжал развивать эту мысль. Протискиваясь сквозь толпу со своими тюками, Дзидза остановилась возлѣ грузовика, прослушала нѣсколько фраз, злобно посмотрѣла наверх на оратора, на окружавших его и громко выбранилась:

— Ах ты, сволочь паршивый!

— Дзидза!.. — испуганно зашептал Николай, ухватив кормилицу за локоть и оттягивая ее от грузовика. — Замолчи, прошу тебя.

— Чего замолчи? — продолжала, не унимаясь, Дзидза. — Пускай он замолчит! Батум отдавать туркам? Вонючій ишак! А у тебя дом в Батуме есть? А земля есть? Ты отсюда убѣжишь как крыса, а мы останемся работать у турков, как муши? Воевать боишься, буйвол проклятый? Деньги от турков получил?

— Вѣрно, мадам! Правильно! — раздались вокруг одобрительные голоса. — Долой! Шпіон! Мошенник!

Подталкивая Дзидзу в спину, Тверцов выбрался, наконец, из гущи толпы и двинулся по направленію к форту.

— Молодец Дзидзочка, — радостно проговорила Вѣра, любовно взглядывая на свою спутницу, которая хмуро и в то же время величественно шла рядом. — Вы храбрая женщина! Браво!

— Зачѣм храбрая, когда правда?

Они пересѣкли желѣзную дорогу, миновали предмѣстье города с маленькими невзрачными домишками и направились к ближайшим холмам, среди которых протекал поток Соук Су. Пыльная пригородная дорога окончилась, влилась в широкое шоссе возлѣ холма. Перед тѣм, как

подниматься на форт, Дзидза предложила отдохнуть на ближайшей лужайкѣ и закусить.

— Скажи, Коля, — сидя на травѣ и угощая своих спутников буттербродами, тревожно спросила она. — А ты будешь стрѣлять из пушки, или из ружья?

— Из пушки.

— А в тебя бомба не может попасть?

— Почему же она попадет в меня? Вѣдь я буду стрѣлять в непріятеля, а не в себя.

— Все равно. Если ты не умѣешь, она не будет знать, куда попадать. Пожалуйста, будь осторожным. А кто у тебя здѣсь будет начальник?

— На форту? Капитан Степанов.

— Степанов? Это что — рыжій такой?

— Да.

— Знаю его. Он у папы был нѣсколько раз, у него тоже дача есть, тоже мандарины сажает. Вот это хорошо. Когда мы придем туда, я ему скажу, чтобы он за тобой смотрѣл. И чтобы позволил вечером приходить домой спать. Зачѣм тебѣ ночевать на горѣ? Ты навѣрно не только ночью, и днем в турков не попадешь.

— Дзидза, я категорически прошу тебя не вмѣшиваться и ни о чем со Степановым не говорить!

— Я и ничего не буду, только немножко скажу.

— И немножко не смѣй, слышишь?

Поспорив еще нѣкоторое время с Дзидзой, Николай безнадежно махнул рукой и поднялся на дорогу. Солнце стояло уже высоко, становилось совсѣм жарко. Вокруг, на равнинѣ, цвѣли в садах фруктовыя деревья, зеленѣли огороды; ближайшіе холмы окутались молодою листвой. Легкій пар колебал очертанія далеких гор. На шоссе было пустынно; изрѣдка пройдет с визгом и скрипом аджарская арба, или промчится военный автомобиль.

Николай разсѣянно посмотрѣл вдоль шоссе в сторону форта и, вдруг, насторожился. Навстрѣчу ему медленно двигалась небольшая группа солдат, а немного в сторонѣ от нея шел какой-то господин в штатском костюмѣ, фигура котораго показалась знакомой. Когда всѣ они прибли-

зились, Тверцов узнал в штатском господинѣ Махмуда Бекирова.

— Коля, ты?

Бекиров сдѣлал радостное лицо, остановился.

— Какое нахальство! — подумал Николай, замѣтив открыто висѣвшій на ремнѣ перекинутый через плечо Бекирова фотографическій аппарат. — И почти рядом с солдатами идет, навѣрно подслушивает!

— Как видишь... — Николай смущенно протянул Махмуду руку. — Здравствуй.

— Так нам с тобой и не удалось до сих пор встрѣтиться, — весело продолжал тот, быстрым взглядом окидывая сидѣвших на травѣ Дзидзу и Вѣрочку. — Я как-то к тебѣ заходил на квартиру, но мнѣ сказали, что ты уѣхал на дачу.

— Да? Очень жаль. А это что? Аппарат? Фотографіей занимаешься?

— От нечего дѣлать иногда виды снимаю.

Нѣкоторое время оба молчали. Затѣм Тверцов, покосившись в сторону своих спутниц, тихо проговорил:

— Вот что, дорогой мой. Давай пройдем немного вперед, мнѣ нужно наединѣ тебѣ что-то сказать.

— Да? Отлично. А в чем дѣло?

— Сейчас узнаешь.

Они прошли по шоссе нѣсколько десятков шагов. Николай взял Бекирова под руку и, продолжая идти, грустно заговорил:

— Вот что, Махмуд. Брось ты это дѣло. Прошу тебя!

С лица Бекирова сошла улыбка.

— То-есть... какое дѣло?

— Ты сам отлично знаешь, какое. Я понимаю: ты турок и не можешь не сочувствовать своим. Это естественно. Но ты, голубчик, все-таки, жил с нами, учился у нас. Кромѣ добра от русских ничего не видал. И что же теперь дѣлаешь? Вѣдь ты мог бы просто уѣхать в Турцію, поступить в вашу армію, куда-нибудь на службу. А вмѣсто этого взялся за этот дурацкій опереточный шпіонаж!

— Как? Я?

Бекиров хотѣл было изобразить на лицѣ негодованіе. Но, почувствовав в словах Николая вмѣсто непріязни искреннее расположеніе, растерялся.

— Шпіонаж? — нерѣшительно пробормотал он. — Какой? Гдѣ?

— Не притворяйся, брат. Имѣй в виду, что мнѣ случайно извѣстно, как вы собирались в усадьбѣ возлѣ нашей плантаціи. Затѣм этот аппарат. Подслушиваніе разговора солдат... И, главное, для чего? Вѣдь вы и так отлично знаете, что войск у нас нѣт, подкрѣпленій ждать неоткуда. К чему же комедія?

— Все это какія-то странныя фантазіи, — нѣсколько овладѣв собой, пренебрежительно проговорил Бекиров. — Что за усадьба? Ничего не понимаю. Надѣюсь, ты не думаешь доносить на меня в контр-развѣдку.

— Разумѣется нѣт. Потому-то и разговариваю с тобой начистоту. Если бы сейчас велась настоящая война между Россіей и Турціей, дѣло другое. Но в данном случаѣ событія от твоей работы все равно не измѣнятся. А что дал бы донос? Если тебя разстрѣляют наши, то затѣм придут ваши и разстрѣляют меня, даже моих родителей; значит нам придется заранѣе бѣжать. Таким образом и тебѣ будет плохо, и нам, а выгоды никому: ни Россіи, ни Турціи. Поэтому, милый мой: обѣщай, что прекратишь эти глупости! Иначе в каком я оказываюсь положеніи? Логика говорит, что придавать твоему шпіонажу значенія не слѣдует, а патріотическій долг требует, чтобы я сообщил о тебѣ военным властям. Махмуд, уѣзжай! Сдѣлай это для меня!

— Куда уѣзжать? Странно...

— В Трапезунд. В Тифлис. Куда хочешь. Только не оставайся здѣсь, чтобы меня не мучила совѣсть. Вѣдь мы же с тобой старые пріятели! Ну? Как?

Бекиров с удивленіем разглядывая Николая. Он мог ожидать всего: и угроз, и упреков, но милаго дружескаго тона в связи со шпіонажем никак не ожидал.

— Нѣт, ты, дѣйствительно, удивительный тип. —

растроганно произнес он, кладя руку на плечо Тверцову. — Никогда такого человѣка не видѣл. Конечно, всѣ твои подозрѣнія ни на чем не основаны. Все это — глупости... Но, если ты мнѣ не вѣришь в прошлом, то повѣрь в будущем: я обѣщаю тебѣ полную лойяльность по отношенію к вам до самаго конца военных дѣйствій.

— Даешь честное слово?

— Даю.

Николай пытливо взглянул в глаза Бекирову. Тот спокойно и честно выдержал его взгляд.

— Я тебѣ вѣрю, Махмуд. Спасибо. Значит — моя совѣсть может быть совсѣм спокойна?

— Совсѣм, Коля. Клянусь.

Тверцов порывисто обнял товарища, крѣпко пожал ему руку. Он ясно почувствовал, что Бекиров не лжет: этот турок в гимназіи всегда слыл за гордаго, но очень честнаго человѣка. И Николаю было особенно пріятно сейчас, что без всякаго конфликта и без всяких угроз ему удалось ликвидировать подобный вопрос таким необычным путем.

Поговорив с Махмудом еще нѣсколько минут и дружески с ним разставшись, Тверцов вернулся на лужайку к своим спутницам. Выйдя на шоссе, всѣ трое вскорѣ достигли холма, стали подниматься по извилистой дорогѣ и дошли, наконец, до форта.

— Мадам, сюда посторонним нельзя, — вѣжливо сказал у ворот Дзидзѣ молоденькій солдат с интеллигентным лицом, очевидно из добровольцев.

— Почему нельзя? — обидѣлась Дзидза. — Я вещи несу.

— Дзидза, не возражай, — недовольно проговорил Николай, пытаясь вытянуть из ея руки один из больших свертков. — Вы с Вѣрочкой подождете здѣсь, а я все отнесу сам. Вот мое свидѣтельство, — любезно обратился он к солдату.

— Да, да, пожалуйста, — быстро пробѣжав глазами бумагу, отвѣтил тот. — Проходите, будьте добры. Мнѣ очень жаль, что дамам вход воспрещается, кромѣ сестер

милосердія, — сказал он, повернувшись к Вѣрочкѣ, — но ничего не подѣлаешь: осадное положеніе.

— А ты сам кто? — внимательно вглядываясь в дневальнаго, спросила Дзидза. — Амбарцунов?

— Амбарцунов, мадам.

— Гришка? А! Вот ты гдѣ? Нѣсколько лѣт назад в меня камни кидал, а теперь солдат? Идем, господа, всѣ! Будем мы Гришку слушать! Ну, ну, ты мнѣ ружье не совай, я тебя не боюсь.

Дзидза оттолкнула своим тюком ружье, загородившее ей вход в ворота, и побѣдоносно вошла внутрь, направляясь к расположенным недалеко казармам. Николай растерялся. Вѣрочка с веселой улыбкой остановилась у ворот, не рѣшаясь войти. А солдатик сконфуженно опустил к землѣ ружье и нерѣшительно проговорил:

— Ну, что дѣлать. Если она прошла, проходите и вы, мадемуазель. Все равно воинскій устав нарушен.

Вѣрочка, однако, отказалась воспользоваться подобным предложеніем, чтобы не подводить дневальнаго, и обѣщала Николаю подождать здѣсь. Пока Тверцов являлся начальству, Дзидза в его отсутствіе сама рѣшила выбрать в казармѣ помѣщеніе для своего питомца. Без стѣсненія проникнув внутрь, она своим появленіем произвела немалый переполох среди находившихся там солдат и навела панику даже на дежурнаго фейерверкера, осмѣлившагося нерѣшительно спросить, что ей здѣсь надо. Держа в руках свои кули, она с презрительным видом обошла большія неуютныя полутемныя комнаты с маленькими квадратными окнами, громко выражала свое недовольство свѣшивавшейся с потолка паутиной, грязными сѣрыми стѣнами, дырявым досчатым полом, отдала робко слѣдовавшему за ней фейерверкеру распоряженіе вымыть в окнах стекла и, наконец, остановившись, опустила оба свои тюка на пол.

— Вот эту кровать я беру, — рѣшительно произнесла она. — Здѣсь мѣсто чище и дуть не будет. Только ты принеси мнѣ щетку, я подмету. Какой сор! Если бы я знала, я моего Колю не пустила сюда. А ну, покажи, ка-

кой тут тюфяк? Эй, ты! — обратилась Дзидза к одному из молодых солдат, с любопытством слѣдовавших за фейерверком, — подними с той стороны! Держи, я буду смотрѣть.

— Позвольте, мадам, — осмѣлился, наконец, спросить фейерверкер, — а у вас полномочія имѣются?

— Все имѣется. И персидскій порошок имѣется, и керосин. Вот! Уже один клоп! Свиньи! И другой! Отойди отсюда, я буду мазать! Вперед знала, что клопы есть!

Фейерверкер почесал за ухом и отошел в сторону. — Бог с ней, пусть хозяйничает, — в смущеніи подумал он.— Она грузинка, а комендант крѣпости, кажется, тоже грузин. А вдруг это — ея превосходительство, его супруга?

Дзидза очистила от насѣкомых тюфяк и желѣзную кровать, вымазала все керосином, постлала простыни, одѣяло, положила подушки, при общем смѣхѣ зрителей засунула под кровать ночную посуду и вышла, наконец, из казармы на площадку форта. Площадка была обширная, кое-гдѣ застроенная небольшими зданіями барачного типа. Из одного из них доносился гул от работы динамомашины. По краю форта стояли орудія, вокруг которых копошились новобранцы-добровольцы.

— Володя! — радостно крикнула Дзидза, увидѣв в отдаленіи возлѣ какой-то странной башенки гимназиста Стругова. — Иди сюда!

Стругов с удивленіем оглянулся, услышав женскій голос.

— Это я! Дзидза!

— А! Здравствуйте! — подойдя к ней, весело проговорил Володя. — Я, знаете, спѣшно изучаю прожектор. Очень интересно. Что прикажете?

— Ты не видѣл, гдѣ Коля?

— Нѣт. А он уже явился? Его, навѣрно, поставят на пушку Канэ. Прекрасныя пушки. Шесть дюймов, дальность дѣйствія — до 14 верст.

— Ты мнѣ это не говори, а пойди поищи. Скажи, что

кровать приготовила, чемодан закрыла ключем, чтобы никто не украл, а сейчас пойду к Вѣрочкѣ его ждать.

Дзидза ввела Володю в казарму, показала ему, гдѣ она приготовила Николаю постель, и пошла к воротам.

Вѣрочка долго ждала у входа. Сначала ходила взад и вперед по дорогѣ, собирая на склонах холмов первые весенніе цвѣты; затѣм, вернувшись к воротам, сѣла на камень, достала из сумочки записки Лосева, которыя тот присылал ей в послѣдніе дни, когда не мог зайти сам; перечитала их нѣсколько раз, подолгу останавливаясь на заключительных словах в родѣ «люблю» или «навѣки твой», что было ей очень понятно, но все-таки каждый раз при чтеніи вызывало новый интерес; а затѣм, вполнѣ насытившись чтеніем, нетерпѣливо стала смотрѣть в сторону двора.

Наконец, в воротах показалась Дзидза.

— Ну, что? — с любопытством спросила Вѣрочка. — Как там?

— Клопы!

— Непріятно. А помѣщеніе хорошее?

— Как наш подвал, еще хуже. Я завтра приду, принесу тряпку, чтобы окна помыть. А если клопы будут кусать, я Колю возьму домой ночевать. Как он может днем стрѣлять, когда ночью спать нельзя?

Пока Дзидза детально передавала Вѣрочкѣ свои впечатлѣнія, явились Тверцов и Володя. Николай заявил, что пришел на минуту, только попрощаться, так как сейчас начнется обученіе его группы. Попросив передать родителям, что все устроилось хорошо, он поцѣловал Дзидзу и Вѣрочку и собрался уже уходить, но Володя задержал его.

— Дорогая Аграфена Давидовна, — нерѣшительно спросил тот. — Вы не можете сдѣлать мнѣ одно одолженіе?

— А что тебѣ надо?

— Дѣло, видите-ли, в том, что сегодня до поздняго вечера у нас будут занятія, и я не попаду домой. Может

быть вы поѣхали бы на дачу и предупредили маму? А то она будет очень тревожиться.

— На дачу? — Дзидза задумалась. — Хорошо, можно.

— Погодите, господа, — вмѣшалась Вѣрочка. — Вам, Дзидза, не так легко собраться. А я сегодня свободна и с удовольствіем поѣду.

— Ах, я бы так был вам благодарен! — обрадовался Володя. — И передайте, пожалуйста, мамѣ, что я получил то, что хотѣл: работу с прожектором.

— Отлично. Обязательно передам.

— А Кирѣ скажи, что Коля ей кланяется и не забывает, — добавила со своей стороны Дзидза.

— Да, да, кланяйся и Екатеринѣ Павловнѣ и Кирѣ Андреевнѣ, — метнув на Дзидзу сердитый взгляд, подтвердил Николай.

Проводив гостей, оба молодых человѣка вернулись во двор форта.

— Ну, что? — идя по площадкѣ и дружески обняв Володю, спросил Тверцов, — вам нравится здѣсь?

— Очень, Николай Петрович! — Володя восторженно осмотрѣлся по сторонам. — Вы увидите, как я навострюсь наводить на непріятеля свѣт! Вы только правильно попадайте из орудій, и тогда — дѣло в шляпѣ!

17.

Около двух недѣль Николай, Володя и другіе добровольцы обучались на форту основам крѣпостной артиллеріи. Одни знакомились под руководством бомбардир-наводчиков с общим устройством орудій, с замком, с зарядами, со снарядами; другіе — с обязанностями спеціальной команды, занятой электрическими установками, телефоном, наблюдательными приборами, прожектором; с работавшим на нефти паровым двигателем, связанным с динамомашиной.

Попав туда, куда хотѣлось с самаго начала, — к

работѣ с прожектором, Володя был счастлив и горд, когда через нѣсколько дней послѣ поступленія на форт впервые навел вечером прожектор на город, на окрестные холмы и на горы. Под струей яркаго свѣта выступали из темноты то деревья, то скалы, то постройки, охваченныя серебряным холодным пожаром. Какое наслажденіе испытал он, направив свой гигантскій луч в сторону далекой дачи, гдѣ находились его мать и сестра! Вот, они увидѣли в окно сноп свѣта, идущій с форта, и не догадываются, что это он, Володя, шлет им привѣт. И живущая на сосѣдней дачѣ надменная институтка Катя, едва отвѣчающая на поклон при встрѣчѣ, тоже освѣщена. Она сразу измѣнила бы свое отношеніе, если бы знала, кто автор этого замѣчательнаго луча!

Во второй половинѣ марта, когда турки послѣ нѣкоторой остановки возобновили свое продвиженіе по Чороху к Борчхѣ, на батумских фортах и на прибрежных батареях началась усиленная учебная стрѣльба добровольцев. Торжественно ухнула одной из первых шестидюймовая пушка Канэ, к которой был приставлен Николай. Вслѣд за нею загрохотало такое же орудіе, у котораго находился мѣстный молодой акцизный чиновник Прутиков. Им величаво начали отвѣчать офицеры, студенты и гимназисты с форта Самеба, с батарей Бурунтабіе, Барцханы. А по вечерам и по ночам по небу двигались безпокойные сверкающіе лучи, прикрывая собой потускнѣвшія звѣзды.

Населеніе города вначалѣ впало в панику, считая, что непріятель уже подошел вплотную к Батуму. Но на слѣдующій день, когда стало извѣстно, что это всего навсего учебная подготовка, наступило значительное успокоеніе. Однако, кто мог, уже готовился к эвакуаціи. Властями города был снаряжен пароход для перевозки бѣженцев в Поти. К пристани потянулись повозки, дроги, фаэтоны, нагруженные корзинами и чемоданами. Владѣльцы нѣкоторых магазинов спѣшно укладывали товары для перевозки в Поти или в Тифлис. На улицах наблюдалось тре-

вожное оживленіе, на углах собирались группы обывателей, нервно обсуждавших создавшееся положеніе.

Сурины одни из первых забрались на пароход, захватив наиболѣе цѣнныя вещи и рукопись Глѣба Алексѣевича, оставив на храненіе нѣсколько чемоданов у Твердовых. Струговы собирались переѣзжать в город, но со дня на день откладывали переѣзд, зная от пріѣзжавшаго на дачу Володи, что пока еще непосредственной опасности нѣт. Сами Твердовы держались спокойно, рѣшив остаться на мѣстѣ; дядя Сережа и тетя Соня, наоборот, волновались, подумывали эвакуироваться; но Вѣрочка, рѣдко видѣвшая теперь Арсенія, твердо и холодно заявила родителям, что никуда не уѣдет.

В общем же настроеніе в доме было тяжелое. Николай за все время пришел домой только один раз, да и то на полчаса, заявив, что оставлять форт теперь неприлично; Вѣрочка запиралась одна у себя в комнатѣ, дѣлая вид, что читает; за столом была молчалива. Елена Антоновна чаще стала ходить в церковь, в ея спальнѣ перед образами все время горѣла лампада. Дядя Сережа от нервнаго возбужденія полѣвѣл в своих взглядах еще больше, раздражая Петра Николаевича по вечерам пространными разсужденіями о виновности царской власти во всем происходящем вообще и в наступленіи турок в частности. Но что касается Дзидзы, то та уже перестала волноваться, считая, что настоящей войны все равно не будет: турки, по ея мнѣнію, уже устали воевать, а защитники батумской крѣпости воевать не умѣют; поэтому ничего опаснаго ожидать не слѣдует.

Она довольно часто ходила на форт, относя Николаю пирожки или какое-нибудь сладкое блюдо, при чем дневальные у ворот, знавшіе эту строгую женщину, безпрепятственно ее пропускали, чтобы не вызвать на форту излишних осложненій. Каждый раз, отыскав Николая, она передавала ему пакет с продовольствіем и сообщала домашнія новости; разсказывала, как надоѣли всѣм своими просьбами и своей суетой Сурины, пріѣхавшіе с вещами

наканунѣ посадки на пароход; как нервничает дядя Сережа, который часто ссорится с папой из-за каких-то неизвѣстных русских мужиков; а один раз Дзидза привезла поклон от Струговых, у которых была, когда возила жалованіе Шакиру.

— Кира без тебя очень скучает, — многозначительно замѣтила она.

— И всегда ты что-то выдумываешь!

— Совсѣм не выдумываешь: она стала такая худая и блѣдная, что сразу видно любовь.

В послѣдній раз Дзидза пришла раньше обыкновеннаго, принесла очередной сверток с ѣдой и вмѣстѣ с тѣм вручила Николаю письмо.

— Вчера получили!

Тверцов с удивленіем повертѣл в руках конверт. Сначала пришла в голову радостная мысль: не от Кирыли? Но на штемпелѣ стояло слово «Тифлис». Письмо оказалось от Шалвы Микеладзе. Пріятель писал, что в ближайшій вторник пріѣдет на нѣсколько часов в Батум вмѣстѣ с военным министром Закавказской Республики, у котораго он работает в качествѣ помощника секретаря. Шалва просил встрѣтить его на вокзалѣ; а если Николая на перрон не пропустят, подождать у выхода со станціи. Министерскій поѣзд придет, навѣрно, утром, через час послѣ обычнаго пассажирскаго.

Письмо Шалвы очень обрадовало Николая. Жаль, конечно, что тот пробудет такое короткое время: нельзя как слѣдует поговорить. Но, что дѣлать! Нужно только на этот день получить от коменданта форта отпуск, а это непріятно. Николай терпѣть не мог манкировок своими обязанностями даже тогда, когда на это давалось офиціальное разрѣшеніе.

В указанный Шалвой день Тверцов рано утром явился домой, попросил родителей и Дзидзу приготовиться к тому, чтобы угостить хотя бы скромным завтраком его друга, если тот успѣет побывать у них, и отправился на вокзал. Там уже собирались представители военных и

гражданских властей. Чтобы не стоять долго у вокзальнаго подъѣзда, Николай сѣл внутри скромнаго ресторана, выходившаго на площадь, заказал кофе и стал смотрѣть в окно на прибывающих офиціальных лиц. Среди проходивших офицеров он увидѣл Лосева.

— Арсеній Васильевич! На минутку!

— А! Здравствуйте. Вы тоже ждете поѣзда?

— Да. Получил от коменданта отпуск.

Николай объяснил, почему явился сюда.

— Значит, ваш пріятель помощник секретаря министра? В таком случаѣ вы имѣете право встрѣчать его на перронѣ. К чему сидѣть здѣсь?

— Нѣт, нѣт, там в сборѣ все наше начальство. Неловко. При том, если спросят, объяснять надо. Вот, если можете, сдѣлайте мнѣ одолженіе: когда министр выйдет из поѣзда со своими сотрудниками, спросите, кто из них Шалва Микеладзе, и скажите ему, что я жду здѣсь, в ресторанѣ, на площади.

— Хорошо, с удовольствіем исполню.

Поѣзд, наконец, прибыл. Сквозь рѣшетчатый забор вокзала Тверцов увидѣл украшенный гирляндами паровоз, а впереди паровоза над буферами огромный плакат с надписью: «Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!»

Шалва спустился с подъѣзда вмѣстѣ с Лосевым. Замѣтив их издали, Николай вышел из ресторана, быстро пошел навстрѣчу.

— Ну, вот и он сам, — сказал Лосев, увидѣв Тверцова. — Теперь разрѣшите откланяться, я должен догнать начальника штаба.

— Страшно рад тебя видѣть! — расцѣловавшись с Николаем, весело заговорил Шалва. — Ну, как живешь? Мнѣ удалось отпроситься у министра на часочек. Дѣла масса. А это что? Почему ты в формѣ?

— Да вот, стал добровольцем. — Николай улыбнулся. — Поступил в крѣпостную артиллерію, собираюсь защищать Батум.

— Да что ты? Вот молодчина! Браво! — Шалва

дружески похлопал пріятеля по спинѣ. — Это я понимаю! Ну, давай устроимся гдѣ-нибудь. Хочешь, в ресторанѣ, хочешь — поѣдем к тебѣ.

— Конечно, ко мнѣ. Отсюда недалеко, десять минут.

— Погоди, чтобы не терять времени, возьмем фаэтон. Он, кстати, меня подождет. Между прочим, привез тебѣ от отца посылку. Вон, там стоит с нею курьер. Эй, Гиго! — крикнул Шалва, взбираясь в экипаж, — давай ящик сюда! Коля, садись. Ѣдем.

— Ну, а как Хачатуров? — спросил в дорогѣ Тверцов.

— Слава Богу. Просил тебя крѣпко обнять. Недавно его учрежденіе закрылось, но я его устроил в канцелярію Сейма. Мы с ним опять очень дружны, хотя нерѣдко и спорим.

— А милый Арчил Иванович как?

— Жив, здоров. Конечно, попрежнему ворчит на меня, но втайнѣ, все-таки, доволен, что я помощник секретаря министра. Даже хвастается перед знакомыми. Разумѣется, просил передать искренний привѣт. Вообще о тебѣ вспоминает всегда с большой нѣжностью, видно — искренно любит тебя. Да ты и стоишь того, дорогой мой. Но, как это ты стал военным? Астроном-артиллерист... Замѣчательно!

Они быстро доѣхали до дому. На звонок у параднаго входа вышла Дзидза.

— Вот, познакомьтесь, пожалуйста, — сказал Николай Шалвѣ. — Это моя Дзидза. Благодаря ея молоку я тоже до нѣкоторой степени грузин.

— Очень пріятно, — дружески протягивая руку, проговорил Шалва. — Навѣрно вы и теперь за ним присматриваете, неправда-ли? А то наш Николай совсѣм как новорожденный: ничего в жизни не понимает.

— Это вѣрно, — горделиво согласилась Дзидза. — Его нужно учить. А это что? Костюмы? Давай твой ящик.

— Нѣт, тут не костюмы, а разная ѣда, мадам. Маленькій подарок моего отца Колѣ и вообще всѣм вам.

— Зачѣм всѣм? Пускай только Колѣ! — Дзидза любовно приняла из рук Шалвы ящик и от тяжести чуть не уронила. — Хорошій маленькій! Пуд будет. А что в серединѣ?

— Да всякая всячина. Консервы, сладкое, сухіе фрукты, вино.

— Очень хорошо. Это я спрячу, буду тебѣ, Коля, в крѣпость приносить. Только тетѣ и дядѣ не говори, а то все полопают.

— Дзидза, что с тобой? Безобразіе! Ну, Шалва, идем.

Познакомившись с родными Николая, Шалва посидѣл нѣсколько минут в гостиной и затѣм был приглашен в столовую, гдѣ его ждал скромный завтрак.

— Послушай, а гдѣ ящик? — тихо спросил Николай Дзидзу, хлопотавшую возлѣ стола.

— Отнесла в свою комнату.

— Принеси сейчас же назад! И молоток дай, чтобы отбить крышку!

Благодаря посылкѣ Арчила Ивановича завтрак вышел на славу. Стол был заставлен закусками, о которых в домѣ Твердовых уже забыли. Появились сардины, шпроты, кильки, колбасы, маринованные грибы, ветчина, охотничьи сосиски. Дзида ходила вокруг стола и мрачно вздыхала. А Елена Антоновна и Петр Николаевич чувствовали себя даже неловко.

— Ну, к чему вы привезли такую массу! — смущенно говорила она, обращаясь к Шалвѣ. — Это уже слишком.

— Пожалуйста, пожалуйста, кушайте на здоровье, — радостно отвѣчал Шалва. — У вас это здѣсь рѣдкость, а мой отец в Тифлисѣ легко все достает.

Взглянув нѣсколько раз на Вѣрочку и замѣтив, что она очень хорошенькая, Шалва с воодушевленіем заговорил об ожидаемом в скором будущем экономическом расцвѣтѣ Закавказья, о проектах правительства развить в стремительном темпѣ тяжелую и легкую промышлен-

ность. А узнав от Петра Николаевича, что Батумская область может впослѣдствіи вытѣснить с рынка и китайскій чай и итальянскіе мандарины, отнесся к этому сообщенію чрезвычайно внимательно.

— Очень хорошо, очень, — авторитетно сказал он.— Вы увидите, мы общими нашими усиліями поднимем Закавказье на небывалую высоту. Вот, только, нужно отразить турок, и дѣло пойдет. Большевизм сам собой рухнет, турки отступят, и автономный Кавказ засіяет в лонѣ будущей Россійской Республики.

— Эх, хоть бы поскорѣй только! — со вздохом подхватил дядя Сережа. — Республиканскій строй, разумѣется, принесет быстрое оздоровленіе всему государству.

— Совершенно вѣрно, — согласился Шалва. — А особенно, если всѣ виды промышленности будут націонализированы.

— Націонализированы? — Дядя Сережа испугался. — Нѣт, почему націонализированы? Я не иду так далеко. Но, если мы достигнем уровня буржуазной Франціи, и то будет достаточно. Отвѣтственное перед народом правительство. Примѣненіе священных прав человѣка и гражданина...

Между дядей Сережей и Шалвой начался спор, грозившій затянуться до самаго отъѣзда гостя. Хотѣл было вмѣшаться в диспут и Петр Николаевич, но промолчал, чтобы не омрачать завтрака. Николаю пришлось потянуть своего друга за рукав и прервать нить его разсужденій.

— Господа, довольно об этом, у нас мало времени. Шалва, скажи лучше, как обстоят сейчас дѣла на нашем кавказском фронтѣ?

— И тогда хаоса в производствѣ не будет! — закончил Шалва свою реплику дядѣ Сережѣ. — А что ты говоришь, Коля? — обратился он к Николаю, — Как на фронтѣ? Да, трудно сказать, как. Ни то, ни се. Общая картина еще вполнѣ не вырисовывается.

— Но, все-таки?

— Ну, что же... В Карсской области армяне совмѣстно с остатками русских войск мужественно сопротивляются, хотя кое-что уже потеряли. В Баку дѣло дрянь: засѣли большевики. Азербейджанцы пытаются отбить город обратно, но пока безуспѣшно. Ну, а что касается вашего западнаго района, то ты сам, навѣрно, лучше знаешь. Мы все-таки в Тифлисѣ не ожидали, что аджарцы так откровенно станут на сторону турок, будут портить дороги, мосты. Скажу правду, у нас там создается впечатлѣніе, что командованіе вашей крѣпости вяло работает. Чорох прекрасно можно было использовать стратегически, строить опорные пункты. А турки уже подошли чуть ли не к Аджарисцхали!

— Да, положеніе не важное, — согласился Николай.

— А по-моему, командованіе крѣпости не виновато — вмѣшалась вдруг в разговор молчавшая до сих пор Вѣрочка. — По порученію оперативнаго отдѣленія мой жених недавно ѣздил вмѣстѣ со мной к Борчхѣ и прекрасно разработал весь стратегическій план: как остановить турок около впаденія в Чорох рѣки Мургул. Только одного плана мало. Надо, чтобы и войска были... А их нѣт. В этом командованіе не при чем.

Произнеся все это взволнованным прерывающимся голосом, Вѣрочка сильно покраснѣла. Но удержаться от возраженія она не была в состояніи: вѣдь обвиненіе гостя отчасти падало и на Арсенія.

— А что же. Принципіально вы правы, — любезно согласился Шалва. — Войска это, дѣйствительно, фактор. Вы говорите — ваш жених разработал? А разрѣшите узнать фамилію?

— Поручик Лосев.

— Поручик Лосев? Прекрасно. Я доложу об этой отвѣтственной работѣ министру и думаю, что автору плана будет выражена особая благодарность, или даже повышеніе в чинѣ.

— Ну, а подкрѣпленія будут, все-таки, посланы? — спросил Николай.

— Подкрѣпленія? Разумѣется. Они уже формируются. И очень успѣшно.

— А в каком количествѣ?

— О, дорогой мой, это военный секрет. Даже я точно не знаю. Во всяком случаѣ достаточно основательныя, чтобы быть спокойными за исход военных дѣйствій. А, кстати, голубчик: я очень огорчен, что тебя приняли простым вольноопредѣляющимся. Ты такой образованный, начитанный, гораздо выше многих других офицеров, а находишься почти на положеніи солдата. Хочешь — я попрошу командира корпуса, генерала Габаева, произвести тебя в прапорщики? Я с генералом хорошо знаком.

— Нѣт, нѣт, ради Бога, не надо! — Николай встревожился. — Я на форту нахожусь только около двух недѣль. Мнѣ неловко. И обидно будет другим добровольцам.

— А мы их тоже произведем. Это идея, я поговорю с генералом. Если война с турками продолжится еще пол года или год, не сидѣть же всѣм вам на солдатском положеніи! Тѣм болѣе, что в осажденной крѣпости полагается мѣсяц считать за год.

Шалва достал из кармана записную книжку, записал туда фамилію Лосева, затѣм взглянул на часы и тревожно покачал головой.

— Уже полтора часа прошло! — проговорил он. — Мнѣ пора, а то министр будет в претензіи. Поѣзд уходит в шесть часов. Между прочим, дорогой, — тихо добавил Шалва, наклоняясь к Николаю, — отец прислал в посылкѣ нѣсколько бутылок шампанскаго... Может быть разопьем одну за успѣх твоей военной службы?

— О, да, конечно. Сейчас скажу Дзидзѣ.

Шалва сам открыл бутылку, принесенную Дзидзой, любезно обошел всѣх, наливая вино; вернулся к своему мѣсту и, подняв бокал, заговорил:

— Господа! Извините, что я говорю не по правилу.

Полагается, чтобы тосты провозглашали старшіе. Но я только два слова. Мы с Колей большіе друзья, с ранняго дѣтства. И мнѣ так было пріятно познакомиться с родными моего лучшаго друга. Разрѣшите выпить за то, чтобы война эта успѣшно прошла и чтобы наш дорогой Коля, наш чистый и благородный Коля, благополучно закончил ее невредимым, здоровым. Пью за идеалиста астронома, витающаго в небесах, который из любви к отечеству и к нашему прекрасному Кавказу добровольно взялся за оружіе! Мы всѣ гордимся тобой, друг мой! Алаверды к тебѣ!

Простыя искреннія слова Шалвы всѣх растрогали. У Елены Антоновны на глазах навернулись слезы; Дзидза открыто всплакнула, подошла к Шалвѣ, поцѣловала его. Петр Николаевич крѣпко пожал Шалвѣ руку; дядя Сережа, желая сказать гостю что-нибудь весьма пріятное, замѣтил, что впервые в жизни видит такого симпатичнаго меньшевика. А Вѣрочка от избытка чувств нѣсколько раз постучала своим стаканом по стакану Шалвы и порывисто произнесла:

— Вы... чудный!

Вечером, к шести часам, Николай пришел на вокзал проводить Шалву. Встрѣтив на подъѣздѣ подъѣхавшаго друга, он прошел с ним на перрон, гдѣ собралось уже не мало народа. Занятый своими дѣлами, Шалва то исчезал, то появлялся; и Николай старался все время стоять на одном мѣстѣ, чтобы его легко можно было найти в толпѣ провожавших. Недалеко от него группа военных, во главѣ с комендантом крѣпости, плотной стѣной окружала министра.

Наконец, среди присутствовавших началось то особое движеніе, какое обычно бывает перед самым отходом поѣзда. Нѣкоторые стали прощаться друг с другом. Слышались пожеланія счастливой дороги. И в это время кто-то поднял руку, воскликнул: «Тише, тише!» Наступило молчаніе. И затѣм послышался торжественный голос министра:

— Господа и товарищи! В радостной увѣренности покидаю я вас послѣ кратковременнаго пребыванія в вашей средѣ. Побѣда будет за нами! Пусть никакія сомнѣнія не тревожат ваш дух, не колеблят ваше героическое стремленіе к борьбѣ! Днем или ночью, во время битвы или перерыва в сраженіях, помните, что вы не одни, друзья мои, что за вами Тифлис, что наши сердца бьются в унисон с вами! Счастливо оставаться, доблестные защитники родной земли! Генерал!.. Теперь я обращаюсь к вам!

Военный министр сдѣлал паузу. Эта пауза нужна была ему по двум серьезным причинам. Во-первых, чтобы вызвать особое напряженіе вниманія у слушателей; а, во-вторых, чтобы подыскать в памяти какую-нибудь эффектную фразу, произнесенную кѣм-либо из великих исторических дѣятелей. Сначала пришло ему в голову наполеоновское: «Солдаты, сорок вѣков смотрят на вас!» Но оратор немедленно это отбросил, так как никаких солдат вокруг не было и сорока вѣков тоже. Тогда вспомнилось ему древне-греческое: «О, путник, возвѣсти лакедемонянам...» Но и это тоже не подходило. Мелькнуло на мгновеніе обращеніе Святослава к врагам: «Иду на вы». Но нынѣшнія обстоятельства совершенно не соотвѣтствовали подобному обращенію древне-русскаго князя: Закавказская Республика никоим образом не шла на турок, а, наоборот, сами турки шли на Республику.

Министр пожевал губами, посмотрѣл на коменданта, стоявшаго перед ним в почтительной, но далеко не боевой позѣ, и величественно произнес, найдя, наконец, нѣчто вполнѣ подходящее:

— Генерал! Турки войдут в Батум только через ваш труп!

Спустя пять минут поѣзд тронулся. Шалва замахал из окна платком Николаю. И паровоз, шипя парами, стал ускорять ход, горделиво неся впереди себя над буферами плакат:

«Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!»

18.

Март был на исходѣ.

Турки уже заняли Аджарисцхали и подошли к Каландиди, гдѣ кончалось ущелье Чороха и открывалась по равнинѣ прямая дорога на Батум.

Были-ли присланы сюда подкрѣпленія из Тифлиса, никто в городѣ не знал. Командованіе Крѣпости держало все в секретѣ, а бѣженцы из Аджарисцхали и Эрге разсказывали, что они настоящих войск в их районѣ не встрѣчали; находились там небольшіе вооруженные отряды, которые открывали ружейную и пулеметную стрѣльбу только тогда, когда врага не было видно, и немедленно прекращали ее и уходили, когда непріятель показывался.

Батумскіе форты от учебной подготовки перешли уже к дѣйствительной защитѣ города, и потому никто из добровольцев не мог с них отлучиться. Ни Николай, ни Володя за послѣдніе дни дома не появлялись. И даже Дзидзѣ не удавалось проникнуть к Колѣ, несмотря на скандалы, которые она устраивала дневальным у ворот. Единственно, чего ей удалось добиться во время послѣдняго посѣщенія форта, это — узнать от привлеченнаго ея криками офицера, что на форту никаких потерь нѣт, и что всѣ защитники его живы и здоровы.

— Тогда отдай это Колѣ Тверцову, — попросила офицера слегка успокоенная Дзидза, вручая ему пакет с сардинами и с шоколадом. — Только, пожалуйста, сам не съѣшь.

В связи с приближеніем турок, в городѣ усиливалась паника. Отходящіе поѣзда брались с боя. Многіе нанимали в порту за большія деньги фелюги и уѣзжали в Поти. Но умышленных безпорядков не наблюдалось. Совѣт рабочих и солдатских депутатов прекратил существованіе, так как большинство его членов бѣжало; рабочіе держались тихо, побаиваясь расправы со стороны турок в случаѣ их прихода сюда. И нападеній со стороны аджарцев

и курдов тоже не было; а именно этих выступленій особенно боялись мѣстные жители.

Тридцатаго марта утром, когда в городѣ уже была слышна стрѣльба турецких орудій, к Твердовым пріѣхали с дачи Струговы. Дзидза встрѣтила их в передней очень дружелюбно, помогла снять с фаэтона чемоданы и различныя мелкія вещи. Кира казалась спокойной; Екатерина Павловна наоборот, сильно нервничала, вздыхала, с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Не знаете-ли, что с Володей? — прежде всего спросила она Дзидзу.

— Не бойся, все хорошо, — ласково отвѣтила та. — Я вчера туда ходила. И мой Коля и твой Володя оба здоровы.

— Вы увѣрены?

— Я тебѣ говорю.

— Ну, слава Богу, слава Богу.

Дзидза вызвала к Струговым Елену Антоновну. Та встрѣтила гостей тоже радушно; в отвѣт на их извиненія искренно стала увѣрять, что никому никаких стѣсненій не будет; что, наоборот, в такое тревожное время пріятнѣе имѣть в домѣ побольше близких людей. А тѣм временем Дзидза стала готовить для Струговых комнату Николая, перетащив его вещи в освобожденную кладовую около кухни.

— Мама, ты меня не ищи, — сказала послѣ чая Екатеринѣ Павловнѣ Кира. — Мы с Вѣрой посидим на бульварѣ против дома.

— А зачѣм? — испугалась мать. — Уже поздно, темно. Не опасно-ли?

— Почему же опасно? Это тут, рядом. И фонари горят.

— Ну, хорошо. Только все-таки осторожнѣе, ради Бога. Этот грохот пушек меня пугает.

Выйдя вмѣстѣ с Вѣрочкой на бульвар, Кира разсѣянно оглянулась по сторонам, посмотрѣла вглубь полутемной аллеи, окинула быстрым взглядом берег и как будто

случайно повернулась лицом в ту сторону, гдѣ находился форт Кохаберы. Орудійная стрѣльба этого форта была рѣдкой; в отвѣт на нее гдѣ-то далеко чуть слышно раздавались звуки турецкой горной артиллеріи.

— Это там находятся наши? — спросила Кира.

— Николай и Володя? Да.

— Давайте, сядем на скамейку.

На бульварѣ не было никого. На улицѣ — тоже. Зловѣщую тишину время от времени внезапно, точно гигантским молотом, разбивал очередной грохот орудія.

— Вы никогда не жили в районѣ военных дѣйствій? — спросила Вѣра.

— Никогда.

— Я тоже. Но за ранеными ухаживала. Хотѣла даже пойти в сестры милосердія, но мама тогда не пустила. Теперь же обязательно хочу пройти курс. Здѣсь есть одна очень опытная сестра, которая обѣщала давать мнѣ уроки.

— А вы думаете сдѣлать из этого себѣ спеціальность?

— Навсегда нѣт. Но мы с Арсеніем собираемся ѣхать на Кубань, когда война с турками кончится. А там эти знанія очень понадобятся.

Вѣрочка заговорила о Добровольческой Арміи, о планах поѣздки на сѣверный Кавказ. Кира внимательно слушала, выражала одобреніе ея патріотическому порыву и осторожно разспрашивала о Лосевѣ.

— Между прочим, Николай Петрович мнѣ разсказывал, что Арсеній Васильевич замѣчательный композитор, — замѣтила она. — Кажется, он пишет сейчас симфонію или рапсодію?

— Да, рапсодію. Вещь эта, дѣйствительно, замѣчательная. Но, к сожалѣнію, ему все время что-нибудь мѣшает довести ее до конца. Как-нибудь, если хотите, я вам сыграю нѣкоторыя ея части в клавирѣ. Даже Коля, которому мало что нравится в музыкѣ, и тот от его произведенія в восторгѣ и предсказывает блестящую будущность.

— А они, кстати, очень дружны?

— О, да. Арсеній его страшно любит. Да и как Колю не любить! Удивительный человѣк. Я раньше знала его гимназистом. Но только теперь, когда мы встрѣтились здѣсь уже взрослыми, вполнѣ оцѣнила его. Исключительно благородный и честный. Правда, уж слишком предан наукѣ. Но, в концѣ концов, и эта черта имѣет особую прелесть.

— Разумѣется. Эту преданность наукѣ я в нем особенно цѣню. А он что: тоже собирается ѣхать с вами в Добровольческую Армію?

— Не знаю. Во всяком случаѣ, я бы ему не совѣтовала. Какой он военный? Пусть лучше остается и готовится к профессурѣ. А, между прочим: почему вы раньше к нам не пріѣхали? Мнѣ очень было бы пріятно. Хотя мы с вами как слѣдует поговорили только один раз, когда я была у вас на дачѣ, однако, скажу откровенно, сразу привязалась к вам. Как будто мы давно знакомы.

— Представьте, и у меня было точно такое чувство. Я даже сама удивилась, что была с вами совсѣм откровенна.

Кира ласково взглянула на Вѣрочку и взяла ее за руку. Та отвѣтила крѣпким рукопожатіем. В это время раздался грохот орудія и Кира вздрогнула.

— А вы, все-таки, боитесь? — участливо спросила Вѣра.

— И да, и нѣт.

— Пожалуй, я тоже. И боюсь и не боюсь. За себя не очень, а вот за других... Я знаю, например, что сейчас Арсенію почти ничто не угрожает; и все же волнуюсь. А вы?

Кира растерянно посмотрѣла на Вѣрочку и покраснѣла.

— Что я?

— Вы... Ну, да... За Володю безпокоитесь?

— Конечно. А воображаю, как мама!

Вѣрочка неожиданно обняла Киру за плечи, прижалась к ней и любовно прошептала, глядя в лицо:

— Навѣрно вам тоже не хорошо, да?

— Да. — Кира порывисто встала. — Ну, идем, моя милая!

На слѣдующій день около полудня к Вѣрочкѣ зашел Лосев, тревожно сообщил, что крѣпость едва-ли продержится еще около суток, поговорил нѣсколько минут и исчез. Кира в это время сидѣла на берегу моря против дома Тверцовых. Дул легкій вѣтер; море раскинулось впереди темно-синее, переходящее почти в черноту; поверхность от мелкой зыби казалась мохнатой, сотканной из пушистаго плюша. А через весь этот ковер в мѣстах, гдѣ исчезал вѣтер, шли гладкіе узоры сверкающаго голубого атласа, медленно мѣнявшаго свой прихотливый рисунок.

— Странно... — думала Кира, — почему форт Кахабери молчит? Может быть турки отступили?

Она поднялась с камней, медленно двинулась к дому. Нужно спросить Вѣрочку, что новаго.

Направляясь в свою комнату, Кира вошла в столовую и с радостным изумленіем остановилась в дверях. За столом, окруженные родителями, Дзидзой и Вѣрочкой, сидѣли Николай с Володей и пили кофе.

— Ѣшь, Коля! Ѣшь! — настойчиво говорила Дзидза.

— Я ѣм.

— Еще! Вот это! Пожалуйста!

— Если бы нам дали нѣсколько добавочных дней, — авторитетно говорил Володя, — мы бы всѣх турок расколошматили. Вот, меня за чистоту работы с прожектором капитан нѣсколько раз при всѣх хвалил. Из за меня туркам, навѣрно, очень туго иногда приходилось.

— Здравствуй, дорогой мой, — радостно сказала Кира, подойдя к брату и нѣжно цѣлуя его. — Ну, что? Жив, здоров? Николай Петрович, очень рада вас видѣть. Очевидно, ваш форт прекратил сопротивленіе?

— Да, к сожалѣнію, — смущенно отвѣтил Николай,

встав с мѣста и здороваясь. — Дали приказ разойтись, так как турки обошли нас со стороны Ахалшен.

— Что же, вы сдѣлали все, что можно. Не ваша вина.

Она грустно-ласково посмотрѣла ему в глаза. Он смутился еще больше, увидѣв перед собой знакомое голубое сіяніе.

— Надѣюсь, вы больше туда не вернетесь? — с нѣкоторой тревогой в голосѣ обратилась к сыну Елена Антоновна. — На другую батарею тебя не могут послать?

— Нѣт. Остальные форты тоже молчат. Один эвакуирован, как наш; я на другом, как говорят, почти всѣ старые солдаты разбѣжались. До конца будет работать, навѣрно, только береговая батарея — Бурунтабіе или Барцхана. А туда назначат одних офицеров.

— И очень хорошо, — замѣтила со своей стороны Джидза. — Довольно ты стрѣлял двѣ недѣли. Турки не такіе важные господа, чтобы с ними долго воевать.

Батарея Бурунтабіе, дѣйствительно, открыла днем огонь и продолжала свою стрѣльбу методично, с правильными перерывами. Когда наступили сумерки, на зеленых склонах ея собралось не мало любопытной публики, главным образом молодежи. Явился сюда и Володя с нѣсколькими своими товарищами-добровольцами. Взобравшись со стороны Бульварной улицы на покрытый дерном откос, молодые люди расположились на нем поудобнѣе, с любопытством слѣдили за дѣйствіями батареи и обмѣнивались компетентными мнѣніями, не стѣсняясь подвергать иногда суровой критикѣ работу производившиx стрѣльбу офицеров.

Снопы лучей от прожекторов блуждали по небу, опускаясь в Кахаберскую долину и к подножью ближайших холмов. Гдѣ-то взвивались ракеты, неизвѣстно чьи, турецкія или наши, разсыпаясь в дымном сіяніи серебристым дождем. Время от времени над головами молодых людей раздавался очередной грохот орудія, затѣм слышался вой снаряда.

— Это капитан Лобачев ахнул, — авторитетно заяв-

лял Володя. — Он мнѣ сказал, что будет у самаго края, возлѣ Общественнаго Собранія.

— Любачев молодец, — отвѣчал Миша Бакланов. — Он без всяких наблюдательных пунктов может непріятеля нащупать. А кто тут, наверху, над нами?

— У этого орудія подпоручик Пирумов, — замѣтил гимназист Поздняков.

— А откуда ты знаешь? — недовѣрчиво спросил Бакланов.

— Я сюда уже днем приходил, он мнѣ сверху фуражкой махал.

Бурунтабіе работала до позднаго вечера. Затѣм стихла. А утром перваго апрѣля на улицах города появились первые отряды турок. Всѣх, взявших город, было меньше полка. Шли аскеры понуро, едва волоча ноги, грязные, усталые, голодные. Никакого равненія не соблюдали; двигались по улицѣ, по троттуарам; кое-кто из солдат останавливался у ворот, просил хлѣба. Большинство жителей из предосторожности не показывалось на улицах, предпочитая смотрѣть на завоевателей в окна.

Но на Бульварной улицѣ в качествѣ рѣдких смѣльчаков вышли из-за ворот, услышавши нестройный топот ног, Дзидза и Володя. Дзидза сначала смотрѣла на проходящих угрюмо, даже враждебно. Но потом, когда весь отряд стал удаляться, и какой-то отставшій аскер подошел к ней и жалобным голосом попросил дать «экмек», показывая на рот, она сразу смягчилась. Принесла хлѣба, воды, два куска сахара, дружески похлопала голоднаго по плечу и, проводив его жалостливой улыбкой, со вздохом сказала Володѣ:

— Какіе несчастные! Зачѣм они себя мучают?

На что Володя отвѣчал не без нѣкоторой гордости:

— Вид у них, дѣйствительно, неважный. Это мы их так основательно потрепали!

19.

Взятіе города турками произошло без всяких осложненій: тихо и просто. Настолько просто, что большинство жителей даже не поинтересовалось подробностями — как это случилось. Всѣ так увѣренно ждали сдачи крѣпости, что им было уже все равно, когда это неизбѣжное осуществится: какого числа, днем или ночью.

В один из первых дней оккупаціи из Трапезунда пришел пароход для погрузки на него в качествѣ плѣнных всѣх защитников Крѣпости. Сначала предполагали отправить в Турцію и офицеров и солдат. Но когда, послѣ нѣкотораго ознакомленія с вопросом, выяснилось, что солдат в Крѣпости почти не было, а были студенты, гимназисты и молодые чиновники, турки благоразумно рѣшили не запутывать этого слишком сложнаго дѣла, согласились увезти одних офицеров. И в городѣ был опубликован приказ — всѣм офицерам явиться в опредѣленный день и час на пароход с небольшим количеством багажа. Неявившихся ожидали суровыя кары.

Что же касается Коменданта Крѣпости, который по предписанію тифлисскаго военнаго министра должен был пропустить турок в Батум только через свой труп, то предписаніе это было выполнено далеко не точно. Взяв Крѣпость, турки обнаружили не труп, а генерала вполнѣ живого и вполнѣ здороваго, хотя и в плохом расположеніи духа. Со свойственным им благородством побѣдители аллегорически вернули ему саблю, объявили свободным, но взяли клятву, что он не попытается бѣжать в Москву или в Петроград к большевикам, что тот обѣщал с чистым сердцем и даже с неприкрытою радостью.

Два дня Вѣрочка страдала, проводя почти все время на пристани, гдѣ ошвартовался турецкій пароход. Плѣнные офицеры, в количествѣ нѣскольких десятков человѣк, стояли на палубѣ у борта и переговаривались с провожавшими их родными и друзьями. Несмотря на то, что увозили их в плѣн, а не на увеселительную прогулку,

большинство держало себя бодро и весело. И им и провожавшим почему-то казалось, что все это совсѣм не серьезно; с парохода слышались шутки, смѣх, иногда даже пѣнье.

И изнеможенные аскеры, еще не пришедшіе в себя от недавней побѣды, вяло бродившіе по пристани с ружьями, или неподвижно стоявшіе у пароходных сходен, с удивленіем косились в сторону плѣнных, вѣроятно выводя заключеніе, что в Россіи горе выражается смѣхом и веселой улыбкой.

Вдруг, на третій день пароходнаго плѣненія, радостная вѣсть: отправка офицеров отмѣнена. Всѣ получают свободу, могут спокойно возвращаться домой, но не имѣют права покидать батумскій район.

Было ли это распоряженіе актом великодушія или проявленіем лѣности, неизвѣстно; но послѣ освобожденія плѣнных турки пріобрѣли не малыя симпатіи в мѣстном населеніи. Это дружелюбіе еще болѣе усилилось, когда в городѣ воцарился полный порядок, совершенно прекратились грабежи, а на базарѣ Нуріе турецкіе жандармы демонстративно выпороли бамбуковыми палками нѣскольких коммунистов, призывавших рабочих к забастовкѣ протеста против роспуска заводских комитетов.

В день освобожденія Лосева у Тверцовых вечером было шумно и весело. Николай уговорил Дзидзу отдать из ящика Шалвы всѣ оставшіеся консервы и бутылки с вином. Вѣрочка помогала Дзидзѣ по хозяйству, радостно носясь взад и вперед, не чувствуя под собой притяженія земли.

Николай тоже был счастлив, проведя весь вечер за столом рядом с Кирой. Во время краткаго пребыванія на форту в качествѣ неожиданного артиллериста, он замѣтно возмужал, стал храбрѣе; смѣло смотрѣл в глаза Кирѣ, не краснѣл, не блѣднѣл, и даже иногда осмѣливался подтрунивать над своею сосѣдкой. А сосѣдка в этот вечер была очаровательна. Развеселилась, оживилась, с лица не

сходила радостная улыбка; и глаза ярко сіяли, обмахиваясь рѣсницами, как вѣером. Навѣрно, глазам было жарко.

— А мы с вами непремѣнно доведем наши сеансы с внушеніем до конца, — переходя на серьезный тон, сказал Николай. — Из пятисот вопросов и отвѣтов осталось еще около двухсот.

— Да, двѣсти тридцать два, — уточнила Кира. — Было бы очень хорошо закончить. А послѣ этого...

Она слегка запнулась, но сейчас же продолжала:

— А послѣ этого вы мнѣ дадите нѣсколько уроков по астрономіи, как обѣщали. Я бы очень хотѣла посмотрѣть в ваш телескоп.

— Ну, разумѣется! — обрадовался Николай. — С большим удовольствіем! Конечно, то, что вы называете телескопом, — простая подзорная труба с земным окуляром. Но, все-таки, кое-что в нее можно увидѣть... — Он воодушевился и с увлеченіем продолжал, откинувшись на спинку стула:

— Фазы Венеры, например. Кольца Сатурна. Четыре спутника Юпитеря, большое пятно на его поверхности... Но все это без особых деталей. Кольца Сатурна, к сожалѣнію, не раздѣляются. Но Венера — хороша. Как вы, должно быть, знаете, орбита Венеры находится внутри орбиты земли, ближе к солнцу; а потому, в зависимости от своего положенія эта планета имѣет всѣ фазы луны.

Так просидѣли всѣ за столом до полуночи. Вѣрочка в перерывах между хлопотами по хозяйству разспрашивала Арсенія о подробностях его послѣдней работѣ в штабѣ; сидѣвшій рядом Володя непрестанно вмѣшивался в их разговор, стараясь показать свою освѣдомленность в функціях оперативнаго отдѣленія; а Петр Николаевич обсуждал с женой и с Софьей Ивановной вопрос о переѣздѣ на дачу. Так как дядя Сережа не очень стремился уѣзжать из города, да и Софья Ивановна тоже, то рѣшили поступить так: брат с женой и с Вѣрочкой останутся здѣсь вмѣстѣ с Суриными, если тѣ вернутся из Поти; а Тверцовы и Струговы займут всю дачу. И Петр

Николаевич возьмется за разработку плантаціи уже как слѣдует.

Прожив в городѣ послѣ прихода турок еще нѣсколько дней и убѣдившись, что всюду возстановлен полный порядок, Струговы переѣхали к себѣ домой. Николай так привык к присутствію Киры, что в первое время совершенно затосковал, не знал, что дѣлать, за что приняться. Его неудержимо тянуло на дачу, но самолюбіе удерживало. Нужно терпѣть, ждать, чтобы не показаться смѣшным. Тѣм болѣе, что Кира перед отъѣздом не пригласила его на опредѣленный день, а просто сказала:

— Пріѣзжайте к нам, когда будет желаніе. Мы всегда рады.

Казалось бы, послѣ окончанія военных дѣйствій Лосев и Вѣрочка могли вернуться к занятіям музыкой. Арсеній имѣл полную возможность снова взяться за свою «Рапсодію». Однако, этого не произошло. Они оба часто видѣлись, но встрѣчи их носили какой-то странный, как будто дѣловой характер. Они с сосредоточенным видом куда-то вмѣстѣ уходили, вмѣстѣ возвращались, таинственно совѣщались и мѣняли тему бесѣды, когда кто-нибудь появлялся.

Однажды Петр Николаевич вызвал сына к себѣ в кабинет, гдѣ в это время находилась и Елена Антоновна; возлѣ него на кожаном диванѣ лежал раскрытый чемодан, принадлежавшій Мамуляну.

— Коля, я получил печальное извѣстіе, — с грустным видом сказал отец. — Наш бѣдный Аршак Георгіевич убит.

— Мамулян? — с искренним сожалѣніем воскликнул Николай. — Гдѣ?

— На фронтѣ, под Карсом. Письмо было получено из Тифлиса, еще до прихода сюда турок, директором банка Цатуровым. Штаб армянских добровольцев просит сообщить мнѣ о смерти. Очевидно, Аршак Георгіевич заранѣе, на всякій случай, распорядился, дал наш адрес.

— Бѣдняга! — Николай перекрестился. — Недаром у него было предчувствіе. А подробностей нѣт?

— Никаких. И вот, теперь мы с мамой не знаем, как поступить с его вещами. Хотя он и завѣщал это нам, однако, только на словах. Выходит как-то неловко.

— А может быть пока оставить все, как было? — посовѣтовал Николай. — Пусть вещи лежат. Да еще может случиться, что в штабѣ произошла ошибка, и Мамулян жив. Подобные случаи бывают.

— Совершенно вѣрно, — обрадовалась Елена Антоновна. — Вот, только, Петя, — обратилась она к мужу, — раздай теперь же личные подарки, потому что там есть и для семьи дяди Сережи. Нам неудобно задерживать.

— Да, ты права. Коля, пойди, голубчик, к ним, пригласи их сюда. И Вѣрочку тоже.

Дядя Сережа и тетя Соня были очень довольны неожиданными подарками Мамуляна. Что же касается Вѣрочки, то ея отношеніе к дорогому ожерелью оказалось довольно сложным. Раздраженіе против бывшаго надоѣдливаго поклонника у нея давно прошло; сразу послѣ того, как тот уѣхал на фронт. Растроганная его благородными патріотическими чувствами и любовью к Россіи, она питала к нему сейчас даже какую-то особую нѣжность. Но, вмѣстѣ с жалостью к погибшему, ее в первую минуту охватило негодованіе: почему подарок слишком дорогой, не такой, как другим?

— Я не желаю этого брать, — слегка покраснѣв, сказала она. — Мамулян, все-таки, чужой человѣк для меня.

— Ну, это-то не играет роли, — возразила Елена Антоновна. — Завѣщать можно и не близким людям. Мы, вѣдь, тоже с ним не были особенными друзьями. Но, если ты откажешься, будет нехорошо перед его памятью. Он был человѣк примитивный и поступил в данном случаѣ от чистаго сердца.

— Да, да, Вѣра, тетя права, — поддержал жену Петр

Николаевич. — И потом — естественно, что он подарил ожерелье самой молодой из всѣх трех дам.

— А ты как думаешь, мама? — обратилась Вѣрочка к Софьѣ Ивановнѣ.

— Как хочешь, дорогая моя.

— А ты, папа?

— Рѣшай сама.

— Хорошо. Тогда я поговорю с Арсеніем Васильевичем. Впрочем... Подождите...

Лицо Вѣрочки внезапно оживилось. Она взяла в руки ожерелье, внимательно осмотрѣла его.

— Я вот что сдѣлаю, дядя. Пожертвую эту вещь на одну благотворительную цѣль. У меня есть идея.

— Что-ж, отлично. Только, конечно, предварительно посовѣтуйся с Лосевым.

— Да, смотри, не поступи опрометчиво, — тревожно замѣтил со своей стороны дядя Сережа. — Имѣй в виду, что это ожерелье стоит, навѣрно, не меньше пятнадцати тысяч золотых рублей.

Когда всѣ разошлись, Вѣрочка унесла футляр с ожерельем к себѣ в комнату и там долго сидѣла в задумчивости у окна, ожидая Лосева. Ей вспоминался бѣдный Мамулян с его блаженной улыбкой, когда заглядывал ей в глаза, тщетно ожидая от них отвѣта. Вѣдь он же не виноват в том, что был совсѣм неинтересен!

Наконец явился Арсеній. Нѣжно поцѣловав Вѣрочку, он сѣл в кресло, стал разсказывать, что успѣл сдѣлать сегодня; сообщил также, что секретное собраніе их офицерской группы состоится, должно быть, на слѣдующей недѣлѣ. А когда он окончил говорить, она сняла футляр со стола, положила его к себѣ на колѣни и с загадочной улыбкой сказала:

— Между прочим, Арсеній... Поздравляю тебя: мы можем теперь не искать денег для нашей организаціи. Я жертвую на нее одну вещь, которая по словам папы стоит не меньше пятнадцати тысяч золотых рублей!

Она вынула ожерелье, с торжественным видом пере-

дала его Арсенію и стала подробно разсказывать обо всем, что случилось сегодня.

Арсеній молча выслушал, не прерывая. И когда она кончила говорить, хмуро посмотрѣл на нее. Никогда до сих пор Вѣрочка не встрѣчала с его стороны такого недружелюбнаго взгляда.

— Безобразіе! — негодующе произнес он. — Ты не должна была брать! И как смѣл Мамулян дарить тебѣ это?

— Ну, да. Я так дядѣ Петѣ и сказала. Не хотѣла брать. Но, потом вспомнила, что вы можете ожерелье продать для нашего дѣла. И согласилась.

— Но, вѣдь, это тебя компрометирует! — рѣзко продолжал Лосев. — Неужели не соображаешь? Нѣт, это чорт знает, что такое!

— Как? Меня компрометирует? — Она вспыхнула. — То-есть, как это понимать? Ты думаешь, что говоришь?

— Да, думаю!

— Ты смѣешь?

— Да, смѣю! Такіе подарки дѣлают, когда имѣют на то право! Если кто-нибудь узнает, что эта вещь у тебя от Мамуляна, ты представляешь, что могут сказать?

Вѣрочка со страхом уставилась взглядом на Арсенія, котораго раньше не видала таким. Затѣм опустилась в кресло, закрыла руками глаза и зарыдала.

В продолженіе цѣлаго часа Лосев просил у нея прощенія. Он цѣловал ей руки, лицо, шею, гладил по головѣ, невнятно бормоча что-то; стоял на колѣнях, называя себя несдержанным идіотом; оправдывался тѣм, что слишком сильно ее любит... А она все не могла успокоиться.

— Уходи!

— Нѣт, нѣт. Посмотри на меня!

— Оставь!

— Ну, прости!

— Не желаю!

— Ну, забудь! Ну, не надо! Ну, родная! Ну, золотая!

Он с радостью замѣтил, что она уже перестала отворачивать от него лицо, и губами поймал, наконец, ея рот.

Дверь в гостиную была плохо прикрыта. Но, к счастью, за все это время туда никто не вошел.

20.

Хотя с приходом турок полное спокойствіе возстановилось в завоеванной области, однако, это спокойствіе пріобрѣло особый отпечаток. На Батум повѣяло сонным Востоком.

Время точно измѣнило теченіе; темп жизни замедлился. На улицах движеніе стало неторопливым, задержанным; пѣшеходы казались равнодушными, лѣнивыми; лошади фаэтонов понуро стояли на углах, торговцы вяло продавали, покупатели вяло покупали. Над всѣм распростерлась покорность судьбѣ и турецким властям.

Газеты не выходили; кромѣ неопредѣленных слухов никто не слышал и не знал ничего. Пріѣзжать и выѣзжать из оккупированных мѣст нельзя было без особаго разрѣшенія. Поѣзда между Батумом и Нотанеби, гдѣ проходила теперь граница с Закавказской Республикой, измѣнили свое расписаніе: ходили не два раза в день, а два раза в недѣлю. За то по желѣзнодорожной насыпи теперь нерѣдко двигались караваны ослов, нагруженных поклажей.

Окружающій мір как бы перестал существовать. И только открытое море своей четкой голубой далью, своими призраками далеких кавказских вершин говорило о том, что гдѣ-то есть еще другая земля...

Петр Николаевич снова взялся за пріостановленную военными дѣйствіями разработку плантаціи и, помимо Шакира, предложил работать у него за сдѣльную плату Николаю и Володѣ Стругову.

В одну из первых поѣздок Тверцовых сюда пріѣхала и Дзидза, чтобы наладить вопрос с продовольствіем. Привезя с собой большой запас продуктов, которых нельзя было достать в дачном поселкѣ, она отправилась на

плантацію со всѣми работниками, причем уговорила пойти туда и Киру.

— А я не буду мѣшать? — нерѣшительно спросила та, вопросительно взглядывая на Петра Николаевича и Николая.

— Отчего мѣшать? — возразила Дзидза. — Будешь мнѣ помогать.

— Конечно, пойдемте, — поддержал Дзидзу Петр Николаевич.

Работа на плантаціи закипѣла. Володя глубоко врывался лопатой в землю, выбирая из нея корни папоротника, похожіе на длинных бѣлых червей. Шакир и Петр Николаевич рыли ямы для мандаринов; Николай при помощи топора и грабель боролся на склонѣ холма с ліанами и зарослями. А Дзидза учила Киру, как раскладывать костер и готовить на нем ѣду.

— А ты умѣешь обѣд дѣлать? — пытливо спросила она свою помощницу, которая растерянно и неумѣло исполняла ея распоряженія.

— Очень плохо. Мы с мамой, главным образом, дѣлаем или яичницу, или макароны.

— Что яичницу! А борщъ умѣешь?

— Нѣт. То-есть, не пробовала. А мама изрѣдка дѣлает.

— Жалко, что не знаешь. Надо тебя научить: мой Коля очень любит борщ. А когда ты на нем женишься, что тогда выйдет? Сейчас кухарки не найдешь, никто не желает работать.

Кира покраснѣла.

— Что вы говорите, дорогая... Причем тут Николай Петрович?

Дзидза внимательно посмотрѣла на свою собесѣдницу и добродушно усмѣхнулась.

— Ты хорошая барышня, — ласково-покровительственно проговорила она. — Я тебя люблю. А мой Коля — ты не знаешь, какой человѣк: золото. Такого мальчика нигдѣ не найдешь. Красивый, вѣжливый, добрый. Когда

был маленькій, никогда не дрался: всѣ другіе мальчишки его всегда били. А он только книжки читал. Кошек и собак тоже — не мучил, всѣх кормил. Они за ним ходили, как солдаты за генералом. И правду всегда говорит. Деньги у папы и мамы ни за что не попросит, пока не дадут. А с дѣвчонками никогда не бывает нахальный, как другіе гимназисты или студенты.

— Да, он у вас очень милый, — стараясь казаться спокойной, согласилась Кира. — А вы хотите, чтобы я принесла воду из родника?

— Подожди, еще рано. Сначала почистим лук и картошку. Вот, бери ножик. А теперь, когда он выростал, его так оставить нельзя. Ему надо жениться, а то для здоровья нехорошо. Ты понимаешь, что получается, когда мальчик имѣет двадцать два года? Сейчас уже лучше, а три года назад у него на лицѣ, не дай Бог, сколько прыщиков было! Ужасно!

— Ну, я иду за водой!

Кира порывисто встала, схватила ведро и почти бѣгом спустилась к дорогѣ, гдѣ из под откоса бил ключ.

— Зачѣм так много сразу? — укоризненно сказала Дзидза, когда та вернулась, осторожно неся ведро и склоняясь на сторону под тяжестью воды. — Можно потом — второй раз.

Она перелила воду в котелок, промыла овощи и положила внутрь.

— Вот так, — повѣсив котелок над костром и сѣв на траву, удовлетворенно продолжала она. — А ты понимаешь: когда молодые мужчины бывают очень хорошіе, и когда они боятся барышень, всякая паршивая женщина может такого мужчину схватить и жениться насильно. Мой Коля человѣк такой вѣжливый, что стѣсняется прогнать всякую дрянь, которая к нему лѣзет. Я все время боялась эти два года, что он пріѣдет из Петербурга и, вдруг, будет не один, а два: с какой-нибудь старухой или с дѣвченкой, которую, как кошку, нашел на улицѣ.

Дзидза взяла в руку лежавшую рядом длинную палку и помѣшала сучья в горѣвшем кострѣ.

— А вот, два мѣсяца назад, — продолжала она, — когда Коля сюда пріѣхал, его сразу схватила Вѣрочка и тоже хотѣла, чтобы он ее любил. На море вмѣстѣ ходили, в город ходили, здѣсь на дачѣ вдвоем гуляли. Ты не знаешь, как я испугалась! Сама Вѣрочка ничего себѣ, веселая, добрая. Только она для Коли родная — дочка дяди. развѣ это можно так?

— Ну, что вы, Дзидзочка! Она и Николай Петрович просто друзья. Любят друг друга по-родственному. Это естественно.

— Сейчас вѣрно, когда есть жених. А когда жениха не было? Ты ничего не знаешь! Один раз я пришла в комнату к Колѣ, а Вѣрочка его цѣлует. И еще по рукѣ гладит. А другой раз прихожу, дверь открываю, и опять то же: она его цѣлует, он ее цѣлует, по рукѣ гладит. Я тогда очень рассердилась, Вѣрочку из комнаты выгнала. — «Иди, — говорю, — на роялѣ играть, зачѣм здѣсь сидишь?» Сейчас она, слава Богу, для него не страшная. Но, вдруг он новую женщину найдет? Ты живешь здѣсь. а он в городѣ познакомится. Я тебѣ добро желаю: хватай его, чтобы потом жалко не было. Вот, у меня тоже хорошій муж был, теперь покойный. И его тоже, как Колю, знакомыя женщины и барышни любили. И он был, как Коля, вѣжливый, добрый, очень красивый. Только когда пьяный, тогда скандалы дѣлал, один раз в духанѣ хозяина зарѣзал, но не совсѣм: тот живой остался. Так я, когда молодая была, всегда смотрѣла: если он с красивой женщиной долго разговаривает, я молчу, ничего ему не говорю; а потом зову ее отдѣльно и показываю ей бутылку с фотогеном: — смотри, паршивая свинья, — говорю, — когда увижу тебя с ним еще раз, голову оболью и зажгу спичкой. Увидишь! Стой, стой! Ты что? Вот. я тебѣ сказала, не таскай сразу полное ведро, теперь руки дрожат!

День был прекрасный — тихій, теплый, по-весенне-

му праздничный. Не так давно бывшіе обнаженными деревья и кусты своей новой листвой слились в сплошную массу с вѣчнозелеными. На ближайших холмах скалы и глинистые выступы скрылись под густым зеленым покровом. Горы как будто помолодѣли в новом нарядѣ. Прозрачное небо дрожало в жарких парах, поднятых из глубин влажных долин. И впереди, раскинувшись до далеких небесных границ, синѣло торжественное море, отдыхавшее от зимних волненій и бурь.

На душѣ у Киры было отвратительно. От разоблаченій Дзидзы остался противный осадок. Николай, котораго она до сих пор считала таким благородным, чистым, способным на глубокое чувство, казался ей теперь ничтожным, презрѣнным. За мѣсяц до знакомства с нею цѣловался с Вѣрочкой, был влюблен! А какими невинными казались его глаза! Какая застѣнчивость, цѣломудренность в улыбкѣ! Все — фальшь! И как она, Кира, не почувствовала этого сразу? Вѣдь, психологія — ея спеціальность! Прочла она в этой области не мало серьезных трудов: «Основы физіологической психологіи» Вундта в двух томах на нѣмецком языкѣ, старое изданіе; два тома Эббингауза, Джемса, не говоря уже об учебниках, в родѣ руководства Челпанова. И, вдруг, так ошибиться! За завтраком возлѣ костра Кира сидѣла молчаливая, сосредоточенная.

— Вы знаете, — еще не замѣтив ея настроенія, весело сказал Николай. — Я сегодня добрался до рододендронов, растущих на верхней половинѣ холма. Оказывается, уже есть бутоны. Недѣли через двѣ, навѣрно, расцвѣтут.

— Да, — безразлично отвѣтила она. — Интересно.

— А когда они цвѣтут, получается что-то замѣчательное. Цвѣты огромные, махровые. Тут во многих мѣстах их можно найти. Очень жаль, что придется все это вырубать. Может быть, хотите посмотрѣть бутоны?

— Сегодня, к сожалѣнію, нѣт, у меня что-то голова несвѣжая. Послѣ завтрака мнѣ лучше пойти домой.

— Нездоровится?

Он с тревогой посмотрѣл на нее.

— Да.

— Без шляпы вы вообще уже не ходите, — сочувственно посовѣтовал Петр Николаевич. — Не забывайте, что у нас тут не сѣвер, а субтропики.

— Ты голову водой помочи, — предложила Дзидза. — А когда кончишь ѣсть, книжки не читай, а лучше сиди со мной и разговаривай.

— Спасибо, я с вами уже разговаривала.

— А, может быть, проводить вас? — нерѣшительно спросил Николай.

— О, нѣт. Пожалуйста не безпокойтесь. Отлично дойду сама.

Вся вторая половина дня для Николая оказалась испорченной. Он с такой радостью работал утром на плантаціи, зная, что Кира находится здѣсь, недалеко от него; с такой энергіей сдирал ліаны, рубил кусты, обкапывал корни, чтобы освободить от них землю. А теперь весь его задор исчез. И, главное: что случилось? По ея тону ясно, что дѣло не в головной боли. Вѣроятно, на что-нибудь обидѣлась. Но — на что?

Вечером, когда всѣ вернулись домой, Николай встрѣтил Киру на террасѣ.

На вопрос, прошла ли головная боль, она благосклонно, но сдержанно отвѣтила, что чувствует себя теперь немного лучше; а когда он заявил, что привез с собой трубу и хочет показать ей кое-что, сказала послѣ нѣкоторого раздумья:

— Хорошо... Только не долго.

— Может быть хотите посмотрѣть на молодой мѣсяц? Он очень интересен. Вообще луна в первой четверти или в послѣдней гораздо эффектнѣй, чѣм во второй или в третьей. А во время полнолунія хуже всего: на поверхности не видно тѣней и потому не чувствуется никакого рельефа. Между тѣм, в первую четверть солнеч-

ные лучи падают косо, тѣни от гор и цирков длинныя, и вид получается чудесный.

— Отлично, посмотрю. Вы поужинайте и затѣм позовите меня.

Через полчаса Николай вытащил трубу на террасу, откуда в блѣдном сіяніи сумерек виднѣлся над морем рог молодого мѣсяца; разставил деревянный треножник, вытянул до отказа всѣ складныя части трубы и стал вдвигать окулярную трубку, чтобы навести на фокус.

— Кира Андреевна! — осторожно крикнул он в открытое окно Струговых. — Все готово!

— Сейчас!

Она вышла на террасу спокойная, холодная, с едва уловимой пренебрежительной улыбкой на лицѣ. Николай замѣтил, что одѣта и причесана она слишком нарядно, и пахло от нея какими-то удивительными духами.

— Прежде всего нужно наставить трубу по вашим глазам, — начал он. — Вы, кажется, близорукая?

— Да, к сожалѣнію. И в отношеніи глаз и вообще.

— Так. Это обидно, — Николай дѣланно разсмѣялся, с тревогой почувствовав намек по своему адресу. — Но, к счастью, с возрастом близорукость обычно проходит: вѣдь она является результатом слишком энергичнаго дѣйствія мышц, завѣдующих аккомодаціей хрусталика. А к старости мышцы ослабѣвают, хрусталик становится не таким выпуклым, и падающіе лучи пересѣкаются уже не перед сѣтчаткой, а прямо на ней, как требуется для нормальнаго зрѣнія.

— Да, значит нужно мнѣ подождать старости, чтобы разбираться в окружающем. А как смотрѣть в вашу трубу?

— Приблизьте правый глаз сюда, а я буду двигать трубку, пока изображеніе станет для вас ясным.

Она придвинула глаз, взявшись рукой за ободок окуляра. Николай стал вдвигать трубку и нечаянно прикоснулся к ея пальцам; но она их быстро отдернула, будто прикоснулась к чему-то отвратительному.

— Ну, что: ясно? — обиженно спросил он.

— Как будто.

— Интересно?

— Ничего себѣ.

— Так вот... Вы замѣчаете у края луны большое овальное пятно, окруженное яркими краями? Это — «Маре кризіум», то-есть Море кризисов. Само пятно было когда-то дном моря, а свѣтлая часть вокруг — это бывшіе возвышенные берега.

— Отлично.

— А южнѣе Моря кризисов вы видите другое пятно, большаго размѣра, но не так ясно очерченное. Это — «Маре фекундитатис», Море плодородія.

— Так. Значит, всѣ эти моря — высохшія? Хорошо. То-есть, в концѣ концов, все равно. Погодите... А который теперь час?

Кира отодвинулась от трубы и достала из своей сумочки часы.

— Плохо видно, но, кажется — без пяти семь. Посмотрите: вѣрно?

— Да, без пяти.

— В таком случаѣ, простите. Остальное вы мнѣ покажете как-нибудь в другой раз. Я обѣщала нашим сосѣдям Качановым провести у них вечер. Там собирается молодежь, надѣюсь, будет весело.

— А, да. Конечно... Пожалуйста.

Она офиціально-вѣжливо пожелала Николаю спокойной ночи, спустилась с террасы и медленно направилась по площадкѣ к боковой аллеѣ. Застыв на мѣстѣ от негодованія, он изумленно смотрѣл ей вслѣд. Какое оскорбленіе! И дѣло даже не в лунѣ, не в лунных морях: вѣдь сегодня утром она сама просила показать ей вечером небо, а послѣ этого устроить сеанс с внушеніем карт. И теперь, вдруг, без предупрежденія отправиться в гости, да еще заставить его устанавливать трубу на фокус!

Сумерки кончались. Зеленое сіяніе неба вокруг заходившаго луннаго серпа тускнѣло: наступал ясный звѣзд-

ный вечер. Между чешуйчатыми стволами пальм виднѣлось блѣдно-сиреневое море, прикрытое у горизонта легким туманом. Николай сидѣл на скамейкѣ, опустив голову. На душѣ было мрачно. Негодованіе против Киры не стихало.

— Конец! — шептал он про себя, хмуря брови и стискивая зубы. — Довольно! Все кончено. Приласкала к себѣ, околдовала своими лживыми глазами во время пыток с красными и черными картами, а теперь все оборвала. «Там собирается молодежь... Надѣюсь, будет весело...» Может быть за послѣдніе дни увлеклась сыном Качановых? Или тѣм самым, как его, Поздняковым, который бывает у них? Да, это прекрасный урок — не вѣрить женщинам. Даже хорошо, что все так случилось. Нужно углубиться в науку. Успокоиться на вѣчности вселенной, на ея безконечности, на друзьях — звѣздах.

Николай встал, с тоской посмотрѣл наверх. Но безконечность неба почему-то не успокаивала. Вѣчность както не шла на ум. А друзья-звѣзды тоже не были склонны дать замѣтное успокоеніе. Созвѣздіе Льва висѣло в темной пустотѣ равнодушной трапеціей. Спика в Дѣвѣ презрительно мерцала, не желая вмѣшиваться в земныя дѣла. Восходящій на востокѣ Арктур тянул за собой своего Боотеса, зловѣще подмигивая кому-то красным глазом.

— Вырвать с корнем! — твердо рѣшил Николай и, с ожесточеніем схватив треножник с трубой, направился с террасы в дом.

21.

Однажды вечером в концѣ апрѣля в маленькой квартирѣ Лосева состоялось собраніе группы молодых офицеров, принимавших участіе в оборонѣ Батумской крѣпости. Присутствовали и двѣ дамы: Вѣрочка Тверцова и жена прапорщика Степанова, работавшая в мѣстном военном госпиталѣ в качествѣ сестры милосердія.

Чтобы собраніе не вызвало у сосѣдей и у турецкой полиціи никаких подозрѣній, рѣшено было начало вечера посвятить музыкѣ. Лосев сыграл на скрипкѣ под аккомпанемент своей невѣсты «Крейцерову сонату» Бетховена; прапорщик Зубовскій исполнил под гитару нѣсколько цыганских романсов; нѣкоторые из собравшихся попробовали спѣть хором кое-какія грузинскія и малороссійскія пѣсни.

А послѣ этого капитан Лобачев, самый старшій по чину, пользовавшійся среди офицеров всеобщей любовью и уваженіем, открыл собраніе и предложил присутствовавшим выслушать прапорщика Степанова, пріѣхавшаго из Новороссійска в Батум перед самой сдачей города.

Окно на улицу закрыли и задернули тяжелой драпировкой. В комнатѣ было тѣсно. Сидѣли на диванѣ, на стульях, гдѣ попало; нѣкоторые стояли. Прапорщик Степанов, молодой юрист, недавно окончившій университет и попавшій на войну уже в концѣ кампаніи, стал со своего мѣста, пригладил на головѣ густые русые волосы и простым искренним тоном, без всякой аффектаціи, заговорил:

— Господа! Нѣкоторые из вас уже слышали от меня кое-что из того, что я буду докладывать. Кромѣ того, вы вкратцѣ знаете из газет о послѣдних событіях в Донской Области и на Кубани. Должен с глубокой радостью сообщить вам, что сопротивленіе большевикам крѣпнет и разростается. Я лично хотѣл отправиться сразу из Новороссійска в Ростов и Новочеркасск, гдѣ началось это движеніе, но мнѣ нужно было заранѣе заѣхать сюда за женой. К сожалѣнію, паденіе Батума не дало мнѣ возможности отсюда выбраться.

Так вот, как вам извѣстно, во главѣ сопротивленія стали генералы Алексѣев, Корнилов и Каледин, которые образовали нѣчто в родѣ обще-русскаго антибольшевицкаго правительства. Генерал Алексѣев принял на себя вѣдѣніе гражданским управленіем, финансированіем всего дѣла. Генерал Корнилов взял в свои руки военное коман-

дованіе, а генерал Каледин — управленіе Донской Областью. Организовывать все это было очень трудно. Тѣм не менѣе, дѣло формированія Добровольческой Арміи продолжалось. К началу февраля добровольцев собралось уже около четырех тысяч человѣк. Создались в видѣ первых кадров — корниловскій полк, георгіевскій полк, офицерскіе батальоны, юнкерскій батальон, два кавалерійских полка и даже своя артиллерія: двѣ батареи из юнкеров и офицеров. Всѣ добровольцы давали обѣщаніе безпрекословно подчиняться командованію и не оставлять своих частей. Но, как было сложно вначалѣ! С каким трудом организовывалась артиллерія! Приходилось орудія большей частью или покупать, или просто отбивать у солдат, ушедших с кавказскаго фронта.

Однако, этой горсти самоотверженных патріотов не под силу было удержаться в Ростовѣ и в Новочеркасскѣ. Генерал Каледин застрѣлился. А девятаго февраля вся армія добровольцев ушла из Ростова в степи, стараясь пробиться к Екатеринодару. В мартѣ мѣсяцѣ к нам в Новороссійск доходили свѣдѣнія о том, что добровольцы выдержали бой у села Лежанки, что в концѣ февраля вступили уже в Кубанскую Область, гдѣ со стороны населенія встрѣтили вполнѣ благожелательное отношеніе. Нужно надѣяться, что сейчас наша освободительная Армія находится уже в Екатеринодарѣ, гдѣ укрѣпится, разовьется, а оттуда, даст Господь, двинется освобождать Россію от коммунистов-бандитов.

И вот, сейчас, послѣ того, как грустная батумская эпопея окончилась, перед нами встает вопрос: как поступить дальше? Неужели оставаться здѣсь, в турецком плѣну, когда другіе русскіе люди пытаются с оружіем в руках сбросить иго захватчиков власти? Если каждый из нас будет ждать спасенія от других, а сам отойдет в сторону, то гдѣ надежда, что спасеніе когда-либо придет? Не превратимся-ли мы всѣ, весь русскій народ, в ничтожное жалкое стадо, которое будут гнать по своему усмотрѣнію международные проходимцы? Я говорю: тому,

кто бодр и крѣпок физически и духовно, тому, кто полон еще молодых сил и энергіи, тому будет стыдно впослѣдствіи перед самим собой, перед своими дѣтьми, что в отвѣтственный час он не выполнил долга перед родиной. Молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты, гимназисты отозвались там на призыв старших, влились в ряды Добровольческой Арміи. Всѣ лучшія силы собираются вокруг опытных старых вождей. Неужели мы здѣсь, на далекой окраинѣ, останемся безучастными, не отзовемся, уклонимся от исполненія священнаго долга?

Прапорщик Степанов продолжал говорить, подкупая слушателей искренностью и горячностью рѣчи. И когда он окончил, раздался общій гул одобренія. Всѣ подходили к нему крѣпко жали руку, нѣкоторые даже цѣловали.

— Вѣрно, вѣрно, — взволнованно говорил подпоручик Аракелов. — Нужно ѣхать! Иначе — стыдно.

— Обязательно! — подтвердил прапорщик Зубовскій. — Мы должны показать, что не вся русская молодежь занималась расшатываніем своего государства, что были среди нея и патріоты, жертвовавшіе собой для спасенія отечества!

— Ѣхать надо, — раздался голос, — но только как быть? Мы в плѣну, граница закрыта!

— Все равно, можно бѣжать! — горячо возразил Зубовскій. — Граница не так тщательно охраняется. Около пограничной станціи Нотанеби по обѣ стороны идут лѣса!

— Ну, положим, через эти лѣса не пройдешь, — замѣтил подпоручик Пирумов. — Там сплошныя болота. Но есть другія мѣста. Можно подняться перед Кобулетами к верховьям рѣки Кинтриш и там, около Чахати, перевалить через горы на грузинскую территорію.

Присутствовавшіе стали безпорядочно обмѣниваться мнѣніями по вопросу о переходѣ границы. Но капитан Любачев прервал эту бесѣду.

— Друзья мои, — сказал он, призвав всѣх к тишинѣ. — Мы уже обсуждаем детали, а между тѣм нужно по-

кончить сначала с самым главным. Прежде всего, в качествѣ старшаго, я ставлю вопрос: всѣ-ли присутствующіе твердо рѣшили принять участіе в бѣгствѣ отсюда? Нужно точно знать, на кого в дальнѣйшем можно расчитывать. Если кто-нибудь колеблется, не рѣшается из-за каких-либо личных обстоятельств, — пусть откровенно заявит сейчас-же. Мало-ли что может каждаго из нас удерживать здѣсь. Не подумайте, что мною руководит какое-нибудь чувство театральности или желаніе играть роль заговорщика. Я для этого человѣк достаточно взрослый. Но сейчас сама эпоха стала мелодраматической. Итак, прошу каждаго из вас торжественно перед всѣми обѣщать, что он не бросит своевольно нашей организаціи, чтобы не сорвать дѣла, будет хранить наши планы в полной тайнѣ от всѣх, даже от самых близких людей и родных. Начнем с меня...

Капитан перекрестился, поднял руку со сложенными тремя пальцами и произнес:

— Обѣщаю!

Затѣм, послѣ нѣкоторой паузы, во время которой вокруг наступила напряженная тишина, он начал поочередно обращаться к каждому:

— Прапорщик Степанов!

— Обѣщаю! — подняв руку, твердо отвѣтил Степанов.

— Поручик Лосев!

— Обѣщаю!

— Подпоручик Аракелов!

— Обѣщаю!

Постепенно капитан вызвал всѣх. Вѣрочка, когда до нея дошла очередь, покраснѣла от волненія, произнесла слово клятвы дрожащим голосом и прослезилась. Сестра милосердія — жена Степанова отвѣтила капитану со спокойной торжественностью. А один из послѣдних опрошенных произвел среди собравшихся немалое волненіе.

— Подпоручик Павловскій! — вызвал его капитан.

— Обѣщаю! — отвѣтил Павловскій. И, вдруг, добавил повышенным голосом:

— И клянусь мстить, не щадить ни одного большевика до конца своей жизни!

— Почему вы считаете нужным прибавлять эти слова к вашему отвѣту? — нахмурившись спросил капитан.

— Потому что они в Армавирѣ живьем сожгли моего отца!

Капитан с грустью посмотрѣл на подпоручика, у котораго нѣжное, почти дѣтское лицо исказилось злобой, а большіе добрые сѣрые глаза загорѣлись ненавистью.

— Дорогой мой, — медленно проговорил он. — Мы всѣ, конечно, глубоко вам сочувствуем. Но в таких вещах клясться все же не надо. Наша борьба должна руководствоваться не местью врагу, а любовью к Отечеству. Не забывайте, что среди тѣх, с которыми борются наши братья на сѣверѣ Кавказа, не всѣ злодѣи, не всѣ заслуживают мести. Есть люди ослѣпленные, есть — сбитые с толку всей этой несчастной революціей. И мы должны нести с собой не уничтоженіе и истребленіе, а возрожденіе и очищеніе.

— Да, да, — раздались одобрительные голоса.

— Но, вы не знаете, что они сдѣлали! — обращаясь ко всѣм, воскликнул Павловскій. — Привязали к кровати, облили керосином, подожгли! А в Петровскѣ сестру с мужем утопили в морѣ, привязали камни к шеѣ. Что же? Послѣ этого я буду их возрождать? Очищать?

— Успокойтесь, — ласково обратилась к подпоручику сидѣвшая рядом сестра милосердія Степанова, видя, что тот начал дрожать. — Погодите, я дам вам воды.

— Не воды, а патронов! Родных убили, страну разорили, Государя держат в заточеніи, тоже убьют... Будь они прокляты!

Павловскій не выдержал, прикрыл рукой глаза и быстро вышел в сосѣднюю комнату.

Засѣданіе, между тѣм, продолжалось. Говорили сначала о том, как надо понимать идею добровольчества;

пришли к заключенію, что нельзя связывать это движеніе с опредѣленной политической программой, ни с монархической, ни с республиканской, чтобы не ослаблять общаго противо-большевицкаго фронта. А, затѣм, Лосев попросил всѣх выслушать его план бѣгства из Батума в Добровольческую Армію.

Состоял этот план в слѣдующем. Участники Объединенія должны выхлопотать у турецких властей разрѣшеніе на ловлю рыбы у берегов Батума и его окрестностей. Получив это разрѣшеніе, вся группа участников пріобрѣтает двѣ фелюги, рыболовныя сѣти, необходимый инвентарь и открывает на базарѣ Нуріе ларек для продажи рыбы. Члены Объединенія должны поочередно принимать участіе то в ловлѣ, то в продажѣ, чтобы их в лицо знали и портовая полиція и пограничная стража. Мѣсяца два придется заниматься этим дѣлом серьезно, по-настоящему, чтобы предпріятіе казалось естественным и не вызывало ни в ком подозрѣнія. И тогда только наступит момент осуществить план бѣгства. В заранѣе назначенный день фелюги, как обычно, выплывут в море, займутся ловлей сначала около Чаквы, затѣм проплывут к Кобулетам, остановятся на нѣкоторое время там; а послѣ этого уйдут в открытое море и направятся на сѣвер, в сторону Поти. Нужно надѣяться, что привыкшіе к этим рыбакам турки не обратят во-время вниманія на исчезновеніе фелюг.

Предложеніе Лосева всѣ собравшіеся принципіально одобрили. Капитан Лобачев, знавшій об этом планѣ раньше, подтвердил свою солидарность с Лосевым, внеся коекакія поправки. Но единственно, что вызвало сомнѣніе всѣх, это — солидная сумма, которую надо было раздобыть для финансированія дѣла.

— А вы подсчитали, сколько денег нужно на все? — недовѣрчиво спросил Лосева Зубовскій.

— Да, я навел справки относительно цѣн. Необходимо около десяти тысяч рублей золотом.

— Это немыслимо!

— Мы не соберем и тысячи, — замѣтил со своей стороны Аракелов.

— К счастью, собирать нам денег не придется, — с довольной улыбкой возразил Лосев. — Должен сообщить Собранію пріятную вещь: деньги у меня уже есть, и не только десять тысяч, а восемнадцать. Нам хватит не только создать свое предпріятіе и добраться до Поти, но доѣхать оттуда на пароходѣ до Новороссійска, и дальше двинуться на Екатеринодар.

— Браво! Великолѣпно! — послышались радостные возгласы.

— И это ваши личныя деньги, поручик? — удивленно спросил капитан, котораго Лосев в свои финансовые планы не посвящал. — Простите за подобный вопрос, но членам Организаціи необходимо знать источник такой крупной суммы...

— Да, да, понимаю, — согласился Лосев. — Это естественно. Так вот, сообщаю, что деньги, конечно, не мои личныя, а пожертвованы нам. И жертвователь этот — член нашей Организаціи, Вѣра Сергѣевна Тверцова. По ея порученію я продал ювелиру Панайоти на Михайловской улицѣ ея ожерелье. И если вы принимаете этот дар, я завтра же передам всѣ деньги сполна главѣ нашей группы — капитану Михаилу Михайловичу.

Сообщеніе Лосева вызвало среди присутствовавших радостное волненіе. Столпившись вокруг Вѣрочки, всѣ жали ей руку, благодарили, говорили не мало искренних пріятных слов. А сдержанный капитан настолько растрогался, что перекрестил ее и поцѣловал в лоб.

Сконфуженная Вѣрочка от смущенія краснѣла, отвѣчала всѣм что-то невнятное, несвязно говорила о своем долгѣ, о борьбѣ, а затѣм, послѣ трогательнаго поцѣлуя капитана, отошла в угол, достала из сумочки платок и стала украдкой вытирать глаза.

— Господа! — продолжал, между тѣм, Лобачев, вернувшись на свое мѣсто. — Как вы видите, одна существенная трудность отпала. Но, теперь остается вопрос:

как получить разрѣшеніе у турок. Задача эта тоже не легкая. Я как раз сегодня наводил справки, от кого зависят подобныя разрѣшенія. Дѣло в том, что здѣсь пока еще не установлена полностью гражданская власть; функціи военнаго командованія и гражданскаго управленія до сих пор не разграничены. Есть, как вы знаете, у нас и русскіе представители от города, с которыми турки поддерживают нѣкоторую связь; но от этих представителей, к сожалѣнію, почти ничего не зависит. Зато через одного члена городской управы я узнал, что в турецкой комендатурѣ крупное мѣсто занимает один турок, бывшій русскій студент, будто бы относящійся к русским благожелательно. Если хотите, от имени группы я постараюсь повидаться с ним.

— Просим!

— А как фамилія этого турка? — заинтересовался Зубовскій.

— Если не ошибаюсь, Бекиров.

— Махмуд? — нерѣшительно спросила из своего угла Вѣрочка.

— Кажется, Махмуд. А вам он извѣстен?

— Я с ним не знакома. Но он товарищ по тифлисской гимназіи моего кузена Тверцова.

— В самом дѣлѣ? Так, может быть, вы не откажетесь поговорить с вашим кузеном?

— Хорошо.

— Я с Тверцовым мало знаком. Но слышал об нем самые лестные отзывы. Затрудненіе, однако, в том, что он не состоит в нашей организаціи, и его нельзя полностью посвящать в наши планы. А если говорить с ним о рыбной ловлѣ, только как о простом предпріятіи, то это нечестно по отношенію к нему. Вѣдь, если он будет просить за нас, то за нас отчасти будет и отвѣчать.

— Да, если удастся бѣжать, а он останется, неизвѣстно, что с ним сдѣлают турки, — в раздумьи замѣтил Аракелов. — А скажите, Вѣра Сергѣевна, у вашего кузена с этим Бекировым были хорошія отношенія?

— Насколько мнѣ извѣстно, да.

— А может быть предложить ему вступить в нашу группу? — сказал Зубовскій. — Николая я хорошо знаю: идеально честный человѣк, и хороших взглядов.

— Я поддерживаю предложеніе прапорщика, — выступил со своей стороны Лосев. — Что касается меня, то я Тверцову вѣрю, как самому себѣ. Мнѣ неизвѣстно, захочет-ли он бѣжать отсюда вмѣстѣ с нами; но, если мы примем его в члены нашей организаціи без условія бѣжать отсюда, он все равно будет нашим вѣрным и полезным единомышленником. Ну, а что он будет свято хранить тайну, в этом нѣт никакого сомнѣнія.

— В таком случаѣ я ставлю вопрос, — повысив голос, проговорил Лобачев. — Согласно-ли собраніе с предложеніями прапорщика Зубовскаго и поручика Лосева принять вольноопредѣляющагося Николая Тверцова в члены нашей организаціи?

— Да, да!

— Возраженій нѣт? В таком случаѣ попросим Вѣру Сергѣевну сообщить ему о нашем рѣшеніи и попросить взять на себя переговоры с Бекировым. А вы, поручик,— обратился капитан к Лосеву, — приготовьте для Тверцова список участников нашей рыболовной компаніи и сообщите мнѣ о результатах визита к Бекирову. Тогда я созову всѣх на новое засѣданіе.

— Слушаю-с.

— Теперь же, господа, перед тѣм, как расходиться, закончим вечер, как начали, чтобы не было со стороны никаких подозрѣній. Прошу что-нибудь сыграть и спѣть. Вѣра Сергѣевна, вы у нас герой дня. Сыграйте.

— А что? Я не знаю.

— Преображенскій марш! — предложил кто-то.

22.

Так как поѣзда рѣдко ходили, Петру Николаевичу и Николаю пришлось перебраться на дачу, чтобы регу-

лярно заниматься разработкой плантаціи. Дзидза пріѣзжала к ним два раза в недѣлю, привозила продукты, слѣдила за хозяйством. А что касается Елены Антоновны, то она еще не рѣшалась на переѣзд: по вечерам на дачѣ бывало довольно сыро.

Возмущенный поведеніем Киры, Николай перестал с нею встрѣчаться и старался не попадаться ей на глаза. Он рано уходил на работу, поздно возвращался, а остаток вечера проводил в своей комнатѣ за чтеніем Курса физики Хвольсона. Ему так и не удалось разрѣшить загадки — почему Кира так измѣнилась?

Конечно, встрѣтить Киру невзначай, увидѣть ее хотя бы издали, страшно хотѣлось. Однако, Николай нарочно старался не выходить на площадку перед домом: чего добраго, подумает, что тоскует, жить без нея не может. А однажды, когда совершенно случайно он столкнулся с нею в платановой аллеѣ возлѣ проѣзжей дороги, им овладѣли одновременно и радость и страх. Холодно вѣжливо они обмѣнялись словами «здравстуйте» и разошлись, не остановившись и не подав друг другу руки. А он даже ускорил шаг, чтобы поскорѣе уйти подальше.

Однажды, в воскресный день, когда на плантаціи работ не было, Николай собирался поѣхать в город. И вдруг, утром, вмѣстѣ с Дзидзей, на дачу явилась Вѣрочка.

— Как хорошо, что пріѣхала! — радостно воскликнул Николай, встрѣтив ее у входа на площадку. — Вот пріятный сюрприз!

— Здравствуй, дорогой! Я тоже без тебя соскучилась.

Он дружески потряс ей руку и даже поцѣловал в щеку. Послѣ того, как она стала невѣстой Лосева, он уже не стѣснялся обмѣниваться с нею подобными родственными поцѣлуями.

— Ну, как твои дѣла? — спрашивала Вѣрочка, положив руку на плечо кузена и направляясь мимо окон Струговых к террасѣ. — А почему ты так похудѣл? На-

вѣрно много работаешь? Кстати, мой милый, я к тебѣ по одному очень важному дѣлу. Сначала только пойду, поздороваюсь с дядей.

Посидѣв внутри нѣкоторое время с Петром Николаевичем и разспросив его о ходѣ работ на плантаціи, Вѣрочка зашла на нѣсколько минут к Кирѣ, а затѣм отправилась с Николаем на отдаленный край площадки возлѣ обрыва, для секретной бесѣды.

— Тут нас никто не услышит, — сказала она, садясь на скамью. — Только имѣй в виду, о нашем разговорѣ никто не должен знать: ни дядя с тетей, ни Дзидза, ни Кира. Это — тайна.

— Хорошо.

— Клянешься?

— Что за фантазіи! Ну, клянусь.

Николай иронически улыбнулся, бросил как бы случайный взгляд туда, гдѣ по ту сторону площадки находилась комната Киры, и сердце его учащенно забилось: Кира сидѣла у открытаго окна и что-то читала.

Вѣрочка начала разсказывать об образованіи тайной офицерской организаціи, о планѣ бѣгства, о рыболовном предпріятіи и закончила свое повѣствованіе просьбой помочь дѣлу в переговорах с Бекировым, причем подробно остановилась на том, как единодушно всѣ участники собранія согласились принять Николая в свою группу, если он сам захочет поступить.

— Это все прекрасно, — задумчиво проговорил Николай, когда Вѣрочка смолкла. — Мнѣ их довѣріе очень пріятно. Но, к сожалѣнію, в данном случаѣ я едва-ли смогу быть полезным.

— Как не можешь? Мы вчера наводили добавочныя справки, и оказалось, что этого Бекирова зовут Махмуд, и что он из тифлисской гимназіи.

— Ну, да. Но, вѣдь, прося у него разрѣшеніе, я не могу дать ему ручательства за лойяльность тѣх людей, которые собираются бѣжать.

— А отчего не можешь?

— Потому что это ложь.

— Да, но, вѣдь, он турок!

— Все равно — турок, нѣмец или француз.

— Послушай... Но, ты его обманешь не для себя лично, а для блага Россіи!

— А ты думаешь, что обман ради государства честнѣе, чѣм обман ради отдѣльнаго лица? Я понимаю — отечеству можно жертвовать кровью, здоровьем, самой жизнью. Это все правильно. Но совѣстью... Какая тогда вообще цѣна честному слову?

— Боже! Какой он сухарь! Нѣт, это просто смѣшно. Вмѣсто жизни какая-то математика!

Вѣрочка искренно негодовала. Хотя она и считала Николая чудаком, человѣком не от міра сего, но все-таки не ожидала, что встрѣтит с его стороны подобный отвѣт.

— Ну, что-ж, — недовольно добавила она послѣ нѣкоторой паузы. — Очень жаль. Я думала, что ты настоящій патріот, что ты готов всей душой служить отечеству. А оказывается, твое честное слово тебѣ дороже всего на свѣтѣ.

Он не отвѣчал ничего. Сидѣл задумавшись, опустив голову. Вѣрочка пренебрежительно, но с нѣкоторой надеждой на измѣненіе рѣшенія, смотрѣла на него. Долго глядя на гравій под ногами и что-то, очевидно, соображая, он обернулся, наконец, к ней и спокойно сказал:

— Но, все-таки, я постараюсь что-нибудь придумать. Потому что тоже хочу бѣжать к добровольцам.

— Как? Ты?

На лицѣ Вѣрочки пренебреженіе смѣнилось радостным изумленіем.

— Да. Это тебя удивляет?

— Нѣт, почему... Но, вѣдь, наша организація тебя ни к чему не обязывает. Ты можешь оставаться!

— Но могу и ѣхать.

— Конечно. Нѣт, Коля, ты все-таки, прелесть! Недаром я тебя так люблю! Только ты так, наспѣх, не рѣ-

шай... Еще есть время... Хорошій ты мой! — Она обхватила его шею рукой и звонко поцѣловала.

— Ну, ну, не впадай в экстаз. Неужели так удивительно, что я тоже собираюсь идти в добровольцы? А с Махмудом надо что-то устроить. Только не так, как вы предполагаете. Пожалуй, попрошу его просто дать разрѣшеніе на легальный выѣзд всей группѣ.

— А ты думаешь, это возможно?

— Не знаю. Попробую. Только, сказать по правдѣ, меня немного удивляет отношеніе ко мнѣ — твое и Арсенія. Ты не думай, что я обижен. Но все-же странно: вы устраивали все это дѣло, втайнѣ сговаривались с другими, а меня не хотѣли посвятить, или хотя бы спросить. Да и члены вашей организаціи — тоже... Только тогда вспомнили обо мнѣ, когда понадобилось знакомство с Бекировым.

— Нѣт, нѣт, ты не прав, — запротестовала Вѣрочка. — Для тебя ничего обиднаго нѣт, так как наша группа состоит исключительно из офицеров и их жен. Я скоро тоже выхожу замуж. И вот для тебя только и сдѣлали исключеніе. А что касается того, что Арсеній и я тебя в наше дѣло не посвящали, то мы, как бы сказать... жалѣли тебя. Вѣдь, говоря правду, какой ты военный? Для Россіи гораздо полезнѣе, чтобы из тебя вышел послѣ какой-нибудь знаменитый ученый. А кромѣ того...

Вѣрочка запнулась, с многозначительной улыбкой взглянула на кузена и, понизив голос, продолжала:

— Кромѣ того, нам было жаль и ее.

— Кого?

Николай покраснѣл.

— Ты знаешь, кого. Для нея твой отъѣзд был бы ударом. А для жизни там, в боевой обстановкѣ, она еще менѣе приспособлена, чѣм ты.

В первый момент Николай хотѣл, было, обидѣться: почему Вѣрочка врывается в область его интимных чувств? Но посмотрѣв ей в глаза, в которых отражалось

столько дружескаго участія, он только горько усмѣхнулся и отвел взгляд всторону.

— Милая моя, — рѣшительным тоном проговорил он, — ты уж слишком со мной откровенна. Но ты, дѣйствительно, мой друг, и я не сержусь. Так вот, знай, что ты напрасно заботишься: для меня этой женщины больше не существует.

— Что такое?

Вѣрочка застыла в изумленіи.

— Да. Не существует. И потому, прошу тебя ничего больше мнѣ об ней не говорить.

— Но в чем дѣло?

— Ни в чем.

— Погоди, погоди. Значит, вы... поссорились? То-то она была со мной так суха. Но из-за чего? Может быть чепуха какая-нибудь?

— Вѣра! — Николай повысил голос. — Довольно! Если я говорю, слѣдовательно есть основаніе. Поговорим о чем-нибудь другом.

— Хорошо, хорошо, я молчу. Итак, когда же ты пойдешь к Бекирову?

— Могу завтра. Сегодня поѣду с тобой в город и там останусь на нѣкоторое время. А может быть и совсѣм туда переѣду. Папа обѣщал освободить меня от работ на плантаціи, когда я захочу.

Послѣ обѣда Вѣрочка ждала удобнаго времени, чтобы незамѣтно для Николая встрѣтиться с Кирой и переговорить с нею. Однако, случай представился только вечером, незадолго до отхода поѣзда. Николай ушел к Шакиру сговариваться относительно начатой им на плантаціи просѣки.

Пробыла Вѣра у Киры около часа и вернулась от нея веселая, вполнѣ удовлетворенная своим визитом. Послѣ долгих уговоров и объясненій ей удалось, наконец, увѣрить подругу в нелѣпости подозрѣній Дзиды.

— Так ты ѣдешь с нами? — спросила она Николая, когда тот пришел от садовника.

— Да, конечно.

—Теперь едва-ли успѣешь собраться. До отхода осталось двадцать минут. Поѣзжай лучше со слѣдующим поѣздом. Тѣм болѣе, что навѣрно многіе наши компаньоны по рыбной ловлѣ еще не заготовили свои прошенія.

— Все равно, я поѣду.

— Во всяком случаѣ мы с Дзидзой пойдем вперед, чтобы не бѣжать в послѣднюю минуту.

— А почему ты мнѣ раньше не сказал? — спросила Дзидза. — Ты сам не умѣешь уложить все.

Николай торопливо собирал свои вещи и бросал их в чемодан. На душѣ было одновременно и тяжело и болѣзненно-пріятно. Отцу он обѣщал вернуться недѣли через двѣ. Это время пройдет спокойно, без тягостнаго состоянія находиться недалеко от Киры, избѣгать встрѣч с нею и одновременно желать их. Там, в городѣ, все кончится. А потом... Потом он со всей группой уѣдет на Кубань. А она — останется. Может быть, пожалѣет, но будет поздно.

Заперев чемодан на застежки, потушив керосиновую лампу, он быстро направился к выходу. На площадкѣ было темно. Рѣзными силуэтами чернѣли пальмы на звѣздном небѣ.

В полосѣ свѣта, падавшаго из окна Струговых, стояла Кира. Одѣтая в свѣтлое платье, ярко освѣщенная, стройная, с высоко поднятой головой — как будто смотрѣла на небо.

— Николай Петрович... Вы? — дружески-привѣтливо спросила она.

— Я.

— Здравствуйте.

Она протянула руку.

— Здравствуйте.

— Вы спѣшите?

— Да... На станцію. Уѣзжаю.

— Мнѣ хотѣлось с вами поговорить. Вы не можете задержаться?

— К сожалѣнію, нѣт. Поѣзд отходит через десять минут.

— Обидно. А, может, быть, вы не поѣдете?

— О, нѣт. Мнѣ обязательно нужно.

— Так... Ну, что-ж. Прощайте, в таком случаѣ.

— Прощайте.

Николай почтительно поклонился, обмѣнялся офиціальным рукопожатіем и быстро направился к спуску с площадки. Крутая тропинка показалась ему необычной. Очевидно он шел не по ней, а по откосу. Вѣтви камелій хлестали по лицу, росшія вдоль спуска гортензіи и буксусы били по ногам. Он видѣл под собой то гравій дорожки, то листья, то темную вскопанную поверхность земли.

— Как хорошо! Как чудесно! Просила — и получила отказ! Так и надо! Пусть, пусть! «Может быть не поѣдете»... Как бы не так! Стоит сейчас на площадкѣ оскорбленная. Хотя, зачѣм оскорблять? А вдруг все было недоразумѣніем?

Он остановился, бросился назад по дорожкѣ, опять путаясь между кустами; добѣжал до площадки, взглянул вдаль, увидѣл неподвижную свѣтлую фигуру. И помчался вниз.

— Нѣт, нѣт! Стыдно возвращаться. Пусть подождет!

Выбравшись из зигзагов тропинки, Николай соскочил на проѣзжую дорогу и побѣжал к станціи.

23.

Перед тѣм, как идти на пріем к Бекирову, Тверцов зашел к капитану Лобачеву для выясненія нѣкоторых деталей дѣла. Хотѣл он также посовѣщаться с капитаном о своем участіи в побѣгѣ из Батума.

Лобачев принял его очень любезно; поблагодарил от имени участников организаціи за желаніе помочь, попросил узнать у Бекирова, в каком видѣ нужно составить индивидуальныя прошенія; а затѣм сам поднял вопрос о

намѣренiи Николая попасть на Кубань вмѣстѣ со всей группой.

— Мнѣ вчера вечером Вѣра Сергѣевна и поручик Лосев говорили о вас, — сказал он. — Я с искренней радостью и с уваженiем отношусь к вашему желанiю. Вы, конечно, вольны поступать так, как подсказывает вам долг. Мы приняли вас без принесенiя формальной присяги, и потому вы можете ѣхать или не ѣхать по своему усмотрѣнiю. Прошенiе от своего имени вы тоже подадите на всякiй случай. Но только...

Капитан на мгновенiе смолк и дружески-ласково взглянул на Тверцова.

— Только что? — Николай смутился.

— Только позвольте мнѣ, как старшему, дать вам один совѣт. Можно?

— Разумѣется. Буду очень рад.

— Так, вот. Я думаю, дорогой мой, что вам спѣшить сейчас не слѣдует. Хотя вы и работали нѣкоторое время на форту и работали очень добросовѣстно, однако, вы человѣк совсѣм не военный, настоящей службы не проходили, опыта никакого не имѣете. А создающейся в настоящее время Добровольческой Армiи не до того, чтобы создавать военныя школы. В первую очередь должны идти, разумѣется, офицеры, уже обладающiе необходимой подготовкой. А дѣлать вас простым солдатом жаль. Подождите хотя бы нѣсколько мѣсяцев. На сѣверѣ за это время движенiе расширится, создадутся в помощь Армiи всевозможныя организацiи по обслуживанiю тыла, по пропагандѣ, ускоренные выпуски офицеров. Вот, тогда вы и поѣдете. Поручик Лосев может оттуда с вами списаться. Ну, что? Согласны со мной?

— Хорошо. Я послѣдую вашему совѣту.

— Вот и отлично. Ну, а если вам, все-таки, захочется ѣхать с нами, — пожалуйста. Только тогда вы дадите мнѣ формальное обѣщанiе повиноваться во всем. И отступленiя не будет.

— Слушаю, господин капитан.

От Лобачева Николай отправился прямо к Бекирову. Настроеніе у него измѣнилось, он замѣтно повеселѣл, и это даже вызвало в нем недовольство самим собой. «Обрадовался, что остаюсь!» — поморщившись подумал он. «Устраиваю личное благополучіе!» Но это самоосужденіе быстро прошло. В самом дѣлѣ: сам он не сдѣлал никаких шагов, чтобы уклониться. А если это — совѣт начальника, почему не согласиться? К осени, дѣйствительно, можно списаться, поѣхать. А теперь — слѣдует помочь отцу. И с Кирой многое выяснится.

В тѣсной пріемной возлѣ кабинета Бекирова находилось не мало народа. Были тут и аджарцы — землевладѣльцы, и турки — огородники, и греки — купцы, и русскія торговки с базара. Ждать пришлось долго. Наконец, дверь из кабинета открылась, и оттуда вышел Махмуд, в странном костюмѣ — не то в военном, не то в штатском, с какими-то позументами на курткѣ, с золотыми жгутами на плечах.

Бѣгло оглядѣв ожидавших, Бекиров остановил удивленный взгляд на Тверцовѣ и начал обходить всѣх по очереди.

— Это не ко мнѣ, в сосѣднюю комнату, — любезно сказал он, приняв прошеніе от русской торговки и быстро его просмотрѣв. — Это тоже туда, — продолжал он, обращаясь к ея сосѣдкѣ. Затѣм, пробѣжав глазами бумаги одного из турок и что-то сказав по-турецки, он пропустил нѣсколько аджарцев и тѣм же любезным официальным тоном обратился к Николаю:

— А у вас что?

— По дѣлу об организаціи рыболовнаго предпріятія...

— Зайдите ко мнѣ в кабинет.

Кабинет был скромный, тѣсный, созданный в походном порядкѣ: некрашеные столы, простыя полки с кипами бумаг, расшатанные старые стулья. У окна — столик с пишущей машинкой; за нею, в качествѣ машинистки, — молоденькая русская барышня.

— Чѣм могу служить? — важно произнес Бекиров, садясь в кресло и глазами показывая Тверцову на находившійся рядом стул. — Пожалуйста, присядьте.

— Спасибо. — Николай сѣл. — Я обращаюсь к тебѣ, Махмуд, от группы лиц, оставшихся сейчас безработными и желающих заняться рыбной ловлей в морѣ.

— Меня зовут господин Бекир Оглы, — хмуро проговорил Махмуд. — А что у вас за бумага в рукѣ? Прошеніе?

— Нѣт, господин Бекир Оглы, — Николай усмѣхнулся. — Так как в нашей группѣ нѣсколько человѣк, то я хотѣл вперед узнать, в каком видѣ нам всѣм надо подать прошеніе. А в этой бумагѣ у меня находится краткій проект организаціи дѣла.

— Покажите. — Бекиров взял у Тверцова бумагу, просмотрѣл ее и начальническим тоном сказал машинисткѣ:

— Татьяна Ивановна, вы свободны, пока я не позову. Можете идти.

— Слушаю.

Бекиров читал бумагу, пока машинистка не вышла. Когда же дверь за нею закрылась, он весело взглянул на Николая и дружески протянул руку.

— Ну, здравствуй, Коля.

— Здравствуй, Махмуд,— радостно отвѣтил Тверцов.

— Очень рад буду оказать тебѣ услугу. Хотя у нас морской берег охраняется очень строго, надѣюсь — начальство не будет возражать против моего благопріятнаго заключенія. Перед тѣм, как будешь от меня уходить, я тебѣ продиктую, что нужно написать. Ну, а как твои дѣла? Ты, оказывается, находился среди защитников форта Кохабери?

— Да. Около двух недѣль.

— Всображаю, какой из тебя вышел артиллерист! Навѣрно стрѣлял из пушки, как из телескопа. Ну, ну, не обижайся. А я, все-таки, до сих пор не понимаю: почему вы нам сопротивлялись? Во-первых, по Брест-Литовскому

договору Батум все равно — наш. А, во-вторых, вы же сами отлично знали, что настоящих войск у вас нѣт, и что положеніе ваше безнадежно.

— Да, конечно. Пѣхоты у нас почти не было. Мы защищали форты, можно сказать, символически, показывая, что защищаем свою честь. Было бы полным позором сдать крѣпость без единаго выстрѣла. Ну, а что касается брестскаго договора, то это дѣло другое. Мы его не признаем и потому считаем Батум нашим.

— Вашим? Русским?

— Да, русским.

— Это мнѣ нравится! — Бекиров расхохотался. — Нѣт, ты настоящій астроном, дорогой мой! — добродушно продолжал он. — Батум раньше принадлежал Турціи, мы его теперь отобрали назад, за нами такіе могущественные союзники, как Германія, Австро-Венгрія... А вы — упираетесь. И кто эти вы? Может быть участники вашего рыболовнаго предпріятія?

— Да, и они тоже.

— Очень хорошо. Люди просят разрѣшенія плавать возлѣ берегов нашей крѣпости и в то же самое время считают эти берега своими. Гдѣ же гарантія, что они не будут дѣйствовать во вред нам? Судя по списку участников, перечисленных в твоей бумагѣ, они всѣ — офицеры!

— Да, офицеры. Но для тебя лично гарантіей может являться мое честное слово. Вѣдь, если мы считаем Батум своим, это не значит, что мы будем дѣйствовать по отношенію к вам нелояльно или враждебно. Сейчас у нас единственный и непримиримый враг — большевики. Ты сам знаешь, во что они превратили Россію. Ты представляешь, во что они превратят ее в будущем, если удержат в руках власть. На борьбу с ними собираются в настоящее время всѣ здоровыя русскія силы. На Дону, на Кубани растет сопротивленіе им, добровольцы организовались, во главѣ стали извѣстные военные вожди. И главная мысль нас, находящихся здѣсь, помочь им, оказать посильное содѣйствіе.

— Да, про добровольческое движеніе я знаю и глубоко ему сочувствую, — одобрительно произнес Бекиров. — Коммунизм — дѣйствительно зараза. Большевики — настоящіе разбойники, подонки общества. Два мѣсяца тому назад эти мерзавцы возлѣ Баку, на нефтяных промыслах Биби-Эйбата, звѣрски убили моего старшаго брата — инженера. Но, я не понимаю: каким образом вы можете помогать отсюда добровольцам своим рыболовным предпріятіем?

— Вот, по поводу этого я и хотѣл с тобой переговорить, Махмуд. Если бы нам, участвовавшим в оборонѣ Крѣпости, разрѣшалось уѣхать отсюда, мы, конечно, никакого предпріятія не открывали бы. Но мы, к сожалѣнію, военноплѣнные.

— Да, вы не имѣете права покидать предѣлы оккупированной области.

— И, все-таки, прежде чѣм переходить к вопросу о рыбной ловлѣ, я думал спросить тебя: ты не мог бы в видѣ исключенія устроить нам разрѣшенія на выѣзд?

— О, нѣт, никак дорогой мой.

— А, может быть?

— Нѣт, нѣт. Если бы это касалось гражданских лиц, дѣло другое. Но, в данном случаѣ, я не в состояніи помочь.

— Жаль. Очень жаль. — Николай задумался. — Ну, что-ж... Придется начать ловить рыбу. А эти разрѣшенія ты нам дашь?

— Я тебѣ уже обѣщал. Мнѣ самому непріятно, брат, что вам не удастся осуществить свое желаніе — попасть к добровольцам, но что дѣлать. Сам видишь, не в моей власти.

— Да, понимаю. И, сказать по правдѣ, сам на это мало надѣялся. Только...

Николай смолк и загадочно-пытливо взглянул на Махмуда.

— Только, знаешь что?

— Ну?

— Ты не удивляйся. Но наша группа все-таки попадет к добровольцам.

— Когда? Впослѣдствіи? Если измѣнятся правила?

— Нѣт, теперь.

— Каким образом?

— А вот как... — Николай оглянулся, придвинул свой стул ближе к Бекирову и тихо проговорил:

— Ты дашь разрѣшеніе... Наши поработают нѣкоторое время на фелюгах, чтобы береговая стража к ним привыкла... А затѣм, на этих же фелюгах, уплывут на сѣвер.

Бекиров от изумленія замер. Он даже не знал в первый момент: смѣется-ли над ним Тверцов, или говорит серьезно.

— Послушай... — растерянно произнес, наконец, он. — Ты что? Шутишь?

— Ничуть не шучу.

— Но, вѣдь, это чорт знает, что такое. Ты думаешь, что говоришь?

— Конечно, думаю. — Николай протянул руку и дружески погладил Бекирова по рукаву. — Махмуд! Неужели ты предпочел бы, чтобы в отвѣт на твое доброе отношеніе я тебя обманул? Выслушай меня, голубчик: ну, развѣ для вас, турок, не все равно, уѣдут от вас наши офицеры, или нѣт? Вѣдь ясно, что Добровольческая Армія воевать с Турціей не будет. Ей совершенно не до того, когда на очереди свои собственныя внутреннія дѣла. А борьбу против большевиков вы можете только одобрить. Разумѣется, с моей стороны как будто наивно раскрывать тебѣ наши карты. Но я органически не в состояніи просить тебя об одолженіи и в то же время лгать. Итак, ты или нам сразу откажи, или согласись при таких условіях дать разрѣшеніе. Но если дашь, то чтобы мы были спокойны.

Бекиров продолжал смотрѣть на Тверцова с удивленіем. Когда тот окончил говорить, он нѣкоторое время помолчал, затѣм растерянно улыбнулся, и со вздохом сказал:

— Я, брат, даже не знаю, что тебѣ отвѣтить. Это прямо необыкновенно! На первый взгляд, прости меня, ты говоришь как дурак. Но, с другой стороны, ты, как будто, геніально-умный. Так, что же ты хочешь? Чтобы я был в заговорѣ с вами против моих собственных военных властей?

— Дорогой мой! Какой же это заговор? Развѣ тут есть какой-нибудь вред для Турціи? Ну, Махмуд! Согласись!

Бекиров нахмурился, нерѣшительно посмотрѣл на Николая. Но, увидѣв его благодушное лицо, добрые сѣрые глаза, медленно поднялся с мѣста, устало улыбнулся и проговорил:

— Ну, хорошо, брат. Я напишу образец прошенія. И я от тебя ничего не слышал.

Он протянул руку, добавил:

— Турки умѣют на благородство отвѣчать благородством. Понял?

Тверцов вышел от Бекирова на улицу, кончавшуюся у набережной. Пройдя ее до конца, он попал в порт, остановился около пустой досчатой пристани, возлѣ которой качалось нѣсколько лодок, и устремил свой взгляд по ту сторону огромной бухты. Там, на этих зеленых холмах, разбросаны цвѣтныя точки дач. Среди точек — одна особенная: дом, площадка, скамейка возлѣ камелій и пальм хамеропс. А на скамейкѣ? В каком платьѣ? В том же, свѣтлом?

Как странно! Одна точка. Затерянная среди зелени. И в то же время не точка, а нѣчто безконечно большое: почти цѣлый мір.

24.

В ближайшее воскресенье, послѣ того, как всѣ формальности у Бекирова были закончены, Николай с утренним поѣздом поѣхал на дачу.

На площадкѣ вокруг дома не было никого. Окна у

Струговых открыты, но внутри не замѣтно движенія. Неужели куда-нибудь уѣхали? Николай обошел зданіе, проник с террасы в столовую и увидѣл пившаго утренній кофе Петра Николаевича.

— Здравствуй, папа.

— А! Пріѣхал? — обрадовался отец. — Здравствуй, дорогой. Ну, как? Надолго?

— Пока только до вечера. Но на-днях, может быть, переѣду совсѣм.

— А как мама? Сердится, что я не бываю в городѣ?

— Нѣт. Говорит, что сама думает перебраться сюда через недѣлю или через двѣ, смотря по погодѣ.

— Отлично, отлично. Скоро будет совсѣм тепло по вечерам. Я на-днях поѣду к ней, сговорюсь насчет перевозки вещей. А на плантаціи у нас дѣло подвигается. Этот мальчуган Володя — великолѣпный работник. Даже сегодня, в воскресенье, не утерпѣл, пошел на плантацію и повел туда мать и сестру.

— Может быть не скоро вернется... — с горечью подумал Николай.

Он разогрѣл для себя кофе, сѣл за стол и завел с отцом бесѣду на разныя темы. Сначала обсуждал с ним вопрос о перестановкѣ мебели в комнатах к пріѣзду матери; затѣм сообщил новость о том, что Лосев с группой других офицеров организовал коммерческое товарищество для ловли и продажи рыбы.

— Так, так. — Петр Николаевич вздохнул. — Что подѣлаешь, приходится людям придумывать всякія комбинаціи, чтобы заработать на жизнь.

— Да, конечно.

Николай смутился и отвел глаза в сторону. Ему было неловко, что приходится скрывать от отца истинную причину организаціи дѣла. Поговорив еще немного, он вышел в сад, поднялся на верхнюю площадку, полюбовался видом, вернулся домой, взял в своей комнатѣ со стола первую попавшуюся книгу и расположился на скамейкѣ под камеліями возлѣ обрыва. Петр Николаевич в

это время отсутствовал: по случаю пріѣзда сына отправился на сосѣднюю дачу заказать два обѣда. У сосѣдей было нѣчто в родѣ домашняго пансіона, и они кормили его в тѣ дни, когда не пріѣзжала Дзидза.

— Какой чудесный день! — глубоко вдохнув в себя аромат росших около террасы роз, подумал Николай. — Какое небо! Какой воздух! И тишина...

Он взглянул в сторону той аллеи, по которой могла вернуться с прогулки Кира, и раскрыл книгу.

Это был прекрасный задачник на приложеніе дифференціальнаго исчисленія к максима и минима, с приложеніем рѣшеній. Подобныя задачи Николай очень любил. Рѣшать их сейчас он, конечно, не собирался; но перелистать книгу в ожиданіи возвращенія Киры и отмѣтить тѣ, которыя он еще не рѣшал, интересно.

Он поднял от задачника взгляд, посмотрѣл вдаль и вздрогнул. Из боковой аллеи на площадку вышла Кира. Замѣтив Николая, она пріостановилась; сдѣлала даже движеніе — повернуть назад; но, затѣм, приняв равнодушный независимый вид, твердой походкой продолжала свой путь.

— Здравствуйте, Кира Андреевна! — подойдя к ней, дружески-ласково проговорил он.

— Здравствуйте.

Она холодно протянула руку.

— Вы, кажется, ходили на плантацію?

— Нѣт, это мама и Володя. Я просто гуляла.

— Между прочим. Простите, что в тот раз... я не мог задержаться. Очень торопился на поѣзд. Вы мнѣ что-то хотѣли сказать?

— Сказать? Когда это?

— А в тот вечер... Когда я уѣзжал.

— Простите, забыла. Вѣдь вы нерѣдко то пріѣзжаете, то уѣзжаете. Очевидно, пустяк какой-нибудь. До-свиданья.

— До-свиданья.

Весь день Кира не показывалась из своей комнаты.

Возмущенный Николай до самаго вечера не мог прійти в себя от негодованія и почувствовал нѣкоторое облегченіе только сѣв в поѣзд. Он рѣшил пріѣхать в слѣдующій раз тогда, когда будет перевозить на дачу Елену Антоновну. А все это время до переѣзда думал посвятить организаціи рыболовнаго дѣла.

Дѣйствительно, со слѣдующаго дня Николай сразу принял участіе в общей работѣ, помогая Лосеву и Вѣрочкѣ в их хлопотах. Еще раньше, до полученія разрѣшенія, Лосев предварительно обыскал в порту и в городѣ всѣ лавки, магазины и даже рыбныя предпріятія, чтобы раздобыть необходимый для дѣла инвентарь. Двѣ фелюги были заранѣе присмотрѣны. Перевозить рыбу с пристани на базар предполагалось на особых ручных тележках, на которыя ставились большіе жестяные баки с водой. Сначала члены организаціи предполагали в ловлѣ рыбы обойтись своими собственными силами, не прибѣгая к посторонней помощи. Но когда уже в самом началѣ выяснилось, что никто из участников как слѣдует не знаком с этим дѣлом; когда начались споры о том, что значит ловить рыбу неводом, сѣтями, самоловами, переметами; когда, наконец, опредѣлилось, что нѣкоторые из будущих рыболовов плохо отличают скумбрію от кефали, бурбульку от бычков, бычков от султанки, — тогда рѣшили взять на первое время инструктора. И в качествѣ такого инструктора был приглашен старый турок. Турок взялся за исполненіе своих обязанностей добросовѣстно и сразу же заявил, что сѣти куплены не тѣ; что остальной инвентарь никуда не годится; что из подобной затѣи вообще ничего не выйдет, тѣм болѣе, что по правилам военнаго времени выходить в море послѣ захода солнца воспрещено.

Однако, к изумленію инструктора, эти печальныя обстоятельства нисколько не охладили пыла русских предпринимателей: уже через нѣсколько дней офиціально начало свою дѣятельность «Вольно-экономическое Общество рыбной ловли Батумскаго Побережья». И вот, каждый день, рано утром, с восходом солнца, из порта на

рейд стали выплывать двѣ фелюги с новыми рыбаками. Помимо сѣтей, каких-то ведер и лоханок для рыбы, захватывали эти рыбопромышленники с собою корзины с провизіей, купальные халаты, полотенца, карты, даже гитару; и уплывали довольно далеко, чуть-ли не до Кобудет, иногда разворачивая сѣти, иногда прыгая голыми в воду, иногда привлекая рыбу пѣніем и меланхолическим аккомпаниментом гитары. А когда солнце склонялось к горизонту, возвращались рыбаки Вольно-экономическаго Общества с отчаянным уловом, состоявшим почти из бычков и нѣскольких камбал. Но дух предпринимателей оставался твердым и непоколебимым. Неудачи не только не повергали их в уныніе, но, наоборот, вызывали прилив новой бодрости и вѣры в лучшее будущее.

А на базарѣ Нуріе в то же время был сооружен довольно большой ларек с полотнянным навѣсом, перед которым красовался огромный плакат в видѣ грандіозной картины: темно-синее море в стилѣ Билибина, с бѣлыми кудрявыми гребнями одинаковых волн; и среди этих волн величавая золотистая рыба, согнувшаяся дугой, с задранным к небу хвостом, с высоко поднятой головой.

А под картиной надпись большими печатными буквами:

«Рыба собственнаго улова».

Такого пышнаго плаката здѣсь, на базарѣ, по словам старожилов, никогда не было. Золотая рыба магически влекла к себѣ покупателей. Они подходили в одиночку, иногда даже группами; тревожно смотрѣли сначала наверх, на картину, затѣм вниз, на прилавок; вперяли свой взор в скромных бычков и камбал, заглядывали под стойку... И, убѣдившись, что больше ничего нѣт, качали головами и торопливо удалялись, обмѣниваясь мнѣніями весьма нелестными для Вольно-Экономическаго Общества.

Но, подобно тому, как слабый улов не лишал бодрости рыбаков на фелюгах, так и слабая торговля на базарѣ нисколько не огорчала директора ларька и автора билибинской рыбы прапорщика Льва Ивановича Зубовскаго.

Суетясь среди двух дам продавщиц — Вѣрочки и жены поручика Аракелова — он оживленно потирал руки, высовывал вперед над прилавком голову, кланялся знакомым и незнакомым прохожим, и время от времени радостно восклицал:

— Свѣжая рыба! Огромный выбор! Спѣшите воспользоваться! Первый сорт!

Нѣсколько дней Николай усиленно помогал Лосеву и другим членам группы в организаціи предпріятія. Выплывал даже в море на фелюгѣ вмѣстѣ с рыбаками-офицерами. Эта работа его занимала, и потому время шло быстро, отсутствіе Киры не так болѣзненно чувствовалось. А затѣм пріѣхал в город Петр Николаевич, помог женѣ уложиться, временно предоставил освободившіяся комнаты в пользованіе брату с его семьей; и Николай вернулся на дачу уже вмѣстѣ с отцом, матерью и Дзидзой.

В день переѣзда встрѣтился он с Кирой только послѣ полудня, когда, по просьбѣ матери, подметал террасу. На этот раз, против ожиданья, Кира сама заговорила с ним, причем бесѣдовала привѣтливо, доброжелательно, совсѣм по-прежнему. Спросила, много-ли работы было у него в городѣ; как идет рыболовное дѣло, о котором ей разсказала в послѣдній свой пріѣзд Дзидза; сообщила, какія книги прочла за это время.

Обрадованный примиреніем Николай охотно отвѣчал на разспросы, передал поклон от Вѣрочки и сообщил, что вернулся сюда надолго, собирается опять работать у отца на плантаціи; по вечерам же думает регулярно заниматься астрономіей.

— Буду брать с собой на верхнюю площадку трубу, — пояснил он, — и возобновлять в памяти всѣ детали. Навѣрно, кое-что уже забыл за послѣднее время.

— А, может быть, как-нибудь покажете и мнѣ звѣздное небо? — нерѣшительно спросила Кира.

— Разумѣется! Когда пожелаете.

Ужинали Тверцовы в этот день рано. Выпив чаю, утомленная Елена Антоновна легла спать. Поговорив не-

много с отцом, Николай вытащил на террасу трубу, принес из своей комнаты звѣздный атлас и потайный фонарь со свѣчей, чтобы заглядывать в атлас во время разсматриванія отдѣльных созвѣздій.

Вечер наступил ясный, тихій, теплый. В круговой аллеѣ из мимоз, ведущей на верхнюю площадку, было сыро. Со склонов доносился пряный аромат питосфорума, смѣшанный с запахом цвѣтущих роз и жасмина. Кое-гдѣ в темнотѣ плавали желто-голубые огни первых свѣтляков.

Сверху, с площадки, обсаженной буксусом, открывалась неясная ночная панорама во всѣ стороны. Кругом, по ближайшим холмам, разбросались огоньки дач. За бухтой, вдоль берега мерцало ожерелье городских фонарей. Яркой бѣлой звѣздой сіял в концѣ бухты маяк. Громады окрестных гор стояли вокруг мутными призраками. Безшумное безцвѣтное море будто исчезло. Над всѣм этим, неясным и мутным, — прозрачная чернота неба, единственная непреложная дѣйствительность со своей безконечностью, вѣчностью. И с востока медленно поднималась дуга Млечнаго Пути, сотканная из алмазной пыли безчисленных далеких міров.

— Начну с нея, — сказал про себя Николай, сѣв на скамью, отставив в сторону трубу и глядя на Большую Медвѣдицу, стоявшую вертикально в небѣ. — Ея звѣзды я помню: Дубге, Мерак, Фегда, Мерец, Аліот, Мицар, Бенетнаш. Около Мицара — Алькор. Это так. А, вот, какими буквами обозначаются возлѣ Дубге ближайшія звѣзды Дракона? Раньше знал!

Он зажег свѣчу в фонарикѣ и заглянул в лежавшій на скамьѣ атлас.

— Ну, да. Конечно: каппа и ламбда. И как мог забыть?

От каппы и ламбды Дракона Николай стал пробираться взглядом вдоль по этому созвѣздію, между обѣими Медвѣдицами. И, вдруг, услышал шаги. Свѣтлая женская фигура медленно приближалась по площадкѣ.

— Это вы? — радостно-растерянно спросил он, встав со скамьи.

— Как видите.

Кира остановилась. При свѣтѣ звѣзд Николай ясно различал ея лицо. И не только лицо, но и глаза, которые странно свѣтились голубыми искорками. Не отраженіе-ли это лучей Веги, стоявшей высоко над горизонтом?

— Значит, мы помирились, Николай Петрович? — ласково спросила она.

— Да, да! Конечно!

— Я была неправа. Дайте руку.

— Ну, что вы...

Она пожала протянутую руку, устало улыбнулась и сѣла на скамью.

— Садитесь и вы. Я хочу, чтобы вы сегодня показали мнѣ всѣ тѣ звѣзды, которыя особенно любите. И вообще... Можно?

— С огромной радостью.

Николай сѣл. Кира посмотрѣла по сторонам, вздохнула, сказала нѣсколько слов о таинственном видѣ, который открывался отсюда в звѣздную ночь; вспомнила, что в послѣднее время, когда стало совсѣм тепло, часто приходила сюда одна в сумерки; заговорила о цвѣтах, распустившихся за минувшія двѣ недѣли, и смолкла.

— Ну, а что вы мнѣ скажете? — послѣ нѣкотораго молчанія спросила она.

— Я? Да я... не знаю... В общем, мнѣ хорошо.

— И мнѣ тоже. А как видно, я очень глупа. Оттого многое и происходит. А, может быть и не глупа. Неизвѣстно. Только, почему вы так долго оставались в городѣ? Дѣйствительно, удерживали дѣла?

— Да.

— И это правда?

Николай молчал.

— Правда?

— Нѣт, не правда.

— Так почему?

— Из-за...
— Ну? Из-за меня?
— Из-за вас.
Она направила задумчивый взгляд в сторону моря.
— А раньше уѣзжали почему?
— Тоже потому.
— Все это было простое недоразумѣніе. А теперь мы снова друзья, даже больше, чѣм прежде. Вѣрно?
— Мнѣ кажется.
— И знаете что? — Она придвинулась ближе. — Вы должны доказать, что больше не сердитесь. Вы будете со мной хорошим... Совсѣм хорошим.
Ея глаза были рядом, возлѣ его лица. Чудесные голубые круги, отражавшіе уже не Вегу, а нѣчто болѣе яркое. Николай не мог разобрать, что именно.
— Вот... Вы слышите, что я вам сейчас говорю? Смотрите на меня.
— Смотрю...
— Слышите?
— Но вы ничего не говорите!
Кира отодвинулась, порывисто встала, поправила прическу и подошла к подзорной трубѣ.
— Показывайте мнѣ звѣзды! — капризно приказала она. — Только не в трубу, а так. Идите сюда.
Он встал, подошел.
— Это какая звѣзда?
Николай посмотрѣл на небо в направленіи ея пальца.
— Голубая? Спика — по-латыни, по-русски — Колос.
— В каком созвѣздіи?
— В Дѣвѣ.
— Так... А знаете, когда я смотрю на звѣзды, мнѣ по-временам становится страшно. Приходит мысль: а вдруг земное притяженіе прекратится, и мы всѣ упадем туда? В небо? Кстати... Поддержите меня слегка, я хочу взглянуть в зенит.
— Пожалуйста. — Он осторожно, точно с благоговѣніем, взял ее за талію. — Так — хорошо?

— Да. Я обопрусь на вас.

Ея рука опустилась на его плечо; затѣм продвинулась дальше, охватила шею. Закинув голову, Кира посмотрѣла наверх, повернула лицо, и ея губы коснулись его губ.

— Мнѣ было так тяжело! — прошептала она.

— Мнѣ тоже...

У Николая кружилась голова. Приводившія в трепет голубые глаза, бывшіе до сих пор недостижимым далеким счастьем, теперь свѣтились тут, рядом, около его глаз, точно принадлежали ни ей, ни ему, а им обоим. Кромѣ них он не видѣл уже ничего. Они закрыли собой часть моря, часть гор и всю восточную часть небосклона, гдѣ торжественно поднимались созвѣздія Лиры, Орла, Лебедя.

— Скажите мнѣ что-нибудь... — в перерывѣ между поцѣлуями едва слышно проговорила она.

— Я счастлив!

— Совсѣм?

— Совсѣм.

Он слегка отодвинулся, не выпуская ее из рук, радостно-удивленно смотрѣл, не вѣря собственному счастью. Восторженный взгляд медленно обошел все ея лицо, остановился на волосах, скользнул за предѣлы головы в небо на поднимавшееся с востока созвѣздіе Орла...

И, вдруг, что-то случилось. Николай оцѣпенѣл. Взгляд застыл, уставившись в одну точку. Лицо исказилось изумленіем, смѣшанным со страхом. С судорожно шевелившихся губ сорвалось несвязное:

— Не может быть!

Он разжал руки, поддерживавшія Киру, быстро отошел в сторону. Кира качнулась, чуть не упала. Николай стоял, продолжая смотрѣть на небо, и растерянно бормотал:

— Аэроплан? Нѣт. Ракета? Нѣт. Не движется. На мѣстѣ. Все время.

— Николай Петрович... Что с вами?

Встревоженная Кира подошла к нему.

— Погодите... Не мѣшайте. Да, да! Неподвижно! Но это не планета! Орел — не зодіакальное созвѣздіе. А зодіакальныя — Козерог и Стрѣлец — гораздо южнѣе. Значит — что же?

Он рѣзким движеніем повернулся к ней, протянул руки. И восторженно воскликнул:

— Кира Андреевна! Дорогая! Новая звѣзда! Понимаете?

— Какая новая?

Она с испугом смотрѣла на него. Чрезмѣрная радость, охватившая его лицо, вызывала в ней тревогу.

— А вот, смотрите! — Он схватил ее за руку. — Там, в Млечном Пути! В Орлѣ! За Алтаиром, около ламбды! Вѣдь это замѣчательно! Вѣдь, может быть, она только что появилась!

— А гдѣ? В каком мѣстѣ?

— Да я же показал. Вон! Самая яркая! Тут Алтаир, главная звѣзда Орла, между двумя звѣздочками, а тут она! На ея мѣстѣ раньше ничего не было. Недавно вспыхнула! Возможно — недѣлю назад, а возможно — сегодня, только что. Это было бы удивительно, если бы я первый ее увидѣл! Но, что дѣлать? Мы здѣсь отрѣзаны от всего міра! Я никуда не могу сообщить, даже в Тифлис! Какая досада!

— Интересно... — Кира с любопытством и в то же время с сожалѣніем взглядывала то на новую звѣзду, то на Николая. — Давайте, сядем. Удобнѣе будет смотрѣть.

— Во всяком случаѣ мы ее застали в первой стадіи: она еще голубая, — садясь на скамью, взволнованно продолжал он. — А потом, как обычно бывает с новыми звѣздами, блеск ее ослабѣет, она станет желтой, затѣм красной и, наконец погаснет, или превратится в маленькую звѣздочку. Вот, очень интересная звѣзда появилась во времена астронома Тихо де Браге. В 1572 году, кажется. Своей яркостью она превосходила Венеру. Вы представляете? Даже днем ее можно было видѣть.

Кира слушала, опустив голову. Ей было грустно. Николай продолжал говорить, сообщая о том, в каких участках неба преимущественно появляются новыя звѣзды; и когда, наконец, смолк, ироническая улыбка скользнула по ея лицу.

— Скажите... Вы очень счастливы, что увидѣли ее?

— О, да! Разумѣется!

— Может быть мнѣ уйти, чтобы не мѣшать вам?

— Что вы! Зачѣм? Сидите.

— Спасибо за любезность. Но, все-таки... Когда мы стояли там, вы мнѣ сказали, чтобы я не мѣшала. Вам, навѣрно, хочется как слѣдует углубиться в вашу радость.

— Нѣт, нѣт, оставьте. Ничуть не мѣшаете. Мнѣ даже, наоборот, пріятно подѣлиться. Вы знаете, например, происхожденіе новых звѣзд? Грандіозная картина! Сядьте вот так... Я вас буду держать за руку. Можно? Кира Андреевна, мнѣ так хорошо! Вы — здѣсь. Она — там... А всѣ онѣ, новыя звѣзды, обычно появляются в видѣ результата какой-нибудь гигантской катастрофы в далеких мірах. В нѣкоторых случаях это... Впрочем, сначала скажу нѣсколько слов о различных тѣлах, встрѣчающихся в межзвѣздных пространствах.

Он стал разсказывать, что во вселенной, помимо звѣзд, их планет и раскаленных свѣтящихся туманностей, находятся многія невидимыя нам тѣла: потухшія солнца со своими мертвыми спутниками, скопленія темной матеріи, потоки метеоритов, осколки распавшихся угасших свѣтил. И затѣм продолжал:

— Что же касается новых звѣзд, то в нѣкоторых случаях это — разрыв поверхностной коры потухшаго свѣтила. Под вліяніем притяженія какого-нибудь проходящаго мимо темнаго тѣла, раскаленная внутренняя часть угасшей звѣзды испытывает нѣчто в родѣ прилива, кора разрывается, и раскаленное ядро становится видимым. Или случается иначе: два темных небесных тѣла — потухшія солнца, или планеты, от какой-то причины неожиданно выходят из равновѣсія и несутся друг к другу. Вы пред-

ставляете? В темнотѣ космической ночи, среди мірового молчанія, при слабом свѣтѣ отдаленных звѣзд, мчатся для страшной встрѣчи гиганты. Постепенно движеніе ускоряется, пріобрѣтает чудовищную скорость... И, вот, — удар. Энергія движенія переходит в тепло. Оба тѣла воспламеняются. Расплавляются. Превращаются в раскаленный газ на пространствѣ в десятки, сотни, тысячи милліонов километров... И лучи от этого внезапнаго океана свѣта несутся во всѣ стороны по міровому пространству. Бѣгут годы, десятки, тысячи лѣт, достигают нашей земли. И глаз наш видит, наконец, что гдѣ-то там, в неизмѣримой глубинѣ, произошел великій пожар. Но произошел не сейчас, а когда-то давно — быть может в наши средніе вѣка; быть может во времена Цезаря, Сократа, царя Соломона...

— Замѣчательно! — глядя на небо, взволнованно произнесла Кира. — Как чудесно и страшно. Какая красота!

Она порывисто обвила его шею рукой, приблизила глаза к его лицу.

— Они мчались друг к другу? — зашептала она.

— Да...

— Все ближе и ближе?

— Ближе...

— Великій пожар. Далекій и близкій. Океан свѣта... Как счастлива я!

25.

Послѣ неожиданно наступивших дождей, продолжавшихся около трех недѣль, очистилось, наконец, небо, запылало солнце. Настало жаркое лѣто.

Вмѣсто пѣнящейся полосы зимних прибоев протянулась вдоль берега кайма распустившихся ярких цвѣтов. Гортензіи украсились пышными голубыми шарами, подражая небесному своду; питосфорум обрызгал свои глянцевитые листья безчисленными бѣлыми звѣздами, напоен-

ными благоуханіем меда; величавыя магноліи раскрыли огромныя чаши из ароматнаго воска; нѣжно прикасаясь к цвѣтам, легкій бриз сочетал в аккорды запахи олеа фрагранс, гарденій, олеандр, лилій и роз, обвивавших сады и дачи сплошными гирляндами.

Всѣ эти дни Николай жил точно в туманѣ, одурманенный окружающей красотой и собственным счастьем. В Кирѣ соединилось для него все, что было вокруг дорогого: от новой звѣзды Орла до скромной пушинки мимозы. Ея улыбку видѣл он на далеких горах у турецкой границы, на вершинѣ Тиралы, на морском горизонтѣ. Чувствовал он себя разбитым, разслабленным, захваченным сладостной тяжелой болѣзнью. Несмотря на настойчивые уговоры Дзидзы, ѣл мало, без всякаго аппетита. И только работа на плантаціи спасала его. Он яростно рубил деревья, сдирал с них ліаны, копал до изнеможенія землю; и во время отдыха взглядывал на небо, чтобы увидѣть там дорогіе глаза.

А вечера они всегда проводили вмѣстѣ, среди звѣзд, свѣтляков и притаившихся повсюду цвѣтов. Гдѣ только они ни сидѣли в эти часы, помимо скамеек на верхней и нижней площадках! И среди камелій возлѣ тропинки одного склона; и среди подстриженнаго буксуса у дорожки другого склона; и под австралійской акаціей у проѣзжей дороги; и, наконец, на берегу моря, гдѣ чередовались с волнами в желаніи друг друга понять: то они слушали лепет волн, то волны слушали, о чем они шепчутся.

Между тѣм, Дзидза была очень довольна. Оставаясь послѣ ужина в столовой с Еленой Антоновной, она не раз говорила, что Колѣ не надо надолго откладывать свою свадьбу, чтобы не мучить себя, и выражала горькое сожалѣніе о том, что не может быть кормилицей его ребенка.

А однажды, когда Николай и Кира сидѣли вечером в столовой, занятые просмотром звѣзднаго атласа, Дзидза с тревогой взглянула на них и наставительно произнесла:

— Коля, зачѣм сидите в комнатѣ? Идите лучше гулять!

— А нам нужна лампа.

— Очень вам теперь нужно лампу!

Между тѣм, пока Николай жил на дачѣ, его коллеги — офицеры рыболовы уже готовились к бѣгству. Сильно повліяло на их рѣшеніе ускорить отъѣзд прибытіе в Батум одного грузинскаго офицера, командированнаго на совѣщаніе с турецкими представителями по опредѣленію границ между новой турецкой территоріей и Грузинской Республикой. Эта самостоятельная Республика образовалась 13 мая, послѣ того, как Сейм и общее закавказское правительство сложили свои полномочія.

Пріѣзжій офицер встрѣтил случайно в городѣ одного бывшаго русскаго однополчанина и разсказал ему, что по свѣдѣніям тифлисских газет борьба с большевиками в казачьих землях развивается очень успѣшно. Продвинувшіеся на восток нѣмцы, вопреки Брестскому договору, в концѣ апрѣля заняли Дон, ссылаясь на то, что большевики не исполнили обѣщанія разоружить красную гвардію. И этим заслоном нѣмцы косвенно оказывают поддержку Добровольческой Арміи, занявшей Екатеринодар и почти всю Кубанскую Область. По словам офицера, Корнилов убит, и теперь возглавляет движеніе генерал Алексѣев вмѣстѣ с нѣсколькими крупными военачальниками. Дон также очищается от большевиков.

Капитан Лобачев, в связи с указанными благопріятными вѣстями с сѣвера, созвал совѣщаніе, на котором послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній был назначен день отъѣзда. Всѣ участники приглашались к этому дню ликвидировать свои личныя дѣла; чтобы не вызвать ничьих подозрѣній, в день бѣгства ларек на базарѣ должен работать: нужно вмѣсто себя найти кого-нибудь из знакомых, которым поручить продажу рыбы, не посвящая их в секретный план. Каждый участник должен заранѣе приготовить в ограниченном количествѣ свои вещи, небольшими пакетами приносить их и складывать в установленные на носу фелюг ящики.

На слѣдующій день послѣ этого совѣщанія Вѣрочка

неожиданно объявила родителям, что в ближайшее воскресеніе в Кобулетах состоится ея свадьба с Лосевым. Никакого торжества из этого событія она просила не дѣлать. В церкви будут присутствовать только нѣсколько офицеров — друзей Арсенія — и Николай с Кирой. Привыкшіе за послѣднее время к причудам дочери мать и отец покорно приняли это условіе, но все же уговорили ее соблюсти минимум приличія: получить от них благословеніе перед отъѣздом в Кобулеты и явиться к ним послѣ бракосочетанія со всѣми друзьями поужинать и выпить по бокалу вина.

— А, может быть, вы поселитесь вмѣстѣ с нами? — нерѣшительно спросила дочь Софья Ивановна. — Вѣдь сейчас дом пустой.

— О, нѣт, мамочка. У Арсенія, вѣдь, своя квартира. И потом, по вечерам к нему часто приходят по дѣлу наши офицеры-рыбаки. Там будет удобнѣе.

Видя, как мать опечалена, Вѣрочка успокоительно добавила:

— Ты увидишь, я часто буду приходить к вам!

А затѣм, вспомнив, что приблизительно через двѣ недѣли она окончательно покинет родителей, может быть навсегда, порывисто обняла Софью Ивановну, стала нѣжно цѣловать ее и отца.

— Ну, будь счастлива, дитя мое, — прослезившись, сказала Софья Ивановна. — Он хорошій человѣк, твой Арсеній.

— А что взгляды у него слишком правые, это пустяки, — ободряюще произнес Сергѣй Николаевич. — Надѣюсь, чаще будет видѣться со мной и измѣнится.

Прошло послѣ свадьбы Лосевых нѣсколько дней. Николай продолжал по-прежнему работать вмѣстѣ с отцом и Володей. И однажды предложил Кирѣ отправиться с ним на плантацію: ему предстояло начать в просѣкѣ порубку цвѣтущих рододендронов, а было бы жаль, если бы всѣ срубленныя вѣтки с цвѣтами погибли.

— Ты выберешь лучшіе экземпляры, и мы принесем

их домой, — сказал он. — Заберем с собой столько, сколько будем в состояніи.

Кира согласилась пойти, но, как будто, не очень охотно. Послѣ недавней встрѣчи с Вѣрой, она почему-то была нѣсколько холодна с Николаем.

— Хорошо, — равнодушно отвѣтила она. — Только мнѣ много не надо. Я сдѣлаю небольшой букет и сейчас же вернусь назад.

— Почему?

— Так.

— Ты же любишь рододендроны. Я тебѣ всегда приносил в послѣднее время.

— Да, но теперь... нѣт настроенія.

— Странно. Может быть нездоровится?

— Нѣт, я здорова.

— В таком случаѣ, в чем дѣло? Почему такой тон? Чѣм-нибудь недовольна?

— Да.

— Мною?

— Тобой.

— Вот как! — Николай испуганно посмотрѣл на нее. — А что я сдѣлал?

— Я тебѣ не говорила, думала скрыть. Но, оказывается, не могу. Значит, у тебя была мысль бѣжать отсюда вмѣстѣ с офицерами в Добровольческую Армію?

— Одно время была. Но, откуда ты знаешь про офицеров?

— Вѣрочка мнѣ все разсказала.

— Разсказала? Но это с ея стороны безобразіе! Она не имѣла права говорить, так как обѣщала хранить тайпу!

— Что-ж. Она не такая формалистка, как ты. Если искренно любит человѣка, то говорит ему откровенно все.

— Значит, ты упрекаешь меня? Но, вѣдь, это не моя тайна, а чужая! Я не смѣл!

— Когда любят, все смѣют.

Высказавшись, Кира замѣтно успокоилась и даже по-

веселѣла. Придя на плантацію, Николай усадил ее около просѣки, а сам принялся рубить рододендроны. Вся вершина холма, заросшая этими высокими древовидными кустами, казалась сплошным цвѣтущим садом. Среди глянцевитых зеленых листьев разбросались огромные цвѣты, осыпанные безчисленными розово-фіолетовыми лепестками.

Поборов в себѣ жалость, Николай бил топором по стволам кустов у самой земли, срывал с вѣтвей цвѣты, бросал их вниз, гдѣ сидѣла Кира, а вѣтви и стволы складывал у края просѣки в видѣ зеленаго вала.

— А теперь могу немного отдохнуть, — сказал он, поработав около часа и спустившись к ней. — Ну, что: много?

— Масса. И какіе чудесные! Я разбираю их по оттѣнкам.

— Ну, а что: плохое настроеніе прошло?

— Я не злопамятна.

Он улыбнулся, хотѣл подсѣсть к ней и обнять; но бросил взгляд вниз, гдѣ работали отец и Шакир, и остался на мѣстѣ.

— Ты сама понимаешь, как тяжело мнѣ что-либо скрывать от тебя, — проговорил он. — И поэтому сейчас, во время работы, рѣшил посвятить тебя во всѣ свои планы. Раньше не говорил, чтобы не огорчать; но теперь, когда Вѣра многое тебѣ разсказала, нѣт смысла умалчивать.

Он взял ее за руку и подробно передал свою бесѣду с капитаном Лобачевым относительно будущаго поступленія в Добровольческую Армію. Кира внимательно слушалала, одобрительно кивала головой, и, когда он смолк, твердым голосом произнесла:

— Да, тебѣ надо будет присоединиться к ним.

— Значит — одобряешь? — Николай радостно взглянул на нее. — Я так и знал. Конечно, пока это еще впереди. Неизвѣстно когда. Но рано или поздно... Надо.

Ты знаешь, как я люблю тебя. Люблю родных. Но, вѣдь, любовь к Россіи тоже не пустой звук.

— Да, да. Вѣрно. — Кира нахмурилась; лицо стало торжественно-строгим. — Одно только нехорошо: что ты не хотѣл меня огорчать.

— Да? Но, вѣдь... Вѣдь нам будет так тяжело разставаться!

— Разставаться? А зачѣм? Неужели ты думаешь, что я не поѣду с тобой?

Николай в восторгѣ обнял Киру и стал ее цѣловать, уже забыв о том, что внизу, недалеко от них, работают Петр Николаевич и Шакир.

Послѣ обѣда у костра Петр Николаевич по обыкновенію разостлал под тѣнистым буком свой плэд и уснул. Недалеко от него на травѣ растянулся и Шакир. Володя отправился в находившіяся у края участка заросли мелкаго орѣха вырѣзывать себѣ палку для прогулок. Кира же и Николай вернулись к просѣкѣ, к тому мѣсту, гдѣ огромной грудой лежали собранные ими цвѣты.

— А каким милым человѣком оказался этот турок, твой товарищ по гимназіи! — заговорив об организаціи офицеров-рыболовов, сказала Кира. — Как передавала мнѣ Вѣра, он, вѣдь, был турецким шпіоном, а тебѣ, все-таки, сразу дал разрѣшеніе.

— Она тебѣ и это разсказывала?

— Да. А что-ж такого? Это очень трогательно. Ты с ним в гимназіи был очень дружен?

— Не очень, но в хороших отношеніях.

— Я тебѣ как-то говорила, что нѣсколько мѣсяцев прожила с мамой в Тифлисѣ. Мы ждали тогда пріѣзда Володи. Мимо вашей первой гимназіи мнѣ часто случалось проходить. Это — на Головинском Проспектѣ?

— Да. У нас, на Кавказѣ, дѣтскія товарищескія отношенія вообще очень цѣнятся. А если люди становятся кунаками и дают обѣщаніе быть друзьями всю жизнь, то это уже не просто слова, а нѣчто дѣйствительно священное.

— А у тебя были в гимназіи такіе кунаки?
— О, да.
— И ты их очень любишь?
— Разумѣется.
— Больше меня?
— Что за вопрос! Это совсѣм другое. Несоизмѣримое, так сказать. Есть, например, у меня два товарища, с которыми я подружился уже с перваго класса. На одной горѣ мы даже дали друг другу клятву сохранять нашу дружбу всю свою жизнь.

— А у меня, к сожалѣнію, в дѣтствѣ таких близких подруг не было. То-есть, были такія, с которыми любила встрѣчаться, ходила в гости. Но, чтобы очень сближаться, повѣрять тайны — никогда. Вот, Вѣра — первая женщина, с которой я могу искренно говорить обо всем, что у меня на душѣ.

— Да, Вѣрочка заслуживает это. А какія же тайны ты могла повѣрять своим прежним подругам? У тебя были какія-нибудь увлеченія?

— Тайны могут быть и без увлеченій. Впрочем, в каком смыслѣ ты говоришь об увлеченіях?
— Ну, в каком... В романическом, разумѣется.
Кира смутилась.
— Были, да? — с хитрой улыбкой повторил он, обняв ее за талію.
— Ты говоришь глупости.
— Не сердись. Я же — так. А, вот, у меня были случаи. Впрочем, если ты не хочешь говорить, я тоже не буду.
— Нѣт, ты должен. Что-нибудь серьезное?
Она пытливо взглянула на него.
— Как тебѣ сказать... Тогда казалось серьезным, а сейчас — не особенно. Первое мое увлеченіе было в Батумѣ гимназисткой Зиной, во время каникул. Я перешел тогда в четвертый класс, а она — в третій. У нея были рыжіе волосы и острый крючковатый нос. И этот нос по-

чему-то мнѣ очень нравился. Впрочем, — может быть, тебѣ неинтересно?

— Нѣт, нѣт, говори.

— Я встрѣтил ее в первый раз на бульварѣ. Она шла вмѣстѣ со своей матерью — портнихой. И от того взгляда, который она бросила на меня, я сразу потерял голову.

— Недурно. И, главное, при крючковатом носѣ! Ну?

— Я замѣтил, что они приходят на бульвар обычно в пять часов, и стал тоже сюда являться. Садился на скамью, ждал. И, вот, показывалась вдали ея фигура, рыжіе волосы...

— Нос...

— Нос — потом, когда уже приближались. И во мнѣ дух замирал. Онѣ проходили мимо, она каждый раз внимательно смотрѣла на меня, и затѣм обѣ исчезали в другом концѣ бульвара. Так продолжалось недѣли двѣ, три.

— А какіе глаза у нея были?

— Не помню точно, потому что от смущенія на глаза не смотрѣл. Кажется, зеленые. Ну, и вот, чтобы ей понравиться, я попросил Дзидзу сшить мнѣ черныя брюки. У нас, в младших классах, до пятаго, гимназисты должны были носить лѣтом бѣлую курточку и бѣлыя панталоны; старшіе же могли вмѣсто бѣлых брюк надѣвать черные. Я, разумѣется, хотѣл казаться старше... Дзидза охотно исполнила мою просьбу и сшила, но из какой-то ужасной матеріи, с пушистым ворсом. Передняя сторона была скроена ворсом вверх, а задняя — ворсом вниз, почему казалось, что панталоны разнаго цвѣта: спереди черные, а сзади — сверкающіе сѣрые. Мнѣ это было страшно непріятно, но что дѣлать! И вот, один раз — вижу я — идет по аллеѣ Зина, и — одна. Без матери! Поравнялась со мной, улыбнулась и, вдруг говорит: «Скажите, пожалуйста, как отсюда выйти на Шепелевскую улицу»? А на эту улицу она каждый раз с матерью и выходила. Я обрадовался, вскочил. «На Шепелевскую? С удовольствіем... Сейчас покажу». Пошли мы рядом, а я все стараюсь

идти боком, лицом к ней, чтобы не было видно, какой сзади ворс. Разговаривает она со мной, кокетничает и, наконец, с удивленіем говорит: «Почему вы так ходите, как будто мазурку танцуете?» «А это, — отвѣчаю я, — у нас в роду такая походка. Папа тоже так ходит». Остановилась она, внимательно меня осмотрѣла, заглянула назад, расхохоталась и убѣжала вперед. Так и кончился мой роман: опозоренный, я больше не ходил на бульвар к пяти часам.

— Забавно. Очень. — Кира пренебрежительно улыбнулась. — Значит, вы с нею не цѣловались?

— Гдѣ там цѣловаться!

— А в Петроградѣ? Студентом? Много увлекался?

— О, нѣт. В Университетѣ я уже остепенился. Слишком был занят. Математическій факультет, вообще, помоему, охраняет людей от излишних увлеченій. Взять хотя бы интегрированіе дифференціальных уравненій: никакой роман в голову не пойдет, если уравненіе не поддается интегрированію.

Николай смолк, взял руку Киры и стал нѣжно гладить.

— А я... — Она задумалась. — Я могу про себя сказать, что до сих пор никогда ни в кого не влюблялась. Хотя много глупостей мнѣ говорили всякіе гимназисты, кадеты. Был потом поручик, адъютант папы. В нашем имѣніи он ѣздил со мною верхом. Как только я замѣтила, что он переходит границы обычных отношеній, сейчас же попросила его уѣхать от нас. И про студента я тебѣ, кажется, разсказывала, про того самаго, который стал объясняться во время опытов с картами. А затѣм... это было недавно, перед отъѣздом в Поти, в Тифлисѣ. Там познакомилась я с двумя студентами, которые в меня... так сказать... Ну, которым я нравилась. Оба милые, симпатичные. Один — грузин, добродушный, хорошій, но совсѣм простоватый; а другой — армянин, вполнѣ интеллигентный, умный, вообще интересный. Ты что отодвигаешься? Тебѣ непріятно?

— Нѣт, нѣт... Ничего.

Николай поблѣднѣл. Впился взглядом в Киру.

— Мы иногда устраивали совмѣстныя прогулки. Часто встрѣчались втроем. Я к ним относилась совсѣм подружески, пока не замѣтила, что отношенія между ними начали портиться. Армянин вел себя благородно, поджентльменски; но грузин потерял равновѣсіе, стал нервничать, ревновать пріятеля. Погоди: что с тобой? Почему на меня так смотришь?

Кира встревожилась.

— Это... Шалва? — тихо, как-то зловѣще, спросил он.

— Что? Да, Шалва. А откуда ты знаешь?

— А тот... Женя Хачатуров?

— Женя.

— И жила ты у Головановых?

— У Головановых. Значит, это твои одноклассники? И ты с ними видѣлся, когда проѣзжал? Вот совпаденіе! Но почему у тебя такое лицо?

— Все погибло!

Он вскочил. Порывисто сдѣлал нѣсколько шагов в сторону, растаптывая ногами цвѣты рододендронов, затѣм вернулся, растерянно посмотрѣл на Киру, опять отскочил, безсмысленным взглядом уставился на вершину далекой горы.

Она с тревогой поднялась, подошла, взяла его за руку.

— Коля... Милый! Что с тобой?

— Не прикасайся!

— Коля! Но вѣдь ничего не было!

— Да, да. Знаю. Я все знаю. Но, если бы не я, Женя мог быть с тобой счастлив! Между нами все кончено!

Николай посмотрѣл под ноги, на лежавшіе внизу рододендроны. Как их много! Будто чья-то могила, заброcанная цвѣтами. Затѣм поднял голову, взглянул на море, на окружающіе холмы и уже спокойным тоном произнес:

— Пожалуйста, не безпокойся. Я сейчас пойду в город. По дѣлу. А завтра утром вернусь.

Не попрощавшись, он быстрыми шагами стал спускаться к дорогѣ.

26.

Весь остаток дня и безсонную ночь Кира провела в мучительных догадках о странном поведеніи Николая. Она чувствовала, что это не ревность: никакого основанія не было. Но в таком случаѣ что? Может быть какая-нибудь нелѣпая сплетня, которую он слышал во время пребыванія в Тифлисѣ?

Кира встала утром блѣдная, разслабленная. Расположившись на обсаженной криптомеріями скамьѣ, мимо которой обычно всѣ поднимались на дачу со станціи, она с тревогой ждала утренняго поѣзда. С послѣдней субботы расписаніе измѣнилось, поѣзда стали чаще ходить; но, вдруг, опять какая-нибудь перемѣна, и Николай сейчас не пріѣдет?

Время тянулось отвратительно медленно. Доносившійся со склона аромат цвѣтов казался назойливо-приторным. Но вот, наконец, вдали, за поворотом у сосѣдней дачи, послышалось дребезжаніе расшатанных вагонов и вмѣстѣ с ним старческое дыханіе запыхавшагося локомотива.

Николай медленно поднимался по тропинкѣ. Лицо было грустно. Увидѣв издали Киру, он печально улыбнулся, ускорил шаг. И, подойдя к ней, не поцѣловал, а просто протянул руку.

— Здравствуй, милая.

— Садись, — строго сказала она.

Он покорно сѣл.

— Ты вчера очень мило оставил меня на плантаціи, — холодно добавила она. — Я убѣдилась, как ты меня любишь.

— Прости меня. — Он опустил голову. — Я не подумал. Но мнѣ нельзя было иначе. Я объясню.

— Надѣюсь.

Николай стал подробно говорить о своем пребываніи в Тифлисѣ у Шалвы. Сообщил о том, как узнал о ссорѣ Шалвы с Женей; о том, как старался их примирить, как уговаривал не ссориться из-за женщины, ссылаясь на клятву, данную у монастыря Іоанна Задазенскаго.

— Ну, и теперь, — взволнованно закончил он, — ты понимаешь, в каком я позорном положеніи! Уговаривал Женю бросить тебя, уговорил, и, вдруг, вышло, что сдѣлал все это для себя, для своего счастья! Конечно, я не виноват по существу. Но факт остается фактом! Шалвѣ ты дала ясно понять, что он ни на что не может разсчитывать, так что Шалву я не считаю. Но Женѣ... Женѣ ты не отказала. Если бы не я, он продолжал бы с тобой видѣться, и — кто знает — может быть ты его полюбила бы. Он замѣчательный человѣк, он достоин твоей любви. Вѣдь ты такая чудесная, такая прекрасная. Ты составила бы для него настоящее счастье! Теперь понимаешь меня?

— Что понимаю?

Она с изумленіем смотрѣла на него.

— Да это самое... Понимаешь, что у меня нѣт другого выхода, как оставить тебя? Над нашей любовью все время тяготѣло бы что-то нечестное с моей стороны, какая-то гримаса, насмѣшка судьбы. Я не могу быть предателем, хотя бы даже невинным, по отношенію к своему кунаку!

Кира всего ожидала: ревности, недоразумѣнія из-за клеветы, но никак не подобной нелѣпой причины разрыва. От волненія она даже привстала, растерянно оглянулась по сторонам и снова сѣла.

— Дорогой мой... — Голос ея дрожал. — Извини меня... Но, вѣдь, ты... Ты совсѣм сумасшедшій!

Он молчал.

— Ты не чувствуешь, что все это безсмысленно! Почему мы своею любовью должны добровольно отвѣчать

за какую-то игру случая? Мало ли что было! И почему ты думаешь, что я его полюбила бы? Кто тебѣ это сказал?

— Но ты же не отказала ему!

— Но я и не согласилась!

— Но ты могла бы согласиться впослѣдствіи! Скажи честно: могла бы?

— Не знаю... Едва-ли.

— Вот, видишь! Не знаешь! А я вам помѣшал. И сейчас с тобой я, вмѣсто него. Да, да. Я прав. Безусловно прав. И, в концѣ концов, может быть все это и не так ужасно. Я сегодня всю ночь не спал. Обдумывал. И пришел к заключенію, что самое главное между нами, все-таки, остается. Разумѣется, прежнее внѣшнее чувство кончилось. Безповоротно. Но, вѣдь, мы, кромѣ того друзья! И эту дружбу мы должны сохранить. Она даже возрастет, станет крѣпче, ты увидишь. Мы будем по-новому счастливы. А перед Женей я останусь чист. Раньше у меня было два друга — Женя и Шалва. А теперь будет три: они оба и ты. Мы с тобой будем любить только наши души. Поцѣлуи, глаза — это так ничтожно, так случайно. А дружба — вѣчна. Она не имѣет ни форм пространства и времени, ни кантовских категорій количества, качества, причинности. Ну, скажи: развѣ не вѣрно?

— Для тебя, может быть, вѣрно. Что-ж. Если ты хочешь меня разлюбить, пожалуйста. Я не препятствую.

Она подняла голову. Прежнее выраженіе на лицѣ смѣнилось горделивой презрительностью.

— Ах, Боже мой! Да развѣ я хочу? Но что дѣлать, если иначе невозможно?

— Невозможно? А развѣ ты не можешь об этом написать Женѣ? Объяснить, что случилось? Письмо переслал бы твой товарищ турок.

— Как? Написать? — Николай вскочил. — Ни за что! Ни в коем случаѣ! Развѣ ты не чувствуешь, что это унизительно? И потом... Я тебѣ еще не все сказал. Я здѣсь все равно не останусь. Я уѣзжаю. Эта обстановка... Природа, цвѣты, каждая знакомая скамья, каждая тропин-

ка — будут напоминать. И вчера я дал обѣщаніе Лобачеву, присягу. Вмѣстѣ с ними поѣду на Кубань. А впослѣдствіи мы с тобой спишемся.

Кира нахмурилась.

— Ты это сдѣлал?

— Да. Так будет лучше.

— И дал обѣщаніе, не поговорив со мною?

— Я боялся твоих возраженій.

— Так, так. Ну, поѣзжай. Поѣзжай! — повторила она с негодованіем. — И это — друг! Который все сам рѣшает, не спросив совѣта! Ты только думаешь о себѣ! Только о том, чтобы сохранить в чистотѣ свои ризы! В таком случаѣ между нами дѣйствительно все кончено! Ты от меня не услышишь ни одного лишняго слова. Не увидишь улыбки. А поступать так, как ты... Это чудовищно!

— Кирочка!

— Этого я от тебя не ожидала!

— Кира! Мы еще поговорим...

— Поздно!

— Кира, может быть ты права. Надо было предупредить. Но я был так ошеломлен. В таком состояніи... Как я останусь без тебя — не знаю. Неизвѣстно — выдержу ли. Мнѣ ничего от тебя не надо. Но нужно иногда видѣть. Знать, что ты — недалеко. Кира, я сам не знаю, как быть. Но не сердись! Будь ко мнѣ добра в послѣдніе дни! Вѣдь я думал поступить честно. Вѣдь я... Я же несчастен!

Он продолжал говорить. Говорил, отрывисто, сбивчиво. Она уже без гнѣва, наоборот — с нѣкоторым состраданіем смотрѣла на него: затѣм отвела глаза в сторону, задумалась.

— Что-ж. Значит, так надо, — с покорностью в голосѣ произнесла, наконец, она. — Если ты дал слово, ты поѣдешь. Это несомнѣнно. Но, в таком случаѣ, я тоже могу рѣшать так, как хочу, без предварительных совѣщаній с тобой. Теперь мы только друзья. И, вот, в качествѣ друга, я тоже поѣду с тобой.

— Что? Ты?

— Да, я.

— Но это... Немыслимо!

Он смотрѣл на нее испуганно, чуть-ли не с отчаяніем. Но, помимо тревоги, в глазах проскальзывала затаенная радость.

— Ты не представляешь, как тебѣ будет трудно. Опасно. Нѣт, ты не можешь ѣхать! Там, вѣдь, анархія. Ничего не извѣстно. Я тебѣ запрещаю!

— Что? Запрещаешь? Это на каком основаніи? Как друг, я могу отлично обойтись не только без твоего запрещенія, но даже без твоего совѣта. А кому из нас будет болѣе трудно и опасно, — еще вопрос.

— Кирочка! Милая! Какая ты замѣчательная! Как я тебя люблю! То-есть... не то. Как уважаю! Но ты, все-таки, подумай еще!

— Довольно об этом. Я рѣшила. Сегодня вечером поѣду в город к Вѣрочкѣ, постараюсь устроить всѣ формальности. Когда окончу, вернусь. А ты уходи на плантацію и вечером не вздумай провожать меня на поѣзд.

Николай исполнил желаніе Киры: проводив ее домой, сейчас же ушел и вернулся только к сумеркам, когда она уѣхала.

Передав матери и Дзидзѣ рододендроны, принесенные с плантаціи, он поужинал и вышел на площадку. На югѣ, между стволами пальм, сверкали огни города. Там, среди этих огней, сейчас находится Кира; навѣрно, совѣщается с Вѣрой; может быть собирается увидѣть сегодня же капитана Лобачева...

Вспомнив, что такія назойливыя мысли о Кирѣ излишни при обыкновенной чистой дружбѣ, Николай поморщился, отвернулся, поднял глаза и стал разсматривать небо. Созвѣздіе Орла стояло довольно высоко на юго-востокѣ, распластавшись у края Млечнаго Пути. Новая звѣзда около ламбды попрежнему ярко горѣла.

Постояв нѣкоторое время на площадкѣ, он тяжко вздохнул и вернулся в столовую, гдѣ Петр Николаевич и

Елена Антоновна продолжали пить чай, а Дзидза возилась у буфетнаго шкапа.

— Скажи, Коля, ты не очень переутомляешься на плантаціи? — заботливо спросила сына Елена Антоновна. — Вид у тебя неважный. Сегодня работал весь день до вечера!

— Ну, как я работаю, мама! — Николай вяло улыбнулся. — Отдыхаю слишком часто. И пропускаю цѣлые дни, когда ѣзжу в город.

— Теперь очень горячее солнце, Коленька. Смотри, надо быть осторожным. А какіе чудесные твои рододендроны! Там еще много осталось? Жаль, я не могу пѣшком так далеко ходить.

— Их сколько угодно. Завтра, если хочешь, еще принесу.

— Скажи: а Кира уѣхала? — подойдя к столу, обратилась Дзидза к Николаю.

— Не знаю. Кажется.

— Как не знаешь? Хорошее дѣло! А когда ваша свадьба?

Елена Антоновна и Петр Николаевич улыбнулись. Николай покраснѣл.

— Ты бы вообще лучше не вмѣшивалась не в свои дѣла, — укоризненно проговорила Елена Антоновна. — Достань-ка для Коли земляничное варенье. Он любит.

— Это можно. Только — почему не вмѣшивайся? Вот, Вѣрочка уже вышла замуж и, должно быть, на роялѣ кончила играть. А они — все гуляют в саду. Если не жениться, что дѣлать, когда пойдет дождик?

Дзидза продолжала что-то ворчать, перекладывая варенье из банки в вазочку.

— А я, брат, думаю вот о чем, — обратился Петр Николаевич к сыну. — Не построить-ли нам на плантаціи временный небольшой домик? Слишком неудобно таскать инструменты или просить одолженія у сосѣдей аджарцев. Вѣдь осенью, при посадкѣ чая и мандаринов, начнется горячая работа.

— Да, это идея.

— Я думаю, пока достаточно одной просторной жилой комнаты и при ней сарая. Поставим печку и кое-какую мебель, чтобы в случаѣ чего можно было переночевать.

— Конечно.

— А тебѣ что: не очень нравится? Хочешь сразу домик побольше?

Петр Николаевич почувствовал нѣкоторую нерѣшительность в отвѣтах сына.

— Да, как тебѣ сказать. Вѣдь, еще неизвѣстно, что будет осенью. Обстоятельства могут перемѣниться.

— Разумѣется! — торопливо подтвердила Елена Антоновна. — Мало-ли что. Да и ночевать в таком глухом мѣстѣ не безопасно.

— А, кромѣ того... Что касается меня... — Николай запнулся. Хотя ему болѣзненно жаль было огорчать родителей, но он считал необходимым как-нибудь, хотя бы в смягченном видѣ, подготовить их к своему отъѣзду. И данный момент показался ему благопріятным.

— Что касается меня, — повторил он, — то неизвѣство, останусь-ли я на зиму в Батумѣ.

— Как так? — испуганно спросила Елена Антоновна. — Ты хочешь уѣхать?

Петр Николаевич с удивленіем посмотрѣл на сына. Дзидза вплотную приблизилась к столу.

— В Кобулетах будешь жить? — тревожно проговорила она.

— Нѣт, нѣт, это пока еще так, предположенія. Может быть ничего и не будет. Особенно, если большевизм кончится. Вѣдь сейчас на Кубани дѣйствует Добровольческая Армія. И когда ея территорія расширится, и у нея будут всякія учрежденія для штатских, я, может быть, поѣду. Служить в министерствѣ каком-нибудь.

— Что с тобой? — с ужасом воскликнула Елена Антоновна. — На Кубани? А ты-то причем?

— Никуда не поѣдешь! — твердо заявила Дзидза. — Я тебя не пущу.

— При чем я? — Николай грустно улыбнулся. — Очень понятно. Мы всѣ одинаково при чем. Почему к Добровольцам должен присоединяться кто-нибудь другой, а не я? И бояться за меня нѣт основаній. Я, навѣрно, буду работать в тылу.

— Ты что? Хочешь побѣдить большевиков? — негодующе продолжала Дзидза, угрожающе подступая к Николаю. — Ты с ума сошел! У них морды, как у буйвола! Здоровые они, как быки! И ты будешь с ними драться? Такой худой?

— Но это не окончательно? — вытирая платком глаза, спросила Елена Антоновна.

— Ну, конечно, мама! Только так. Говорю на всякій случай.

— А если на всякій случай, почему меня разстраиваешь? Кромѣ того, турки тебя все равно не выпустят. Пусть прежде всего дѣйствуют тѣ, которые там. Они большевизм начали, они должны и кончить. А мы, в Закавказьи, не виноваты. Нѣт, я лучше пойду, лягу.

— Вот, какія глупости дѣлаешь! — презрительно замѣтила со своей стороны Дзидза. — Мать свою не жалѣешь! Идем, барыня.

Николай хотѣл подойти к матери, поцѣловать ее, успокоить, но не рѣшился. В послѣдніе годы он стыдился внѣшним образом проявлять нѣжность к родителям.

— Что-ж. Я тебя понимаю, брат, — задумчиво сказал Петр Николаевич, молча сидѣвшій до сих пор за столом. — И возражать не собираюсь. Да ты сам человѣк слишком честный и умный, чтобы тебя можно было уговаривать при помощи всяких софизмов. Раз совѣсть тебѣ говорит, что так надо, ты и поступай по совѣсти.

Он смолк, задумался. И затѣм, не выдавая внутренняго волненія, спокойным тоном продолжал:

— Правда, мы с мамой останемся одни. Нам — не легко. У меня едва-ли будет охота работать. Но, что дѣ-

лать. Во всяком случаѣ я тобою горжусь. Что касается будущаго — всѣ мы под Богом. Может быть все окончится счастливо. Вернешься назад, будем опять вмѣстѣ. Но ты окончательно это рѣшил?

— Да, папа.

— Осенью собираешься?

Тот не отвѣчал.

— Зимой? — Петр Николаевич пытливо смотрѣл на сына.

— Не знаю. Лучше не спрашивай.

— Скоро?

Николай встал со стула, подошел к отцу, погладил его по рукѣ.

— Скоро... — тихо проговорил он, оглянувшись на дверь, куда вышла Елена Антоновна. — Только не говори мамѣ и Дзидзѣ.

— Да. Понятно. Может быть, скажешь — когда?

— Прости. Не могу.

Петр Николаевич поднялся с мѣста, нервно зашагал по комнатѣ.

— Очевидно, связан союзом? Так. Но ты знаешь точно, куда ѣдешь?

— Приблизительно.

— А там будут у тебя какіе-нибудь близкіе люди? Вѣдь ты человѣк непрактичный.

— Да, да. Не безпокойся. Я ѣду не один.

— Это хорошо. Не хочу навязываться тебѣ своими совѣтами, но будь во всем осторожен. Ты представляешь, сколько сейчас повсюду безчестных людей. Обдумывай каждый шаг. Ты больше принесешь пользы Россіи, если не станешь подвергать себя напрасным опасностям.

Петр Николаевич зашагал по комнатѣ в разныя стороны. Казалось, что он безрезультатно ищет из этой комнаты выхода.

— Как неожиданно! — продолжал он. — В голову не приходило. Мнѣ казалось, что при твоей любви к наукѣ, к отвлеченному мышленію, у тебя не окажется такого

желанія... Какой ты вояка! Но это тѣм болѣе цѣнно. Прекрасно.

Он остановился.

— Но... недѣлю еще пробудешь с нами?

— Да.

— Хорошо. А как ты вырвешься из Батума? Обдумал?

— Все обдумано, все подготовлено. Будь спокоен, папа.

— Во всяком случаѣ, тебѣ понадобятся деньги. В дорогѣ деньги — прежде всего. И я тебѣ дам их заранѣе; иначе ты исчезнешь, не взяв ничего. Сколько нужно, по-твоему?

— Право, не представляю. Но много не давай. Я, навѣрно, начну сразу же зарабатывать.

— Гдѣ ты там будешь зарабатывать! У кого? И кто будет платить! На-днях я тебѣ приготовлю.

Стараясь казаться спокойным, Петр Николаевич заговорил с сыном о Добровольческой Арміи; о тѣх успѣхах, которые она одерживала по дошедшим в Батумѣ слухам; высказывал мнѣніе, что Николай больше всего принесет пользу, если будет писать в газетах статьи в пользу добровольческаго движенія. Затѣм встал, крѣпко пожал сыну руку и направился к себѣ в спальню. Но Николай нерѣшительно остановил его.

— Папа...

— Что, голубчик?

— На всякій случай... Давай попрощаемся. Заранѣе. Я должен буду оставить вас незамѣтно. Без предупрежденія.

— Да? — Петр Николаевич поблѣднѣл. — Но... ты обѣщал, что не раньше, чѣм через недѣлю.

— Да, но...

Отец обнял Николая, поцѣловал три раза, перекрестил.

— Ну, что-ж, дорогой. Поѣзжай. Будем надѣяться — скоро встрѣтимся. Сохранит тебя Господь, мой родной!

27.

Два дня послѣ этого Николай с утра до вечера работал на плантаціи, стараясь закончить просѣку среди рододендронов и довести ее до вершины холма. Усиленная работа немного успокаивала его, отгоняла печальныя мысли; кромѣ того, своим усердіем он хотѣл хотя как-нибудь подчеркнуть вниманіе к отцу, который в эти дни стал замкнутым и мало разговорчивым.

Вернувшись послѣ окончанія просѣки на дачу почти к сумеркам, Николай поужинал, вышел на площадку и увидѣл на скамьѣ возлѣ обрыва Киру.

— Вы уже вернулись? — радостно спросил он.

— Как видите.

Она со сдержанной улыбкой протянула ему руку.

— Ну, что? Удалось все устроить?

— Да.

— У Лобачева с Вѣрой были?

— Да. Благополучно.

— Принял вас? А относительно Бекирова как?

— Тоже все сдѣлали с Вѣрочкой. Очень милый и любезный человѣк. Интересный, при том.

— Турки вообще интересны. — Николай сѣл на скамью, помолчал. — Только вам... тебѣ нужно хотя бы раз поѣхать на рыбную ловлю, чтобы пограничники знали в лицо.

— Лобачев мнѣ об этом уже сказал. Отъѣзд предполагается в среду, а я поѣду в город в воскресенье и там останусь до конца. У меня будут для ловли рыбы понедѣльник и вторник.

— Кромѣ того, тебѣ надо подумать насчет вещей. Я послѣзавтра поѣду туда на один день, и могу взять с собою кое-что.

— Спасибо, подумаю. Между прочим, у Лобачева есть одно довѣренное лицо, которому мы всѣ может передать наши прощальныя письма родителям. Через день послѣ нашего отъѣзда этот господин развезет письма по адресам. Так что ты имѣй в виду.

— Да, благодарю. Я как раз обдумывал вопрос, кому передать для мамы.

Они помолчали. Кира посмотрѣла на свѣтившееся окно комнаты Екатерины Павловны. Опустила голову.

— Я понимаю, как тебѣ тяжело, моя милая, — тихо проговорил он. — Может быть, ты, все-таки, останешься?

Кира сурово взглянула на него.

— Прошу об этом не говорить!

— Да, да. Прости. Хочешь — немного пройдемся?

— Только не долго, я теперь буду проводить вечера с мамой.

Они встали; при слабом свѣтѣ молодого мѣсяца прошли к платановой аллеѣ, свернули на дорогу к верхней площадкѣ.

— Кирочка... — грустно сказал он. — Неужели ты всегда будешь со мною такая?

— Какая?

— Ты как будто относишься ко мнѣ враждебно.

— Нисколько. Ты должен понимать, что мнѣ не легко разставаться с матерью и с братом.

— Очень понимаю. Но твой тон....

От широко раскинувшихся над дорогой вѣтвей австралійской акаціи было темно. Сбоку, между стволами, мелькали огни сосѣдних дач. Вокруг, на склонах, на дорогѣ, среди деревьев, кустов, вспыхивали свѣтляки, чертя в темнотѣ огненные зигзаги и дуги. Сверху, с площадки, доносился аромат мимозы.

Николай и Кира шли молча. Прежде, во время подобных прогулок сюда, он помогал ей идти в темнотѣ, взяв под руку или обняв за талію. Теперь они поднимались отдѣльно, не прикасаясь друг к другу.

— У тебя свѣтляк в волосах, — сказал, наконец, он.

— Да? Пусть.

— Как их много!

— Очень. Только я не знаю, как мнѣ пронести незамѣтно в фелюгу зимнее пальто. Будет странно. Да и

дома нужно как-нибудь объяснить, почему беру в город. Скажу, что отдам в химическую чистку.

Они дошли до верхней площадки, сѣли на скамейку. Кругом, как и раньше, обычный ночной неясный пейзаж. Тѣ же таинственныя мутныя горы. Провалившееся море. Прозрачная бездна вверху, с неподвижно повисшими свѣтляками далеких мiров.

— А гдѣ новая звѣзда? — спросила она.

Он показал.

— Значит — пожар продолжается. А у нас — прекратился.

Она, задумавшись, долго молча сидѣла, уставившись взглядом в черные зубцы гор, окруженные звѣздами. И, вдруг, уронила голову ему на плечо.

— Ты плачешь?

Николай нѣжно обнял ее.

— Мнѣ жаль их.

— Родная моя! Я так понимаю. У меня на душѣ тоже...

— Хотя с нею Володя, но мы никогда в жизни не разставались. Как она это перенесет?

Нѣсколько капель упало на его руку. Он прижал ее к себѣ, стал цѣловать.

— Я представляю, Кирочка. Но, может быть, все скоро кончится. Мы благополучно вернемся. Бог поможет.

— Обними меня крѣпче.

— Кирочка... Но...

Он поцѣловал ее в губы, вздрогнул, торопливо отодвинулся.

— Не хочешь?

— Хочу, но... нельзя.

— Не любишь?

— Люблю, то-есть люблю, но...

— Тебѣ Шалва и Женя ближе меня?

— Неправда. Ты первая. Главная. Однако, мы условились...

Она порывисто поднялась со скамейки.

— В таком случаѣ идем домой!
— Кирочка... Подожди. Вѣдь, я...
— Идем домой!
— Нѣт, не пущу!
Он притянул ее, усадил на скамейку и стал цѣловать, забыв о программѣ поведенія при простой дружбѣ.

— Вѣдь ты же чувствуешь! Знаешь! — безсвязно шептал он. — Я за тебя готов все отдать. Ты единственная. Радость. Счастье. Но, пойми... Ну, довольно. Кирочка! Я же не смѣю!

Он с трудом оторвался от нея, вскочил и, тяжело дыша, остановился в нѣскольких шагах от скамьи. Она печально улыбнулась, привычным движеніем рук поправила прическу, встала и подошла к нему.

— Уже пора. Только возьми меня под руку, плохо видно.

Николай осторожно пошел рядом, слегка поддерживая ее за локоть.

— Если это получается не по дружески, держи меня только за пальцы, — насмѣшливо произнесла она. — Вот так. Как ходят дѣти.

— Ты издѣваешься. — Николай вздохнул. — Ну, что-ж. Мнѣ жаль, что до сих пор не хочешь меня понять. Очевидно, в твоих глазах я просто смѣшон.

— Нѣт, сейчас не смѣшон. Но, навѣрно, скоро будешь.

— То-есть, как?

— Сам увидишь. А теперь вот что: для твоего успокоенія мы до отъѣзда ни разу не выйдем с тобою в сад. Кончено.

Остаток вечера Николай провел в столовой в бесѣдѣ с родителями. Послѣ того, как Елена Антоновна и Дзидза ушли спать, Петр Николаевич поговорил с сыном о предстоящей работѣ слѣдующаго дня, затѣм вышел на короткое время в свою спальню и вернулся, держа в рукѣ небольшой пакет.

— Вот, дорогой мой, возьми то, что я тебѣ объ-

щал, — с необычной для него нѣжностью в голосѣ сказал он. — Думаю — тебѣ этого и на дорогу и на нѣсколько мѣсяцев жизни хватит. Только будь осторожен, не потеряй. А впослѣдствіи, Бог даст, наладится связь, напишешь нам, я пришлю снова.

— Очень тебѣ благодарен, папа. — Николай со смущеніем взял туго набитый конверт. — Боюсь только, что слишком много.

Он обнял отца, поцѣловал.

— Нѣт, нѣт, совсѣм не много, не безпокойся. И потом... в вашем дѣлѣ я тоже должен как-нибудь участвовать. А насчет писем я вот что думаю: между нами и Грузіей, навѣрно, скоро возстановится почтовое сообщеніе. И между Грузіей и Новоросійском — тоже. Тогда ты можешь отправлять письма в Тифлис своему пріятелю Микеладзе с просьбой пересылать нам.

— Совершенно вѣрно! Я в Новороссійскѣ все разузнаю насчет связи с Тифлисом, и, если эта связь сейчас существует, сразу напишу вам о себѣ подробно через Шалву. А он, в крайнем случаѣ, постарается отправить вам мое письмо с дипломатической почтой.

— Вот и прекрасно. Пиши нам побольше и почаще. Ты представляешь, какая это будет радость для мамы. Да и для меня... Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — упавшим голосом отвѣтил Николай, замѣтив на глазах у отца слезы.

28.

В воскресенье Кира уѣхала в город. Николай ее не провожал, чемодан на станцію нес Володя. Брату и матери она сказала, что ѣдет на нѣсколько дней в гости к Вѣрочкѣ. Будучи особенно веселым послѣ получки очередной платы от Петра Николаевича за работу на плантаціи, Володя оживленно разсказывал, какіе новые столярные инструменты купит себѣ, и не замѣтил необычно грустнаго настроенія сестры. Не замѣтил он и того, что,

прощаясь с ним на желѣзнодорожной платформѣ, она слишком нѣжно его цѣловала и слишком внимательно смотрѣла на него из окна вагона перед отходом поѣзда.

А Николай уѣхал в город во вторник. Утром, как обычно, пошел с отцом на плантацію; но, когда, послѣ обѣда, Петр Николаевич лег в тѣни бука на плэд и заснул, он набрал для матери и для Дзидзы большую охапку рододендронов и осторожно стал спускаться к шоссе.

— Ну, прощай, — обернувшись к склону, на котором под гигантским деревом виднѣлась фигура отца, тоскливо произнес про себя он. — Спасибо тебѣ... Бог даст, увидимся.

Дома он был особенно ласков и с матерью и с Дзидзой. Распредѣлив принесенные цвѣты по вазам в столовой и в спальнѣ родителей, он зашел в комнату Дзидзы, вставил в стеклянную банку от варенья нѣсколько вѣток и вернулся в столовую, гдѣ Дзидза приготавливала чай ему и Еленѣ Антоновнѣ.

— А я сегодня ѣду по дѣлу в город, — стараясь казаться веселым, небрежно сказал он за чаем. — Хочу отдать в чистку свое пальто.

— А зачѣм тебѣ лѣтом пальто? — с удивленіем спросила Елена Антоновна.

— Сейчас обойдется гораздо дешевле, чѣм осенью. И затѣм еще есть кое-какія дѣла.

— Очень нужно отдавать в чистку! — пренебрежительно замѣтила Дзидза. — Дай мнѣ, я лучше вымою тебѣ в морѣ. Морская вода хорошо моет.

— Нѣт, ты не можешь сама разутюжить как слѣдует. А, кстати... Чуть не забыл! У меня лежит уже три дня. Один знакомый офицер, занимающійся сейчас фотографіей, недавно меня снял и подарил двѣ карточки. Сейчас принесу.

Смущаясь тѣм, что говорит неправду, Николай, не глядя на мать и Дзидзу, прошел в свою комнату и вернулся с двумя карточками в рукѣ.

— Вот, — любовно обращаясь к Еленѣ Антоновнѣ, проговорил он. — Как, по-твоему? Недурно снял?

— Прекрасно. Очень хорошо! Выраженіе лица естественное. Немного худѣе кажешься, чѣм на самом дѣлѣ, но ничего. А надпись сдѣлал?

Она перевернула карточку и прочла:

«Дорогим мамѣ и папѣ от любящаго Коли. Крѣпко вас цѣлую». Как трогательно! Дай, я тебя обниму!

Елена Антоновна притянула к себѣ голову сына, поцѣловала его в лоб.

— А мнѣ? — тревожно спросила Дзидза.

— И тебѣ тоже. — Николай протянул Дзидзѣ другой экземпляр. — И надпись есть. Я прочту, а то тебѣ трудно самой: «Дорогой Дзидзѣ от любящаго газдыли. Шеничириме!»

— Совсѣм настоящій! — удовлетворенно произнесла Дзидза. — Только очень согнулся. Спасибо. Пока положу здѣсь, потом отнесу.

Посидѣв еще нѣкоторое время в столовой и стараясь бодро держаться, Николай отправился к себѣ подготавливаться к отъѣзду. Написал краткое, но трогательное письмо родителям, которое надо было передать через Лобачева довѣренному лицу; собрал всѣ свои документы в один пакет вмѣстѣ с деньгами; уложил самыя необходимыя вещи в чемодан, не забыв подаренный Дзидзей кинжал; долго перебирал книги, обдумывая, какія из них можно взять, чтобы не было слишком громоздко.

Наконец, пришло время прощаться. Хотя до отхода поѣзда оставалось болѣе часа, но Николай рѣшил уйти из дому пораньше, до того, как отец вернется с плантаціи; а пока поѣзд придет, можно посидѣть около станціи на берегу моря.

— А почему ты так рано? — взглянув на часы, с удивленіем спросила Елена Антоновна.

— Мнѣ сначала нужно зайти к одному знакомому в Махинджаури.

— Будешь до Махинджаури тащить чемодан? — встревожилась Дзидза.

— Пустяки.

— И пальто, все-таки, берешь? Хочешь — я понесу?

— Нѣт, спасибо, чемодан легкій. Ну, до-свиданья. Пора.

Он крѣпко поцѣловал мать, Дзидзу; и, быстро отвернувшись, чтобы скрыть волненіе, направился к выходу.

— А когда вернешься? — спросила вдогонку Елена Антоновна.

— Точно не знаю.

Держа в руках чемодан и пальто, Николай вышел, спустился на площадку, медленно двинулся по платановой аллеѣ; затѣм обернулся, увидѣл вдали окно комнаты матери, огромный хамеропс возлѣ него, скамейку около камелій. И, вытерев пальцами глаза, круто повернул, стал спускаться к морю.

Постепенно позади оставалось все: родные, дом, знакомыя тропинки, скамейки среди криптомерій, под австралійскими акаціями, окруженныя стѣнами буксуса; неистово благоухающіе цвѣты, деревья, рѣзныя очертанія пальм. Вспомнились яркія краски сіяющих дней, вечерній сумрак аллей, искры ночных свѣтляков. А снизу надвигалось притаившееся безкрайное море.

— Ты как думаешь, барыня? — тревожно спросила Елену Антоновну Дзидза, когда Николай скрылся из вида. — Наш Коля здоров?

— Разумѣется. А что?

— Глаза у него не такіе, как раньше. А он тебѣ не сказал, когда свадьба?

— Нѣт.

— А почему не спросишь? Ты — мать.

— Неудобно. Он не любит, когда вмѣшиваются в его дѣла.

— Я думаю — скоро. Ты знаешь? — Дзидза на всякій случай обернулась в сторону двери. — Три дня назад, вечером, я сидѣла около кухни, а они стояли недалеко, меня не видѣли. И Коля говорит: «Пойдем на верхнюю площадку». А она ему: «Нѣт, я хочу послѣдній вечер быть с мамой».

— В самом дѣлѣ? — Елена Антоновна заинтересовалась. — Почему же послѣдній?

— А вот, потому, что теперь молодые — всѣ сумасшедшіе. Старших не спрашивают. Кира позавчера уѣхала. Коля — сегодня. А послѣзавтра они пріѣдут оба вмѣстѣ и скажут, что повѣнчались в Кобулетах, как Вѣрочка. Увидишь!

Дзидза пренебрежительно улыбнулась, помолчала и мечтательно добавила:

— Ну, ничего. Только, чтобы женились. А ты каких дѣтей хочешь? Я хочу так: чтобы одна дѣвочка и один мальчик. Дѣвочка пускай похожа на барина — Петра Николаевича. А мальчик — на тебя. И на меня.

Она подошла к буфету, взяла лежавшую на нем фотографическую карточку, любовно посмотрѣла на нее и отправилась в свою комнату.

Там, над старым комодом, стоявшим рядом с желѣзной кроватью, висѣл ея знаменитый портрет, изображавшій Николая в видѣ браваго черкеса в папахѣ. Она бережно переставила банку с рододендронами к стѣнѣ, гдѣ висѣл черкес, прислонила к банкѣ карточку, и долго поочередно смотрѣла то на портрет, то на снимок.

— На карточкѣ больше похож, — согласилась, наконец, она. — Но там — красивѣе. Ну, ничего: когда женится, сдѣлается папой, станет полный... Тогда, может быть, будет такой, как портрет!

29.

В тот же день, вечером, в квартирѣ Лосевых наблюдалось необычное оживленіе. Одни за другими приходили офицеры, участники группы. Нѣкоторые являлись за справками, за совѣтом, с порученіями от капитана Лобачева; нѣкоторые, одинокіе, просто так, в гости, чтобы перед отъѣздом не сидѣть дома.

Послѣ укладки вещей в комнатах царил безпорядок, и Арсеній в присутствіи гостей тщетно старался с ним

справиться. А придать квартирѣ приличный вид надо было, так как сюда через два дня переѣзжали его дальніе родственники — бѣженцы с сѣвера. Вѣрочка же и Кира были заняты на кухнѣ приготовленіем ѣды для завтрашней поѣздки.

— Вѣра, а куда положить это?

Заглянув на кухню, Арсеній показал женѣ снятое со стѣны полотно с вышитым на нем черными и оранжевыми нитками двуглавым орлом.

— Вон туда, в мѣшок. Вмѣстѣ с твоей рапсодіей.

— А ты, все-таки, берешь рапсодію? К чему? Только лишняя тяжесть.

— Не смѣй так говорить! Ну, выпьем чаю и затѣм пойдем к моим. Коля! — крикнула Вѣра в сторону сосѣдней комнаты. — Помоги принести стаканы!

Николай, сидѣвшій вмѣстѣ с Зубовским, встал, торопливо направился к кухнѣ.

— А гдѣ скатерть, чтобы постлать? — заглядывая в буфетный шкап, спросил он.

— Тебѣ еще скатерть нужна! Тут такой кавардак, а он... Ставь стаканы прямо на стол.

Кира, оторвавшись от сковороды с жарившимися котлетами, с легкой усмѣшкой взглянула на Николая.

— А ложки гдѣ? — продолжал он.

— В правом ящикѣ.

— Сколько надо?

— А ты возьми учебник высшей математики и вычисли.

— Не понимаю, почему вы обѣ сегодня так пренебрежительно со мной разговариваете.

— Значит, заслужил. Бери стаканы!

Гости пили чай в разных углах, гдѣ попало и наспѣх, чтобы не задерживать Вѣрочку. Говорили о фальшивых документах на имена нижних чинов, которые им сегодня выдал Лобачев, сохранившій у себя перед приходом турок офиціальную печать Михайловской Крѣпости; обсуждали вопросы: как придется пробираться через Ново-

россійск, в котором еще хозяйничали большевики; как завтра переносить в фелюги послѣднія вещи, чтобы не обратить на себя вниманія турок.

— Господа, — кончив пить чай, сказал Зубовскій. — Мы сейчас расходимся. Но на прощаніе разрѣшите предложить вам по стакану стараго кахетинскаго. Я с собой захватил.

Он достал с коммода бутылку, не ожидая отвѣта, налил всѣм.

— За благополучную поѣздку! — провозгласил он. — Будем твердо вѣрить, что наше общее дѣло увѣнчается полным успѣхом!

— Дай Бог! — сказал Лосев.

— Чтобы оно крѣпло, ширилось, развивалось! Чтобы всѣ любящіе отечество сплотились в несокрушимую массу. Чтобы крылья двуглаваго орла побѣдоносно пронеслись над всей Россіей!

— Ура!

Присутствовавшіе стали чокаться. А когда, послѣ этого, стаканы были убраны, Вѣра нерѣшительно подошла к углу, гдѣ висѣла икона, и смущенно предложила:

— Теперь, господа... Перед отъѣздом... Слѣдовало бы помолиться.

— Да! Да!

Всѣ смолкли. Не зная, какую молитву слѣдует произносить в подобных случаях, Вѣрочка дрожащим голосом стала читать «Отче Наш».

— Икону тоже возьми, — по окончаніи молитвы сказал женѣ Лосев. — Положи туда же... Гдѣ двуглавый орел и рапсодія.

— Обязательно.

Наконец, гости ушли. Вѣрочка уложила икону в мѣшок, вымыла стаканы и попросила мужа пойти вмѣстѣ с Кирой вперед, так как ей нужно наединѣ поговорить с кузеном.

— А о чем? — с недоумѣніем спросил Николай.

— Сейчас узнаешь.

Когда Арсеній с Кирой ушли, обѣщав подождать на скамейкѣ бульвара против дома Тверцовых, Вѣрочка пригласила Николая сѣсть рядом с нею и вынула из своей сумочки какой-то конверт.

— Ты представляешь, от кого это письмо? — насмѣшливо спросила она.

— Нѣт.

— В таком случаѣ, слушай. Как ты знаешь, на прошлой недѣлѣ мы с Кирой были у Бекирова по поводу разрѣшенія на участіе в рыболовной компаніи. Я, конечно, сказала, что ты мой двоюродный брат. Он был очень мил. Почему-то загадочно усмѣхался, когда давал разрѣшеніе, а затѣм любезно спросил, не нужно-ли нам еще чего-нибудь, — он всегда охотно поможет. Тогда я попросила его дать мнѣ пропуск в Тифлис и обратно. И он на слѣдующій же день все устроил.

— А зачѣм тебѣ нужно было в Тифлис?

Николай подозрительно глядѣл на Вѣру.

— Судя по твоей физіономіи, ты, навѣрно, догадываешься. Кира дала мнѣ адрес Головановых, я у них остановилась, в тот же день побывала у Микеладзе, у Хачатурова. И, сердись на меня, не сердись, но разсказала им всю правду. От Киры я все знаю. И как они оба смѣялись!

— Это неправда!

Николай нервно поднялся со своего мѣста.

— То-есть, смѣялись не над тобой, а над этим самым совпаденіем. А от тебя они, конечно, в восторгѣ. Я увидѣла, как они, дѣйствительно, тебя любят. Вообще, очень милые оба, твои друзья.

— Вѣра... Это безобразіе... Ты поставила меня в унизительное положеніе! Они могли думать, что я тебя сам просил!

— Не безпокойся, ничего не могли думать. Я подчеркнула им, что ты о моей поѣздкѣ ничего не знаешь. Да и им самим, слава Богу, отлично извѣстно, какой ты странный субъект.

— Все равно. Это — недопустимо! Это... я не знаю.

что! — Николай зашагал по комнатѣ. — Я не хочу, чтобы Женя по отношенію ко мнѣ чѣм-нибудь поступался!

— Погоди, дай сказать.

— Я тобой возмущен, Вѣра! Ты не имѣла нравственнаго права не спросить заранѣе меня!

— Да подожди ты, несчастный! Я еще не сказала самаго главнаго: Хачатуров в скором времени сам женится. Слышишь? Я как раз познакомилась с нею, она была у него. Прелестная барышня.

— Женится? Хачатуров?

Николай остановился.

— Вот, прочти. Он сам о ней пишет. И Шалва мнѣ говорил, что Женя сейчас очень счастлив.

— В таком случаѣ, дай... Не понимаю. Так скоро забыть Киру? Это свинство!

Он недовѣрчиво взял у Вѣры конверт, присѣл к столу, гдѣ стояла лампа, вынул листки бумаги, начал читать. Письмо было длинное, сначала от Хачатурова, потом — от Шалвы. Хачатуров сообщал, что послѣ распада Закавказской республики снова лишился мѣста и теперь служит в армянской дипломатической миссіи, аккредитованной при грузинском правительствѣ. Женится он на одной петербургской консерваторкѣ — пѣвицѣ, недавно прибывшей в Тифлис вмѣстѣ со своими родителями. Свадьба будет, навѣрно, в концѣ лѣта. Шалва, со своей стороны, писал, что все у него благополучно, отец здоров, шлет привѣт; а сам он занимает сейчас крупный пост в интендантствѣ и что работы у него масса, так как хлѣба у Грузинской республики в настоящее время мало.

А заканчивалось письмо припиской от обоих друзей, написанной рукой Жени:

«Желаем вам обоим счастья и радости. Преклоняемся пред вашим рѣшеніем принять активное участіе в борьбѣ против большевиков. Дорогая Кира Андреевна, берегите нашего блаженнаго астронома: вы перед нами за него отвѣчаете».

— Ну, что? — торжествующе спросила Вѣрочка.

когда Николай кончил читать и положил письмо на стол. — Теперь вѣришь?

— Да.

— И тебѣ стыдно, что ты на меня кричал?

— Я не кричал.

Он, сконфуженный, радостный, подошел к Вѣрочкѣ, порывисто обнял ее.

— Спасибо, дорогая. Прости! Я не знал, что Женя такой непостоянный. Какая ты добрая! Как хорошо, что мы ѣдем вмѣстѣ!

— Я тоже рада. Ну, довольно. А то со стороны Бог знает, что можно подумать. А скажи: может быть послѣ этого... вы передумаете и останетесь здѣсь?

— Что?

— Нѣт, нѣт. — Вѣрочка смутилась. — Не сердись. Я потому, что Лобачев, по-моему, согласился бы освободить вас от обѣщанія.

— И тебѣ не стыдно предлагать это?

— Я и не предлагаю. Тѣм болѣе, что Кира тоже обидѣлась. Итак, идем, а то поздно.

В ожиданіи, пока Вѣра с мужем выйдут от родителей из дома Тверцовых, Николай с Кирой сидѣли у внѣшней ограды бульвара. Оставшійся от зимних бурь крайній вал гравія тянулся вдоль ограды, возвышаясь над другими грядами камня, нанесенными позже. Чуть слышныя волны плескались вдали, передавая берегу вѣсти из открытаго моря. На ясном небѣ, поблѣднѣвшем от луннаго свѣта, ярко сіяла новая звѣзда созвѣздія Орла.

— Посмотри, какая лунная дорога перед нами, — обняв Киру и стараясь отвлечь ее от грустных мыслей, говорил Николай. — А там, видишь, вдали — будто золотое озеро.

— Да.

— Если бы мы сѣли в лодку и попытались достигнуть этого озера, мы никогда не приплыли бы. Опять был бы новый золотой путь впереди, опять вдали — озеро.

— Да.

— Вот и жизнь наша так. Плывем... Впереди, в надеждах, свѣтло. Дорога будто в золотѣ. На самом дѣлѣ — только отблеск свѣта, идущаго с неба. И хорошо. И грустно. И все неизвѣстно. — Он стал смотрѣть на горизонт, смолк.

— О чем думаешь? — спросила она, прижавшись щекой к его лицу.

— Обо всем. О нашем счастьѣ. О наших бѣдных родных. И еще...

Он слегка отодвинулся от нея и с интересом добавил:

— Странно: почему отраженіе луны вдали расширяется и превращается в озеро? Казалось бы, наоборот — свѣтлая полоса должна суживаться. Очевидно, объясняется это различіем теченій в морѣ и характером волн. Но без предварительнаго чертежа с углами паденія и углами отраженія не могу сразу сообразить.

30.

День начался обычной радугой перед выходом солнца из-за голубых карчхальских ледников.

Оживилось безсонное море, зашевелило лепестками оранжевых волн. Из призрачной мглы выступили горы, стряхивая в долины и в пропасти остатки предразсвѣтнаго сумрака. Открылись небу изгибы холмов, провалы ущелій, хрусталь и пѣна потоков. Затрепетали влажными листьями деревья, кусты, непроходимыя заросли. Вспыхнув утренней радостью, безчисленные цвѣты обратили к солнцу благодарные глаза, наполненные слезами ночного испуга.

По пустынной морской глади медленно шла в сторону Турціи кочерма, распустив паруса, ловя первое вѣяніе дневного бриза. А гдѣ-то за нею, далеко к горизонту, уходили двѣ черныя точки. Останавливались, сближались, снова двигались дальше. И за ними, цѣпью священных бѣлых видѣній, с вершинами, окропленными солнечной розовой кровью, поднимался к небу, благословенный Кавказ.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris